

Леонид Большаков

КЛАД КОМИССАРА

Книга художественно-документальных очерков об Оренбургском краеведческом музее, которому исполняется 150 лет, о его истории, о людях, чьи судьбы отражены в экспонатах.

СЛОВО К ЧИТАТЕЛЮ

ОРЕНБУРГСКОМУ КРАЕВЕДЧЕСКОМУ МУЗЕЮ - 150 ЛЕТ. ВСЕ, О ЧЕМ ВЫ ПРОЧТЕТЕ В КНИГЕ, ТАК ИЛИ ИНАЧЕ СВЯЗАНО С НИМ, СТАРЕЙШИМ НА ЮЖНОМ УРАЛЕ И ОДНИМ ИЗ САМЫХ ПОЧТЕННЫХ СРЕДИ СВОИХ СОБРАТЬЕВ В РОССИИ.

ЭТО НЕ МОНОГРАФИЯ - ОНА ВПЕРЕДИ, ХОТЯ МУЗЕЙ ДОСТОИН ЕЕ УЖЕ СЕЙЧАС. ТУТ ТОЛЬКО НЕСКОЛЬКО ШТРИХОВ ИСТОРИИ МУЗЕЯ, НЕКОТОРЫХ ИЗ ЕГО ЭКСПОНАТОВ, ПОВЕСТВУЮЩИХ О ПРОШЛОМ КРАЯ. ОНИ И СОСТАВЛЯЮТ ПЕРВУЮ ЧАСТЬ КНИГИ. ВТОРАЯ ЧАСТЬ - О ЛЮДЯХ, КОТОРЫХ Я ЗНАЛ, С КОТОРЫМИ ДРУЖИЛ (ИЛИ ДРУЖУ ПОНЫНЕ); ТЕПЕРЬ О НИХ РАССКАЗЫВАЮТ МУЗЕЙНЫЕ ЭКСПОЗИЦИИ, МНЕ ЖЕ ХОЧЕТСЯ ПОВЕДАТЬ ТО, ЧТО УЗНАЛ 4 ЗА ГОДЫ ОБЩЕНИЯ, И ТЕМ САМЫМ КАК БЫ РАЗДВИНУТЬ СТЕНЫ ЗАЛОВ.

ОБ УДИВИТЕЛЬНОМ, УВЛЕКАТЕЛЬНОМ МУЗЕЙНОМ МИРЕ, О ТОМ, ЧТО НА СТЕНДАХ И ЗА СТЕНДАМИ, О ЛЮДСКИХ СУДЬБАХ, АККУМУЛИРОВАННЫХ В САМЫХ РАЗЛИЧНЫХ ЭКСПОНАТАХ, ИСТОРИИ И ЕЕ ЦАРЯХ - "МУЗЕЙЩИКАХ" МОЖНО ПОРАССКАЗАТЬ МНОГОЕ.

ШТРИХИ ИСТОРИИ

КРОМЕ БОГАТСТВ ЕСТЕСТВЕННЫХ, ТРУДОВОЙ НАРОД УНАСЛЕДОВАЛ ЕЩЕ ОГРОМНЫЕ БОГАТСТВА КУЛЬТУРНЫЕ: ЗДАНИЯ ДИВНОЙ КРАСОТЫ, МУЗЕИ, ПОЛНЫЕ ПРЕДМЕТОВ РЕДКИХ И ПРЕКРАСНЫХ, ПОУЧИТЕЛЬНЫХ И ВОЗВЫШАЮЩИХ ДУШУ,

СТРАНИЦА ПЕРВАЯ

1

Светлая мысль явилась генералу Сухтелену осенью 1830 года: краю, препорученному его попечению, нужен музей "для сосредоточения всяких предметов, служить могущих к вящему развитию понятий юношества и к общей пользе распространения наук, особенно в Оренбургской губернии"...

Идею свою он изложил высоким штилем, приличествовавшим самому важному официальному письму: "Край сей, обширный и богатый многоразличными произведениями природы, заключающий несколько народов, разнящихся верою, нравами, обычаями, промышленностью, одеждою, доселе, по своему пространству и разнообразию, самими жителями оно не совершенно знаемый, остается для России, и в особенности для иностранцев, странюю мало известною..."

Этого быть не должно, и вот его, губернаторское, слово: "противу сих недостатков одним из надежнейших пособий может быть образование музеума". А вслед за выводом и первые практические шаги: выделить "на первый случай" для музея "одну из зал дома Неплю-евского училища", а обязанности "смотрителя и устроителя" возложить на чиновника особых поручений Шан-гиона Гартинга.

Печатный циркуляр скрупулезно перечислял все, что собирать надлежало: от минералов до картин, от звериных чучел до моделей машин, от одежды и украшений до книг и рукописей. В общем, собирать следовало "все предметы поучительные, любопытные и полезные".

"Любопытные и полезные..."

...С того музей и начался.

Первые документы, ему посвященные, датированы 24-м ноября 1830 года.

Правлению Сухтелена в крае к тому времени исполнилось всего полгода, а он уже, по словам местного старожилы и знатока прошлого генерал-майора И. В. Чернова, зарекомендовал себя как "человек добрый, сердечно относившийся к каждому, гуманный в обращении и замечательно выдававшийся своим умом".

Павел Петрович Сухтелен и впрямь был личностью незаурядной. Родился в 1788 году, вскоре после того, как отец его, талантливый военный специалист из Голландии, перешел на службу в Россию и получил здесь чин инженер-полковника; потом Петр Корнилович был инженер-генералом, одним из организаторов и руководителей Генерального штаба. Учил сына, главным образом, сам. Знания будущий губернатор получил обширные и разносторонние.

Служить Сухтелен-младший пошел по военной линии. В пятнадцать лет от роду его произвели в поручики. Семнадцатилетним кавалергардом, участвуя в Аустерлицком сражении, он получил и первое боевое крещение, и первые раны.

Во время горячей стычки с французской кавалерией на него обрушился сабельный удар, и почти тут же разорвавшееся ядро сильно повредило ему ногу. Юный кавалергард оказался в плену.

- Ого! Так молод и вздумал потягаться с нами! - сказал, увидев его, Наполеон.

- Молодость не мешает быть храбрым,- смело ответил раненый.

- Bravo, молодой человек! Ответ прекрасный! - воскликнул император.- Продолжайте служить и вы уйдете далеко!

Прогноз оказался верным. По возвращении из плена Сухтелен получил - золотую саблю "за храбрость", а в 1807 году уже снова участвовал в боях - под Гейдезьбергом и Фридландом.

Оценили не только его боевые качества, но и ум: год спустя совсем молодой офицер участвовал в пере-говорах о сдаче крепости Свеаборг, принес много пользы своей делегации и стал флигель-адъютантом. Служба продолжалась. В 1809 году во время войны со Швецией он участвует в дерзком переходе по льду Ботнического залива. В 1811-м Сухтелен отличается в боях с турками, и особенно при взятии Слободзеи. Однажды Кутузов послал его с важным поручением к генералу Маркову - тот действовал в тылу неприятеля-Сухтелен взял лодку и одного гребца; плыли они Почти на виду у противника, который вел по ним непрерывный пушечный, ружейный огонь. И тем не менее поручение было выполнено.

1812-й... Он действует в партизанском отряде Чер-Мшева. Годы последующие: то Генштаб, то передовые Полиции. Сухтелен продвигается по лестнице чинов и должностей, но остается человеком образцовой лич-цей отваги. В Персидской войне, будучи уже генерал-"вартирмейстером и начальником штаба кавалерий-""мх корпусов, он захватил в плен коменданта Ереван-крепости Хасан-хана. Еще и еще раз проявилась отвага в войне 1829 года - очередной русско-ту-кампании. Снова риск, снова рана, и снова поля золотая награда - шпага...

В апреле 1830 года Сухтелен назначается Орен-гским военным губернатором.

Так он оказался в этом крае - бесконечном по землям, разноплеменном, неисследованном и {ооустроенном. Предшественник нового губернатора - ограниченный и деспотичный генерал Эссен - за тринадцать лет владычества мало что сделал для решения коренных проблем, зато открыл простор злоупотреблениям. Наследство Сухтелену досталось незавидное.

Он сумел сделать многое. И в организации управления кочевыми казаками, улучшении условий их жизни. И в устройстве башкирского землепользования. И в развитии образования, культуры. "Если до сих пор Азия служила Европе светочем просвещения, то пора теперь Европе быть просветительницей",- говорил Сухтелен, и по-новому было организовано им обучение в Оренбургском Неплюевском военном училище, начало свою деятельность девичье, в Казанской гимназии и Казанском университете учредили двадцать стипендий для детей магометан, которым, выучившись, надлежало возвратиться в свой край. Губернатор отыскивал и привлекал образованных, способных, деловых помощников. Так появились здесь А. И. Серeda, Г. Ф. Гене, Н. В. Жуковский и другие. Так оказалась в Оренбурге значительная группа молодых людей, горевших желанием отдать все знания на пользу новых для них мест.

Одному из прибывших сюда по приглашению - Шангиону Гартингу - Сухтелен и поручил начать устройство музея, или, как именовали тогда,- "музеума".

Позже он подыскал для этой цели человека более подходящего. Но для первоначала прикомандированный к губернатору чиновник коллегии иностранных дел Гартинг подходил как нельзя лучше.

Экспонаты стали поступать сразу. Стекались к самому губернатору, а от него - к "смотрителю и устройтелю". Среди того, что препровождал, были:

- собрание 43 повелений, подписанных Александром I; их подарил Дебу, известный исследователь края;
- экстракт журналов мореплавания и описаний Каспийского моря в 1715, 1716, 1718 и последующих годах - прежде это хранилось у бывшего председателя гражданской палаты Соколова;
- рукописное "Житие Петра Великого", поступившее от того же дарителя;
- "семь штук различных минералов" - с ними расстался челябинский городничий Жуковский;
- "зубы и кости мамонтов", пожертвованные уральским священником Н. (он пожелал остаться неизвестным)...

Подносили разное. Сухтелен не отказывался ни от чего. В препроводительном письме начальника штаба корпуса генерал-майора Чуйкевича среди других перечисленных им подношений будущему музею указывался "пожертвованный его высокостепенством ханом-правителем Внутренней Орды Джангером Букеевым полный костюм зимний и киргизский летний; таковые же женский и девичий костюмы". В этом месте вполне серьезная бумага заставляла улыбнуться. После упоминания "девичьего костюма" в ней было сказано: "у последнего недостает исподницы, которую ее степенство ханша почла жертвовать непристойным".

Через губернатора преподнес подарок - "ящик с восемнадцатью минералами" прославленный впоследствии русский ученый и путешественник Григорий Силыч Карелин.

Сам Сухтелен добавил "на зубок новорожденному" и свое, личное: "две серебряные медали на заключение мира с Персией и на пребывание в Санкт-Петербурге персидского посольства в 1829 году". Медали были -памятными, он получил их как непосредственный участник событий. Но для музея не пожалел и их.

Идея создания в крае учреждения широких просветительных возможностей - подобного тем, которые доводилось видеть лишь в столице,- увлекла его по-настоящему. С особым вниманием присматривался Сухтелевы ко всему, что было в его казенных и личных апартаментах. А когда находил...

"Состоящему при мне Азиатского департамента Министерства иностранных дел господину протоколисту Шангиону Гартингу.

В сентябре месяце 1828 года в дистанции Магнитной крепости, в трех верстах от редута Спасского, по течению реки Урала, найдена на песке часть головы неизвестного животного, длиною в 1 аршин 2 вершка, вышиною 6 и толщиной 8/2 вершка, которую бывший комендант означенной крепости генерал-майор Мистров представил к предместнику моему генералу Эссену..."

Эссену было не до "части головы". Присылка завалилась и, наверное, исчезла бы, не обрати на нее внимание Сухтелен.

"...Почитая приличным иметь означенную голову в музее... препровождаю ее к Вашему благородию...",- писал он Гартингу. Писал, а не довольствовался передачей из рук в руки, хотя чего проще: позвать чиновника к себе и вручить ему останки "неизвестного животного". Но музей - не свалка найденного. У каждого экспоната, понимал он, должна быть биография точная и зафиксированная.

Экспонаты приносили, привозили, присылали.

Отставной прапорщик Бедрин ради музея расстался с "одной морской раковиной и двумя улитками". Графиня Вязьмитинова прислала портрет мужа-

генерала. Помещик Уфимского уезда Андрей Либин самолично доставил "монеты римские, китайские, голландские, полушку 1721 года, медаль английскую и семь гравированных видов ученнейших мужей". Профессор естественной истории Волынского лицея Велибанд Бес-сер собрал "350 сортов сухих растений разных родов", и всю эту коллекцию препроводил в Оренбург.

Из Сибири пришел "наряд одежды тунгузского шамана". Калмыцкий князь Сербеджаб Тюменев одарил музей "конским убором" и различными национальными одеяниями - мужским, женским, девичьим. Княгиня к сему руку свою не приложила, и эти костюмы оказались без каких-либо изъятий...

Подарков становилось все больше.

У музея появилась книга даров и дарителей. На титульном листе ее значилось:

Летопись музеума при Неплюевском военном училище. Основанного в Оренбурге 1831 года графом Павлом Петровичем Сухтеленем в царствование Николая I.

Для вписывания пожертвователей и пожертвований.

Первым - и по праву - в летопись вписали Сух-телена. Ну, а экспонат... какой из экспонатов оказался в ней под номером 1!

"...1. Топография Оренбургская; книга, сочиненная Петром Рычковым, печатанная в Санкт-Петербурге в 51762 году..."

Значит, Рычков! Это и справедливо, и символично! В Оренбурге он жил много лет. На доме по улице 'Советской, неподалеку от набережной Урала, привлекает внимание мемориальная доска, напоминающая о 'Долговременном проживании здесь члена-корреспондента Петербургской Академии наук. Первого члена-корреспондента... избранного по предложению самого Михаила Ломоносова... В 1734-1737 годах Петр Иванович Рычков участвовал в экспедиции, целью которой являлось создание города на реке Орь. Он написал "Историю Оренбургскую"; вышла она в год выборов его в Академию--1759-м, Прошло всего три года - и вот: "Топография Оренбургская", которую в науке поныне считают прекрасным образцом географических работ середины XVIII века.

Какая в книге характеристика природы, населения и хозяйства - обстоятельная, всесторонняя, с заглядом в дали дальние... Какое умение выделить основное, главное... Какой язык - простой, образный... Каждой своей строкой и страницей Рычков подчеркивал то важнейшее, решающее, что "Оренбургская губерния против прочих имеет", особо выделяя "знатное и примечания достойное". Не случайно и сегодня не утратила книга своего значения. Ее можно видеть не только в витрине музея, но и на рабочем столе учителя географии, студента-историка, ученого-исследователя.

В музее о Рычкове в различных отделах рассказывается. И природы, и истории... Чего стоит тот факт, что в Оренбурге Рычков пережил долгую пугачевскую осаду, по горячим следам ее составил документально точные записки, и были они, те записки, использованы не кем иным, как Пушкиным, в его, пушкинской, "Истории Пугачева".

Да, труд "оренбургского Ломоносова" стал "экспонатом 1" не случайно. "Верный раб и сын отечества", как называл себя сам Рычков, послужил и делу образования музея. Музея в крае, где прожил две трети жизни и которому отдал все, что имел...

...Полным ходом шло устройство отделов-кабинетов, работы были еще далеки от завершения, но Сух-телен - будто знал, что лет ему отпущено не много,- счел возможным открыть "свой музей" для осмотра.

Он даже дни и часы установил: понедельник - с двух до четырех часов пополудни, вторник, среда и пятница - с девяти до одиннадцати часов утра. Пока только восемь часов в неделю, при том, что со времени обнародования губернаторского предписания минуло всего четыре месяца.

1 апреля 1831 года музей принял первых посетителей.

В начале этого повествования речь шла о том, что со временем обязанности смотрителя и устроителя Сух-телен передаст другому.

"Смена караулов" началась и закончилась в 1831-м - только с интервалом чуть ли не в целый год.

Приказ об определении преемника "устроителем музеума при Неплюевском военном училище... с жалованием по шестисот рублей в год из суммы, на сие училище отпускаемой", был подписан еще 25 января. Но только 30 ноября тот вернулся из командировки, ничего общего с музейными его задачами не имевшей; как и раньше, он продолжал выполнять обязанности чиновника Оренбургской Пограничной комиссии, а это требовало длительных поездок по краю.

Преемника звали Томашем Заном. ...Тому, кто знаком с историей польского нацио-нвльно-освободительного движения, это имя известно.

Осенью 1817 года в Виленском университете воз-а конспиративная организация студентов, наречен-ими Обществом филоматов. Ее ядро составили ам Мицкевич, Томаш Зан, Ян Чечот, Францишек Ма-*-кий и другие молодые патриоты. Общество быстро рostrанило свое влияние. Вокруг него образовались легальные и полулегальные кружки - "Союз лите-оров", "Союз натуралистов" и другие. Самые активные из членов кружков в 1820-м объединились в весьма многочисленное и легальное Общество лучистых. Тут устраивались всякого рода собрания-сходки, на которых филоматы читали революционные стихи, произносили речи против монархии.

Это не могло не стать известным. Университетскими властями встречи "лучистых" были' категорически запрещены. Тогда филоматы приняли решение реорганизовать свой союз и обратить внимание на конспирацию. Из наиболее надежных "лучистых" Томаш Зан основал Общество филаретов, ставшее низшей ступенью более узкого и законспирированного Общества филоматов.

Своей целью они провозгласили борьбу за независимость Польши, за ликвидацию феодально-крепостнических отношений, демократизацию политической жизни, широкое развитие народного образования. В начале 1822 года филоматы установили связь с Патриотическим обществом. Зан, как один из наиболее авторитетных руководителей филоматов, был принят в его члены.

Филоматы - буквально - "любители науки". Филареты - буквально - "любители добродетели". Но политические цели тех и других превосходили все другие.

Выплескивались они наружу по всякому поводу. Однажды, например, ученик Виленской гимназии написал на доске в классе следующее: "Сегодня день конституции

3 мая. Поляки! Восстаньте для защиты великого вашего дела!"

Власти забили тревогу. Проведенное следствие привело к массовым арестам. Томаш Зан, чтобы вызволить своих товарищей и спасти их от сурового наказания, открыто принял всю вину на себя. Под арестом его содержали отдельно, следственная комиссия допрашивала много раз, но держался он мужественно и настаивал на своем.

Приговор утвердил сам царь. Одиннадцать филоматов и девять филаретов были высланы из польских губерний. Зану, кроме того, определили провести год в крепости, его товарищам Чечоту и Сузину - по полгода.

В ноябре 1824 года Томаш Зан прибыл в Оренбург. После года тюремного заключения его оставили в губернии "на жительство".

Духом молодой поляк не пал. Человек активный, деятельный, он завел в городе знакомства. Способствовало этому и то, что Зан довольно быстро зарекомендовал себя отменным домашним учителем. По-настоящему заинтересовал его неизученный, неисследованный край. Используя любые возможности, вел он "геогностические и ботанические изыскания, а после встречи с выдающимся ученым и путешественником Александром Гумбольдтом, который в 1829 году приезжал на Урал для геологических исследований, сугубо-внимание обратил на геологию этих мест и особенно разведку природных богатств. В Оренбургском архиве можно увидеть и прочесть множество его доклад-записок, содержащих самые ценные сведения. Чъезжекный и исхоженный Заном вдоль и поперек, рай становился для него второй родиной.

...Сухтелен заметил его сразу. Заметил и отец-Лучшего устроителя музея и желать не приходи-Но как сразу оторвать этого человека от дел, рые для края важны не меньше! И военный губер-і спешить не стал - решил подождать. В исполнение своих новых обязанностей Томаш Зан ушел ближе к концу 1831 года.

30 ноября Сухтелен писал:

"Заводосодержатель Пермской губернии Зотов уве-яет меня, что он жертвует для музеума, при Неппюевском военном училище учрежденного, минералы, металлы и соли, коим доставил описание, объясняя при том, что раковин вместо 85 положено 75, потому что 10 при доставлении к нему несколько повреждены и не могли бы выдержать подлежащего пути без разрушения и что некоторые штуфы (большие куски руды.- Л. Б.) потребуют самой нежной раскупорки, ибо имеют тончайшие волоски, и они на сей предмет находятся в особенном ящичке, а сей помещен между прочими кусками.

Предлагаю Вам разобрать и отметить по каталогу сии вещи, реестр коим будет Вам доставлен немедленно..."

Обращался Сухтелен уже к Зану. Теперь его имя чуть ли не на каждой странице переписки о делах музейных.

Известность музея становится все более широкой.

Растет и приток экспонатов.

Из Омска и Нерчинска... из Уральска и Белорецка... из Петербурга и Тобольска - откуда только они не идут!

Минералы и растения Даурского края... Изделия Белорецкого завода... Куски найденного в степи медного котла... Казачья одежда... Восточные манускрипты...

Одни адресуют свои приношения Сухтег.ену, другие - устроителю и смотрителю, обращаясь к нему порою совсем уж на русский лад: "Фома Францевич".

О, такое может украсить лучшие хранилища мира!

..."По воле господина министра императорского двора имею честь препроводить при сем... один штуф изумруда для Оренбургского музеума. Изумруды сии открыты в 1831 году... исправляющим должность командира Екатеринбургской гранильной фабрики обергит-тенвальтером Коковиным в 85 верстах от Екатеринбурга..."

Знаменитым, почти легендарным своими находками!

Коковиным! Его самородки - один другого богаче, прекраснее.

..."Его сиятельство господин Оренбургский военный губернатор прислал ко мне из Санкт-Петербурга три восточных манускрипта".

Сухтелан в столице, но и там о музее не забывает. По его поручению начальник штаба корпуса пересылает эти самые манускрипты Зану. Под номером 2 в перечне значится: "Тарихи-Мюзюк", на татарском языке, о персидских царях до завоевания сего государства арабами, сочиненный известным татарским писателем Навои, министром султана Гусейна Байкоры, жившем в исходе XV столетия".

Произведение всемирно известного Алишера Навои... Великого узбекского писателя, ученого, художника, музыканта, главного визиря, использовавшего все свое влияние при дворе султана Хусейна Байкары на пользу родного народа. Автора "Лейли и Меджнун", "Фархад и Ширин" и множества других классических произведений, волнующих нас и сегодня. Одного из выдающихся гуманистов всех времен и народов...

Между прочим, небезынтересно для характеристики Сухтелена и то, о чем в препроводительном письме начальника штаба мы читаем далее: "Его сиятельству угодно, дабы, невзирая на назначение оных (ману-'скрипты должны были стать экспонатами музея.- Л. Б.}, предоставлено было воспитанникам Неплюевского училища пользоваться как ими, так и другими восточными сочинениями, которые впредь поступать будут..." К Приобретения были внушительными! - Но Зана заботило не только пополнение коллекции, Д- а, и то, как лучше ее сохранить и подать.

В мае 1832-го он представил губернатору список вещей, нужных для музеума". Перечень был длинней-Цмм и содержал в себе, кажется, все, что можно предусмотреть: "а) для помещения предметов (ящики, коробочки, пузырьки, пьедесталы; б) для испытания и определения предметов (весы, реакенты, пильники); в) для сбережения предметов...; г) для чистоты..."

Средства на приобретение были выделены "из экстраординарной суммы".

...Экспонаты делали и на месте. "Находя полезным иметь при музеуме, здесь учрежденном, человека, знающего искусство набивать чучела птиц и четвероногих,- писал Сухтелен,- я отправлял в Казанский университет воспитанника Оренбургского уездного училища Масленникова для научения сему искусству, который по возвращении оттуда уже был к сему употребляем и показал нужные познания". Нужные познания - это, конечно, работы, вызывающие удовлетворение...

Новым устройтелем Сухтелен был доволен. По его представлению Томаш Зан (всюду писали Фома) в конце 1832 года стал обладателем чина XIV класса. Самого низшего из всех чинов в тогдашней служебной иерархии. Но и это кое-что означало - как писал он сам, "открывало дорогу".

Зан продолжал свое дело. Для любимого детища он выхлопотал новые помещения. 17 марта 1833 года Сухтелен предписал казначею Андрюкову выдать "362

рубля и 15 копеек" на приведение их в порядок. Но... три дня спустя, 20 марта, занимаясь служебными делами, губернатор внезапно умер.

...Что будет, как сложится все дальше!

"Нынешним утром мы были в музее. Зан ожидал нас там и показывал все достойные примечания, но надо быть несколько раз, чтобы рассмотреть все подробно, а в один раз можно заметить только те вещи, которые больше бросаются в глаза, да и то осмотреть их поверхностно.

При входе внимание обращается на огромную кость, часть головы какого-то допотопного зверя; она 4' лежит на столе прямо против двери. По сторонам стоят куклы в рост человеческий в разных, очень богатых азиатских костюмах, по четыре с каждой стороны. В одном ряду мордовка, калмычка, киргизка и уралка, в платьях замужних женщин; в другом - две девушки, уралка и киргизка; калмык в казацком мундире и сибирский шаман. Около развешаны кольчуги, седла, чепраки и разные одежды, в том числе рубашка, сшитая из рыбьих пузырей, претонкая и прозрачная; надевается она совсем с головой и... защищает тело от укушения разного рода насекомых.

В стеклянных шкафах и ящиках разложены камни, заковины и проч. На полках помещены чучела небольших зверьков и птиц... На стенах портреты знаменитых "особ оренбургских..."

Так писала о посещении музея гостя из Самары мина. Письмо ее датировано 30-м сентября того 1833-го. Зан свою работу продолжал, хотя новый губернатор Перовский, ко всему этому отнесся помалу весьма прохладно и даже распорядился "пре-атить расходы по музею".

Но скоро отношение его изменилось к лучшему. ему была вручена новая шнуровая книга для записи жертвований и пожертвователей. снова увеличилось количество экспонатов; губернатор, встречаясь с ним "в обществе", проявлял все большую заинтересованность ходом дела.

Жизнь входила в нормальное русло. ...Но тут опять случилось непредвиденное.

Судебно-следственное дело об "оренбургском завороте" началось с доноса некоего мещанина Старица коменданту Оренбурга генерал-майору Глазенапу.

27 октября 1833 года доносчик, содержащийся в тюремном замке, уведомлял власти о том, что он узнал от соседа по камере - "польской нации рядового".

Допрошенный рядовой выложил многое: что "все нижние чины польской нации, служащие в оренбургских батальонах № 2 и № 3... положили между собою неперемное намерение сделать как в г. Оренбурге, так и по всей линии мятеж", что "главными предводителями сего мятежа" являются Зан и его товарищи Сузин, Виткевич, Ивашкевич, что "таковой мятеж они предположили сделать немедленно". "Разделясь на пять партий,- давал показание доносчик,- все мятежники должны напасть на дома значительных особ и лишить жизни господ: командующего Отдельным Оренбургским корпусом; начальников - дивизионного и бригадного; оренбургских - коменданта, полицмейстера, плац-майора и других чиновников, в которых встретят сопротивление. Овладев городом, восстановить свои права и начальство, потом далее продолжить мятеж". Поездки Зана по краю объяснялись... заговором, и только заговором, организатором и руководителем которого представлялся в доносе он.

Томаша Зана, Адама Сузина, Яна Виткевича и Виктора Ивашкевича арестовали. 1 ноября 1833 года их допрашивали. Следствием руководил сам генерал-губернатор Перовский. Он вел дознание строго, но... раздувать дело не хотел. 26 ноября все закончилось оправданием обвиняемых. Никакого заговора обнаружено не было.

Современные исследователи в этом вопросе не столь категоричны. Известный ученый-полонист В. А. Дьяков видит в обстановке того времени все предпосылки для формирования самых смелых антиправительственных планов. "Даже у Т. Зана, самого старшего по возрасту и самого спокойного по темпераменту, политическая активность в эти годы явно повысилась,- читаем в его статье.- Вольно или невольно он стал центром притяжения для всех, мечтавших о возобновлении борьбы, прежде всего для тех участников восстания в 1830- 1831 гг., боевой пыл которых еще не остыл".

...В декабре Зан вернулся к исполнению своих обязанностей.

Первое поручение, которое было дано Перовским "заведывающему оренбургским музеумом", касалось составления систематического каталога всех хранящихся здесь предметов "с означением приносителей". Поручение сложное - особенно если учесть, что в распоряжении смотрителя не было ни ученых пособий, ни сотрудников, как не было и какой-либо определенной суммы на проведение музейных работ.

А фонды разрослись внушительно. Позже будет произведен подсчет экспонатов и окажется он таким:

"Ископаемых: 1) Горнокаменных пород -1500; 2) Руд и ископаемых-150; 3) Окаменелостей - 63; 4) Минералов - 610;

Ботанических: 5) 13 травников (гербариев.- Л. Б.), содержащих растений до 1800; 6) Семян растений - 45; 7) Дерев в кустах - 35;

Зоологических: 8) Насекомых до 2000; 9) Пресмыкающихся - 2; 10) Раковин - 125; 11) Рыб -2; 12) Чучел птичьих - 44; 13) Яиц - 100; 14) Чучел зверей - 6;

Статистических (и этнографических.- Л. Б.): 15) Костюмов- 13; Предметов вооружения - 2; 17) Приборов для верховой езды - 2; 18) Самоловов - 3; 19) Агрономических моделей - 2; 20) Чугунных изделий - 24; 21) Метеорологические наблюдения с 1829 по 1837 год;

Исторических: 22) Археологических памятников - 12; 23) Монет и медалей - 660; 24) Отпечатков - 92; 25) Атлас турецких карт - 1; 26) Автографов - 14; 27) Рукописей - 5; 28) Книг - 60; 29) Гравюр - 6; 30) Портретов - 9".

Перечень, что и говорить, обширный.

Многое из этого числа было отдано о музей (а до того собрано) самим Замом. В минералогическом кабинете его подношения составили три полновесные коллекции. В ботаническом выделялся собранный им "травник оренбургский". Немало своего, собственного, накопленного годами, отдал устроитель и в другие кабинеты: зоологический, статистический, исторический.

Как не упомянуть, что вобрал в себя музей при Зане и собрания знаменитого металлурга Аносова, жоака "Черных братьев", а потом унтер-офицера в Верхнеуральске Алоизия Песляка, крупного востоковеда Френа и скольких еще...

...Перовский исходатайствовал для Зана производство в десятый класс "табели о рангах". Из четырнадцатого сразу в десятый - это было и признанием, и благодарностью.

Но если до ареста Зан подумывал о том, чтобы навсегда связать жизнь с Оренбургским краем и даже намеревался перевезти сюда старого отца, то теперь все чаще в мыслях своих он улетал на родину.

В 1837 году Томаш Зан оставил Оренбург и - музей, которому отдал знания, энергию, любовь.

Один из польских мемуаристов вспоминал свою встречу с ним и слышал его обращение к молодежи:

- Любите ваше отечество. Любовь к родине - самое благородное чувство!

В этот момент кто-то из националистически настроенных участников собрания озлобленно сказал о "москалях". Зан встрепенулся и отпарировал:

- Не надо никакой и ни к кому злобы. "Москаля..." Я их знаю. И между ними много хороших людей. Я не раз испытывал это в дни моей ссылки. Русские не меньше нас страдают от деспотизма...

Он не забыл ничего. И всегда помнил о тех людях в краю своей неволи, которые помогли ему выстоять, победить невзгоды.

А музей остался жить.

Нового смотрителя сразу найти не удалось, и принимать богатства пришлось вновь назначенному директору Неплюевского военного училища подполковнику Маркову.

Рапортом от 13 июля 1837 года он уведомил Перовского о том, что "вещи, хранящиеся в училищном музее, от бывшего смотрителя онога, X-го класса Зана, приняты".

...Многое музей претерпел, много бурь над ним рошумело. Но никогда не угасал энтузиазм патриотов того далекого края.

После отъезда Зана не прошло и двух лет, как Владимир Иванович Даль - писатель, лингвист, видный в губернии человек - пригласил почтенных горожан в Главный музей местных произведений природы.

Даль знал и уважал Зана. Теперь он продолжал его.

Уехал в Петербург Даль и на двадцать лет заведующим музеем стал Михаил Фадеевич Зеленко - бывший Инспектор Гродненской гимназии, высланный в Оренбургскую губернию после польского восстания 1831 года. И Зеленко Томаш Зан был известен - жизнь своя и на родине, и в ссылке...

Придет время - напишут Историю музея. Полную историю - от самого ее начала. Сколько естит она в себе имен... Как много ярких страниц в будет...

А я не случайно назвал свое повествование "Стра-... первой". Без первой могут ли быть последующие! И не могу не вспомнить благодарно часы и дни, денные мною над архивными подшивками в Центральном Государственном Военно-Историческом архиве в Москве и Государственном архиве Оренбургской области, над трудами Оренбургской ученой архивной комиссии, над давними мемуарами и современными изданиями.

Повествование выросло из них...

КЛАД КОМИССАРА

1

"В чердачном помещении старинного здания по улице Советской обнаружен клад. Находка, представляющая исключительную ценность, пере..."

Почему автор запнулся! Что его остановило! Отчего недописал! Или...

Мне, как и вам, не раз приходилось читать в газетах о невесть как отысканных кубышках с золотыми монетами, о случайно открытых при перестройке старых домов чистойшей воды бриллиантах.

Стало обычным, что каждая такая заметка заканчивается одинаково: "находка передана в Государственный банк".

Передана... А как же иначе!

Но эта и в самом деле Госбанку передана не была. Она попала в музей.

Клад оказался особым. В ящиках находились негативы.

Откуда они! Кем собраны и спрятаны!

- Записка!

- Да в ней почти ничего и нет... Только перечень из семи названий - содержимое одной коробки...

- А написанное сверху не в счет! "Опись негативов, изъятых у фотографа Лапина"... Во-первых - "изъятых". Во-вторых - у кого. Коробочка, между прочим, завернута в местную газету двадцать восьмого года. Значит, дело было не в каком-нибудь городе, а в нашем, и уж никак не раньше (да и не намного позже) того года. И> потом - подпись...

- Где подпись!

- Смотрите!

- Не то "Зам...", не то "Зак..."

- Скорее: "Зак..."

Клад породил загадки. Много загадок...

Негативы в шкафу, негативы на этажерке, негативы на столе. 1147 негативов.

И ни дня (да что там дня - часа) для того, чтобы решиться, отвлечься от дел текущих и целиком от-тяться самому увлекательному на белом свете - по-ску.

Текущие дела...

Представляете ли вы, как и чем заполнен день на-чного работника музея!

...Экскурсии... Утром - с ребятами, часом позже - слушателями курсов председателей колхозов, после еда - с учителями. Об одном, но по-разному. Чтобы эшло до умов и сердец. Обогастило знаниями. Укре-ило любовь к своему краю.

...Новые выставки... Только тому, кто побывал в му-однажды, может показаться, будто ничто там не няется. Стояли старые чучела - стоят поныне. Была ика Пугачева - есть та же пушка. Да ведь не так не так! Как не останавливается жизнь наша, так не кращается работа в музейных залах. Сегодня вы ви-новые экспонаты фауны, завтра вас остановит интересная выставка о зарождении местной большевистской организации, а еще через неделю с восхищением будете рассматривать стенд о развитии газовой индустрии.

...Лекции в заводских цехах и клубах, консультации по самым неожиданным вопросам, запросы письменные и запросы устные - в личной беседе, по телефону...

Одна из таких телефонных консультаций запомнится мне надолго. Именно после нее я тот клад и увидел.

Уже не один год собираю я материалы об оренбургской ссылке Тараса Шевченко.

Поражает, какими широкими и разнообразными были интересы революционного поэта в тяжкие годы солдатского лихолетья. Вопреки строжайшему царскому запрету, он продолжал и писать, и рисовать. Шевченко участвовал в

политических спорах кружка польских ссыльных, думал о развитии скульптуры, интересовался археологией, проявлял любопытство к фотографии.

...- К фотографии! - прервал меня на другом конце провода директор музея Синельников, когда я в своем рассказе дошел до этого места.

- К фотографии,- подтвердил я.

Заинтересованность, которая прозвучала в голосе Василия Григорьевича, была мне понятна. Дело в том, что за фотографией утвердилась слава удивительно молодого искусства. Мало кто вспоминает, что первые фотоаппараты появились сто пятьдесят с лишним лет тому назад. К середине прошлого века об изобретении французского художника Даггерра в Оренбурге уже знали, и не понаслышке...

Со своим фотоаппаратом побывал здесь замечательный русский ученый Григорий Силыч Карелин. Первым среди путешественников мира принял он на вооружение громоздкую деревянную камеру, внушительных размеров кассеты и легко бьющиеся пластины.

Позже фотографией стали заниматься в губернской канцелярии, и в Петербург отправлялись уже не просто отчеты, но отчеты с иллюстрациями.

Наконец, появился в городе первый фотограф-любитель. Им стал поляк Цейзик - владелец "вольной аптеки". Он купил аппарат и своим новым занятиям уделял много времени. Частый гость в его доме, Шевченко, не мог не проникнуться заботами приятеля. Для Цей-зика он был первым ценителем и советчиком. Не одна оофотография, сделанная им, совершила с поэтом дале-й кий и трудный путь к берегам Каспия. Портреты оренбургских друзей, как писал с Мангышлака, часто служили для него единственным утешением в одиночестве. Все это я и рассказал по телефону, прежде чем за-ать свой вопрос:

- А не сохранилось ли в фондах музея снимков 5 середины прошлого века!

Сами понимаете, очень мне хотелось, чтобы ответ мл утвердительным. Но радужными мыслями себя не ешил.

И вдруг...

- Приходите. Мы тут как раз негативы отыскали. Ложет, и на ваше счастье что-то найдется.

Не прошло получаса, как я уже переступал порог Маленькой комнатки на третьем этаже музея. Нужно ли 'вверить, как забилося сердце, когда передо мной ока-пись сотни старых негативов, и что почувствовал-пере-увствовал, взяв з руки коробку, с полустертой поме-ой: "1853".

Фотографии 1853 года!..

А Синельникин смотрел, чуть прищуриив глаз.

- Ну как!

Я только развел руками.

- Займетесь!

Еще спрашивает!

- Вот и хорошо. Работы тут хватит и вам, и мне, и многим другим... Начнете сразу! Вопрос показался излишним.

- Значит, остаетесь! - посмотрел он на меня не без зависти. И уже с порога сказал: - Я вечером зайду. Мне еще выставку доделать, потом экскурсия, а в пять - лекция на тепловозоремонтном... Что поделаешь! Текущие дела!

...Я подвинул к себе первые коробки.

О чем думают эти солдаты!

Тот, что стоит на часах, поддерживая одной рукой винтовку, а другой поглаживая ус... И второй - что устало опустился у палатки и невидяще смотрит в землю!..

Рассматриваю негатив из коробки с датой "1853", От изображения трудно оторваться. Такое проникновение в души человеческие... Такая четкость деталей и такая правда...

Просто фотография! Не верится. Так и кажется - рисунок. Рисунок, выполненный уверенной рукой.

Ну, конечно же,- это фоторепродукция рисунка. Вот и подпись: "Рядовые Оренбургского линейного № 4 батальона".

Кем подпись сделана! Вероятно, самим художником.

А кто художник!

...Вместо ответа на прежний - вопрос новый.

Рисунков - точнее, репродукций с них - в этой коробке много. Вглядываешься, сопоставляешь, соединяешь воедино - и оживает страница истории. Та страница, которая называется походом на Ак-Мечеть...

Иноземные колонизаторы стремились прибрать к рукам Кокандское ханство. Его властители, вопреки интересам своих подданных, разжигали в народе неприязнь, ненависть к русским. Неоднократные попытки утихомирить, образумить воинственных владык и их покровителей успеха не имели.

Так было до середины столетия. Точнее - до 1853 года. Подготовка к походу протекала в полной тайне и заняла чуть ли не год. Не один месяц шло стягивание боевых сил к исходным рубежам. Двадцать семь дней продолжалась осада Ак-Мечети, пока над небольшой, но очень важной крепостью на Сыр-Дарье не взвился русский флаг.

Этой победой было положено начало присоединению Кокандского ханства к России.

Как-то давно, знакомясь с "Оренбургским листком", я увидел и прочел в комплекте 1903 года статью историка-краеведа М. Л. Юдина "Поход под Ак-Мечеть". Сейчас, рассматривая отпечатки, сделанные по моей просьбе со старых негативов, я вдруг подумал, что сцены, запечатленные здесь, мне знакомы. Видеть их, возможно, не приходилось, но - знакомы безусловно.

Тут-то и вспомнились юдинские описания. Нашел их. А найдя, смог убедиться: и заметки, и зарисовки - из одного источника. Источник тот - жизнь.

Но если Юдин пользовался документами из архива, воспоминаниями современников событий, то художник, был среди их участников сам. Он не иллюстрировал прочитанное, не воспроизводил слышанное - рисовал с натуры.

С натуры зарисована полукруглая стена незадолго перед тем заложенного укрепления среди сыпучих песков, на тощей протоке Казала. Закладка нового форта эдила в стратегический план покорения Ак-Мечети, предшествовала походу на Кокандскую крепость.

(Есть ли такой рисунок в музее сегодняшнего Казапинска - крупного города Казахстана! Это - его начало, его рождение).

"Для перевозки воинских тяжестей требовались громадные перевозочные средства - верблюды, воловь и конские подводы..."

Так писал Юдин. Каждому из нас представляется это по-своему: простора для фантазии сколько угодно.

А тут уже не фантазия.

...Сколько видит глаз - навьюченные верблюды, горы тюков, арбы с тяжелой поклажей. Не окинуть взглядом, не счесть...

...Устали возницы-казахи, притомились даже привыкшие ко всему верблюды. Дневка перед новым утомительным переходом, новыми верстами по степному безбрежью...

...Головная часть транспорта далеко-далеко, а конца груженым подводам не видно...

"В поход снаряжен был 4-й Оренбургский линейный батальон..."

Из четвертого - те двое. Оттуда же - и эти. Нелегка ты, доля-долюшка... Случайно ли, что нет горше старых солдатских песен! Сколько прозвучало их тогда в Аральском укреплении!

"Здесь окончательно был сформирован экспедиционный отряд, который затем и выступил далее вверх по Сыру..."

Аральскому укреплению посвящено особенно много рисунков. Зарисовки сухопутные, зарисовки морские...

...На ближнем рейде - пароход "Перовский", а на берегу правят нехитрый ужин бородачи-казаки.

...Тот же двухтрубный пароход среди барж и лодок залива; вдали - возвышенности укрепления.

...Весь "флот" - у противоположного берега...

Есть рисунки, сделанные во время решающего перехода - двухнедельного пути от берегов Арала к стенам Ак-Мечети.

Есть выполненные в дни осады. Вот этот, например: "Кустарники на левом берегу Сыр-Дарьи". Так назвал его художник. По дате можно судить, что сделан он в день, когда первый эшелон русских войск подошел к крепости.

Мы видим только спину солдата. Солдата-артиллериста: рядом замаскированный орудийный лафет, среди кустов - ящики с боевыми припасами. Взгляд устремлен вдаль, за реку. Там враг, которого надо сокрушить.

О самом штурме рисунки не рассказывают ничего. Разве лишь этот. На нем - стена Ак-Мечети, взорванная при штурме. Через пролом виден знакомый контур "Перовского", который подошел прямо к крепости. Только что, вероятно, закончилась последняя атака.

...Да, нелегко далась победа...

Я рассматриваю негативы, отпечатки с них к думаю о рисунках - их истории, их судьбе, их авторе.

Хотя почему - авторе! Рисовал не один. Не один почерк, не одна рука. Совершенно определенно, что здесь два, а может, и три художника. Кто они!

Несколько шагов к разгадке было предпринято одновременно. И первым явилось письмо. На Украину. В Киев. В Государственный Музей Тараса Шевченко.

Шевченко!

Синельникову я позвонил в надежде найти хоть , какие-нибудь снимки шевченковских времен. "Какие-нибудь" - это так, для начала. Вообще-то говоря, желание было более дерзким: отыскать работы - или хотя бы следы работ - самого Кобзаря.

И, быть может, потому, разглядывая первые же негативы, я старался увидеть за ними Шевченко.

Не только старался, но и видел: его взгляд, его манеру...

Видел, хотя знал: в 1853 году рисовать он этого не мог. Далеко от Аральского моря, от Сыр-Дарьи, от Ак-Мечети до Нозопетровского укрепления на Каспии. А именно там находился в это время великий поэт и художник - борец за свободу.

Ко почему так схожи рисунки, выполненные им в Аральской экспедиции 1843-1849 годов, и многие из этих, что на старых негативах! Отчего кажется, будто карандаш держала одна рука!

Он и... не он. Если не он, то кто!

...Письмо из Музея Тараса Шевченко заключало в себе много интересного и важного. Верную нить, однако, удалось найти чуть ранее.

"Чуть ранее" я установил, кто из художников участвовал в походе на Ак-Мечеть. Ими оказались Андрей Горонович и Бронислав Залеский.

Залеский... Ссылный поляк, друг Шевченко...

Дружба этих людей началась в ноябре 1849 года, когда Аральская экспедиция А. И. Бутакова, в которой Тарас Григорьевич участвовал в качестве художника, возвратилась в Оренбург. По просьбе Бутакова командир корпуса Обручев прикомандировал рядового Залеского в помощь Шевченко "для отделки гидрографических видов": как "умеющего рисовать".

Склонность к рисованию в Залеском проявилась давно. Но возможности развить свой дар он не имел, С юных лет Бронислав с головой ушел в революционную работу, и начались для него этапы, тюрьмы, ссылки.

Шевченко стал для Залеского первым настоящим учителем в изобразительном искусстве, а их совместный труд - первой школой профессионального мастерства.

Новый помощник оказался человеком старательным и учеником способным. От копирования шевченковских произведений он все смелее переходил к творчеству самостоятельному.

Самостоятельному - хотя и в той же манере. Неслучайно автопортрет, выполненный им в начале пятидесятого, долгие годы, чуть ли не до наших дней, считался работой Тараса Шевченко.

Ученье продолжалось в горах Кара-Тау. Шевченко прибыл туда из Новопетровского укрепления, Залеский - из Оренбурга. Сердечной, радостной была их встреча. В то лето - лето 1851-го - Бронислав получил счастливую возможность ежедневно видеть своего великого друга в непосредственном общении с натурой, в творчестве. Можно ли ученику мечтать о большем!

Залеский с интересом следил за работами Шевченко. Много их прошло через его руки. Ссылный поэт-художник, находясь в своей "незапертой тюрьме" на Мангышлаке, испытывал постоянную нужду, и добрую услугу оказывал ему оренбургский приятель, отыскивая среди поклонников искусства покупателей шевченковских произведений.

А в то время один за другим заполнялись альбомы и его самого. Рисунки становились все более уверенными, зрелыми.

"Часы, проведенные с карандашом в руках, были для меня наилучшими в тот период. То были часы вдохновения, забвения жгучей печали..."

Это признание Залеского. Так писал он много лет спустя. Дружба с Шевченко, ученье у Шевченко - вот что принесло ему вдохновение.

Первооснова необыкновенного сходства - здесь.

Выходит, Залеский!

- Большинство работ - его.

Георгий Николаевич Чабров, доктор исторических наук из Ташкента, ответил вполне определенно.

Наше знакомство было заочным. Как-то в газете я прочитал его статью об известном русском художнике Алексее Чернышеве, авторе рисунка "Шевченко среди друзей в Оренбурге". Во время чтения возник вопрос. По адресу, полученному в редакции, написал автору. И началась переписка, скоро открывшая мне большого знатока изобразительного искусства Средней Азии и Казахстана.

Вот и теперь ответ был обстоятельным, аргументированным. Мои предположения он подтвердил.

Однако что содержалось в письме из Музея!

Заместитель директора по научной части Глафира Петровна Паламарчук удлинила список авторов, причислив к нему и Алексея Чернышева. Правда, в Ак-Мечеть он прибыл после штурма, но ряд рисунков все же оставил.

Впрочем, главное оказалось впереди. "Оригиналы хранятся у нас",- прочел я о рисунках Бронислава Залеского.

Но каким образом репродукции оказались в оренбургском музее, в то время как подлинники находятся в фондах музея киевского!

Причина того, что рисунки остались малоизвестными, заключалась в Перовском - оренбургском генерал-губернаторе, организаторе и главном начальнике похода на Ак-Мечеть.

Он слыл меценатом. Ему нравилось им слыть. И Перовский уделял час-другой театру, приближал попавшего не по своей воле в Оренбург поэта, брал в поход тоскующего по любимому делу художника. Делалось это не без дальнего прицела. Театр напоминал о просвещенности правителя, благодарным по"т мог воспеть покровителя, художник - запечатлеть еге победы. Он ронял мкяс"ти"ый комплимент актрисе, благосклонно улыбался сочинителю, хвалил живописца, но... относился к ним, как барин к холопам, считая собственностью своей и их жизнь, и их труд.

Ружена Собанская, друг Бронислава Залеского, в каждом письме спрашивала его о творческих делах. Горячо, настойчиво убеждала она Залеского взяться за перо, чтобы поведать о быте, обычаях казахов, о жизни ссыльных земляков, о местах, куда забросил их царский гнев. Со временем Собанская стала ратовать за создание альбома степных пейзажей. Она была уверена - такой альбом вызовет интерес в их родной Польше.

Убедить друга удалось. Случилось это к концу пятьдесят третьего. Тогда же Залеский написал первые листы. Это виды степи, виды мест, где ему пришлось побывать. В основу их легли сохранившиеся путевые зарисовки.

Зарисовок похода на Ак-Мечеть у художника не оказалось. С глухим сожалением сообщает, точнее намекает он Ружене, что описывать военную экспедицию не имеет права, а сделанные наброски автору больше не принадлежат.

Принадлежали они Перовскому.

Могущественный генерал считал работу "своего" солдата полной и безраздельной личной собственностью. И отнюдь не из угрызений совести перед рядовым-художником, к тому же опальным, не из желания запечатлеть его труд - для утверждения и распространения собственной славы полководца-военачальника пошел он на повторение, копирование рисунков.

Копирование новым тогда способом - фотографическим.

Перовский не только знал о фотографии, а и живо интересовался всем, что было с нею связано.

Об этом, кстати, писал впоследствии сам Залеский. Знал ли он, что рисунки, которые были безжалостно, хотя, вероятно, и не без "любезностей", у него изъяты, оказались на стеклянных пластинах и вскоре, уже в негативах, попали в оренбургский музей!

С собственными своими работами Бронислав Залеский более не встретился.

Шевченко не видел их, тоже. Но как символично, что работы великого Тараса и его друга-ученика Залеского в наши дни соединились под одной крышей. В Киеве. В особняке на прекрасном бульваре. В Государственном Шевченковском музее.

О том, как идет работа, с Синельниковым мы почти не говорили.

Иногда, в ответ на его вопрошающий взгляд, я сообщал:

- Получил письмо из Киева... Или:

- Это - Залеский... Или:

- Определенно Горонович...

И все.

В свою очередь, на мои немые вопросы он отвечал:

- Текущие дела...

И разводил руками: ничего, мол, не поделаешь.

Но каждый раз, приходя в маленькую комнатку на третьем этаже, я замечал что-то новое.

Третьего дня, под вечер, когда уходил, коробки с негативами стояли в шкафу. А утром они оказались разложенными по полу, стульям и даже подоконникам.

Уходил на следующий день, тоже довольно поздно, - пластины были упакованы и даже перевязаны. Утром же на столе громоздилась гора пустых коробок, а негативы лежали рядом.

Текущие текущими, а Синельников заходил сюда частенько. И не "просто так" - для дела.

Не прикасался он лишь к "моим" коробкам...

Но однажды, располагаясь на своем обычном месте, я обнаружил следы "вторжения".

"Ак-мечетские коробки" оказались сдвинутыми. Вместо них передо мною лежали две другие. И тоже - ак-мечетские! Не репродукции - фотографии... Оригинальные фотографии!

Синельников заглянул и исчез. Только одно я успел уловить - смешинки в глазах. Экий человек - огорошил, взбудоражил, а сам в сторонку. Будто вовсе ни при чем...

Негативов было много. Тридцать, может сорок. Пересчитывать я не стал. К чему! Не все сохранились. Иные пожелтели, лишились эмульсии, имели трещины. Они были выполнены в давнее, очень давнее время...

И снова скрупулезное изучение каждой пластинки, ожидание отпечатков и разглядывание, разглядывание их без конца.

Кое-что напоминало виденное на рисунках. Навьюченные верблюды с погонщиками-казахами... Солдат-дозорный в кустарниках на берегу реки... Пейзажи степи - бескрайней и безлюдной...

Однако больше было незнакомого. Где подглядел это фотограф!

...Ключ к отгадке дала одна фотография. Та, которая запечатлела старую церковь, еще раньше известную мне по рисунку художника-любителя Р. Поля.

Он служил в Орской крепости и оставил нам несколько ее зарисовок, удивительно совпадающих с описаниями Тараса Шевченко. Зарисовки приобрели силу документа.

Да, и на снимке была та же церковь.

Ко коль так, то среди фотографий, что оказались в моем распоряжении, можно отыскать и другие, сделанные в той же крепости или ее окрестностях!

...Группа людей на берегу... Не Урала ли!

Поход к Ак-Мечети начался весной, одновременно из Оренбурга и Орска. Из Орской крепости колонна вышла в первых числах мая. Это время паводка: до недавних лет, когда возникло Ириклинское водохранилище - "Орское море", он ежегодно затапливал огромные площади. В том году, судя по описаниям, воды было особенно много. Урал!

Урал - на многих снимках. Значительная их часть сделана именно тут, в районе нынешнего Орска. И следа не осталось от былой глухомани. Тем ценнее эти фотографии...

Не один негатив запечатлел быт казахов. Друзья из Алма-Аты, из других городов Казахстана, и для ваших музеев есть новые экспонаты!

На старых снимках нет Аральского моря, Казалин-ского форта, Ак-Мечети. Может, эти фотодокументы где-то еще, в другом месте! И все-таки находке нельзя не порадоваться. Оттиски с найденных снимков дополняют зарисовки Залеского и других художников, расширяют наши представления о времени, о местах событий, об их участниках.

Участником был и тот, кто подсмотрел все это объективом своей громоздкой деревянной камеры. Жаль, что имени этого человека назвать не удастся. Я не прочел его в списках "акмечетцев" - отмеченных и не отмеченных наградами. Мне не открыли его архивные документы.

Фотографу быть, вероятно, безвестным. А снимки его воскресают для новой - и долгой - жизни. Не самое ли это главное!

Не один час и не один день провел я в архиве, отыскивая следы первых оренбургских фотографов. Поиски были безуспешными, но не бесполезными, один за другим заполнялись блокноты, и с каждым смотренным, прочитанным, изученным делом все бже проникал я в обстановку эпохи, полнее ощущал дух.

Работа увлекала, захватывала. Она открывала вознести лучшего, более точного и полного понимания смысла найденных 'рисунков и фотографий, рождала замыслы.

Однако то, что искал, в руки не давалось. Несколько дней в музее я не появлялся. А когда цел снова...

...Есть у меня правило - правило-привычка: возник ее - возьми на карандаш, мелькнула мысль - за-, Хоть ночью, среди сна.

На спичечном коробке, оказавшемся в тот момент рукой, я однажды записал:
"Узнать стар, оренбург»

Мне, помнится, тогда подумалось: а не поискать ли оих ветеранов фотодела! Дела, которое, как и вся-другое, для одних является холодным ремеслен-твом, а для других - искусством и вообще главным в жизни!

Заметка была сделана для себя. А оказалась она... пем. Паролем с неожиданным отзывом - в виде вки городского адресного бюро. "Лапин Михаил Михайлович, год рождения-1879, ает: Гугучинский переулок, 4...". Подпись де-вго агента. Дата - давностью в два дня. И ни более.

Как справка попала на стол! Почему здесь, на территории"! Я уже вознамерился ее отодви-но внезапно вспомнил: фамилия мне знакома, и кома в связи с этими же негативами. , "Опись негативов, изъятых у фотографа... Лапина", ачит жив! Поверить в такую удачу трудно...

Но, узнав Синельникова, поняв его стиль, его характер, сам же себе и ответил: "Он!"

- Он самый - Лапин. Михаил Михалыч Лапин. А вы из собеса! Погромче, я недослышу. Из музея? Лапиных в городе, должно быть, много. Это в смысле того, что адрес... Не ошиблись! Ну, ежели так - проходите. Прошу...

Сухонький старичок с белой головой неожиданно быстрым движением раскрыл передо мною дверь.

- Чему, позвольте спросить, обязан!

Из густой сетки морщин глаза его глянули на меня со сдержанным любопытством.

Обнадеженный и весьма взволнованный встречей, я заговорил довольно сбивчиво. О негативах, о снимках, о фотографах...

- Э, опоздали! - махнул рукой хозяин. (А у меня екнуло сердце. Опоздал! Почему! В чем!) - Опоздали, мил человек! Я уж лет десять... даже больше... как от дела оторвался. Тяжело стало. И то сказать - шестьдесят лет занимался!

- Шестьдесят!

- Считайте сами. В семьдесят три на пенсию ушел. А начинал мальчонкой - двенадцати не было... Так-то!

Начинал он лет за десять до начала нашего века. Ко времени первой русской революции Лапин был уже мастером в одном из московских "фотографических заведений". Но скоро Москва стала для него лишь воспоминанием. После Декабрьского вооруженного восстания он вынужден был бежать - сначала в Самару, потом дальше, в Оренбург. Тут и обосновался...

Стариковская память многое растеряла. Многое, только не события семнадцатого-восемнадцатого - бурных, великих, неповторимых лет.

...Он выполнял задания Совета рабочих, солдатских и казачьих депутатов и потому находился в самом водовороте событий. Беспартийный, Лапин шел за Цвиллингом, братьями Коростелевыми, Мартыновым, другими большевиками-ленинцами. Шел потому, что верил и в правоту их, и в победу.

Его вера выдержала испытания.

В один из 1-...ей после того, как дутовцы захватили власть, к нему, больному, явился офицер из дутовского штаба.

- Нам известно, что у вас фотографировались красные заправилы и другие, так сказать, деятели. Эти негативы должны быть переданы властям. Вы понимаете!

Лапин понимал.

- Все негативы!

Самое верное - прикинуться простачком. Авось выиграет время и что-то придумает...

- А за какие вам годы негативы нужны! Дома у меня только старые. Искать надо... Да и как угадаешь, кто красный! Кабы пометки какие!..

Немигающе смотрел он в глаза офицеру, а сам думал: нужные дутовцам фотографии находятся тут, в этой же комнате, и не старые негативы вот в том деревянном ящике, а те, за которыми пожаловал нежданный гость. Портреты многих людей, снимки групповые... Да, для Дутова пожива была бы ценной...

- Не притворяйтесь!

Офицер проявлял нетерпение.

- Можете убедиться,- пожал плечами Лапин и поднял крышку ящика.- Вы как, сами будете про* сматривать или мне прикажете!

Перспектива долгого копания среди сотен негативов офицера не привлекла. Он наклонился, извлек пластинку, посмотрел на просвет. Оказалось - какой-то учылый степной вид. Положил обратно. Что скажет? Как поступит!..

- Даю сроку до девяти утра! Не выполнишь или что утаишь - пеняй на себя! До девяти - и ни минуты больше!

До девяти Лапин успел не только досконально разобраться, что запечатлено на каждом негативе, но и надежно спрятать те, за которыми должен был прийти дутовский штабист. Не сразу разобрался офицер в подсунутых ему пластинках. Он унес с собой довольно полный набор лиц и фигур, но - не тех.

Только вечером узнал Лапин о результатах. Рубцы на его спине остались надолго...

...Много он порассказал. Память раскрывалась постепенно и трудно - будто изображение со старого негатива.

О тех, которые принес я, бывший фотограф мог сказать только одно:

- Давнишние...- И даже пошутил: - Против них я совсем молодой.

А потом с удивлением спросил:

- Как только целы остались!

Этот вопрос занимал и меня.

Но чтобы узнать нечто новое, пришлось рассказать обо всем сначала. Не забыл, конечно, и о закорючке подписи под описью с упоминанием Лапина. Извлек ее из папки, показал...

Лапин не мог не знать человека, который тогда, десятилетия тому назад, занимался сбором негативов!

Но...

- Извините, не помню,- услышал я от своего собеседника.

Пожал плечами, развел руками и... скова, поправив очки, подвинул к себе листок-опись, в конце которого, вместо фамилии, стояли три буквы: то ли "Зам...", то ли "Зак...".

- Нет, фамилию не помню! - решительно сказал Лапин.- Хотя, наверное, знал. Весьма вероятно, что знал!

Вновь задумался, вновь умолк.

- А человека... человека того не забыл!.. Высокий такой, худой - очень большой. Я его в революцию видел. Комиссаром он, вроде, был. Комиссаром его продолжали

называть и позже. Или потому, что ходил в той же кожанке, или еще почему... Он негативы собирал! Вам, говорил, ни к чему, а народу требуется, народ знать должен. Кое-кто из частников, понятное дело, за свое цеплялся. "Мое...", "не желаю...", "не дам никому...". Тогда он, комиссар, говорил - будто приказ отдавал. "Именем революции!" - говорил. И на этом разговоры кончались...

..."Комиссар"!

Старый фотограф протянул мне новую нить.

Как вы уже знаете, над происхождением клада я задумывался и прежде. Ко теперь, после разговора с Лапиным, мыслями моими овладел тот загадочный комиссар. И к услышанному от старика-фотографа я возвращался все чаще.

Размышления об этом не могли, разумеется, не отвлекать от дела. Но здесь поиск развертывался вполне благополучно. Многие из старых негативов обрели официальные паспорта и даже развернутые биографии. Хоть бери и выставляй в музее...

А в музее жизнь шла своим чередом. Объявили план краеведческого лектория, и уже перед лекцией возникла "проблема стульев", проще говоря - где рассадить всех, кто явился... Провели "день открытых дверей" - и в тихие музейные залы хлынул поток людей самых различных возрастов... Как-то к вечеру по парадной лестнице вступили на второй этаж телевизионные камеры - и вместе с ними сюда пришли полмиллиона зрителей. Полмиллиона сразу!..

В тот день Синельников пригласил меня к одному из стендов о гражданской войне в нашем крае.

И этот, и соседние, и все другие стенды зала были мне давно знакомы. Так что новое в глаза бросилось сразу. Увидев несколько десятков неизвестных снимков, я перевел взгляд на Синельникова. Вопрос был задан одними бровями. Ответом послужила улыбка. Безмолвным, но вполне понятным ответом. Времени он не терял!

- Не терял...

Синельников сказал это просто, без тени рисовки.

- Значит, все раскрыто!

- Только приоткрыто!

- Я бы хотел...

- Рано!

- В самых общих чертах...

- Ну, разве что в общих!

И далеко за полночь, когда мы погасили свет в нашей маленькой комнатке, а затем, выйдя на морозную улицу, разошлись в разные стороны, я чувствовал себя несказанно богатым.

Начну с того, что фотографии, увиденные мною на музейном стенде, оказались отпечатками с негативов, за которыми охотился дутовский офицер.

Теми самыми, которые с риском для жизни прятал знакомый мне Михаил Михайлович Лапин.

...Групповые снимки рабочих Главных железнодорожных мастерских... строительства ветки на Орск... мукомольных предприятий города... Не просто рабочих - самых сознательных, самых закаленных. Испытанного в борьбе авангарда оренбургского пролетариата. Бойцов-ленинцев!

Ленинцы... Трудный прошли вы путь, дорогой ценой добыли свободу. Все довелось вам испытать: и непосильный с малых лет труд, и полуголодное существование, и казачьи нагайки на спинах. В борьбе за рабочие права - в стачках, в революциях, в сражениях гражданской войны - познали вы силу солидарности людей труда; в горниле боев с самодержавием и его защитниками выковалась ваша вера в Партию. И вы пошли за ней - самозабвенно, не щадя жизни.

Нет, не зря гонялись за этими фотографиями приспешники белого атамана. Вот они, герои революционной бури.

...Я часто прохожу по улице Томилинской - есть такая в Оренбурге.

"Томилинская" - потому что был такой человек: Сергей Томилин.

Токарь. Подпольщик. Красногвардеец. Боец. Снова токарь. До двадцать второго, когда умер от раны, полученной еще под Актюбинском.

Не герой, не лихой богатырь. Но товарищи навсегда сохранили о нем память. Фотографию в свое время искали, да не нашли... Я рад нашей встрече, Сергей!

...И встрече с Лобовым - ткачом из Иваново-Вознесенска, и знакомству с Ивановым - рабочим "Орлеса"... Табличками улиц они тоже навеки вросли в мой город. Но и бессмертные должны иметь свой облик.

...Легендарный Блюхер и прославленный мичман Павлов. Венгерские бойцы-интернационалисты. Люди знаменитые, люди безвестные - полководцы и солдаты Октября... Перебираешь старые снимки, смотришь, вглядываешься - и одна за другой оживают страницы прошлого.

...Последние часы перед эвакуацией города в восемнадцатом.

...Эшелоны с добровольцами: "На фронт! На защиту Отечества!"

...Жертвы кровавого террора Дутова и его банды.

...Мертвые, полуразрушенные заводские цехи.

И торжество новой жизни:

...первый субботник в еще безмолвном цеховом корпусе,

...первый "красный паровоз" под парами на путях,

...первый трактор на демонстрации,

...первый отряд юных пионеров...

Все тогда было первым, и объектив фотоаппарата глазом очевидца схватил, приметил сотни неповторимых мгновений.

Вручение оренбуржцам Почетного Революционного знамени ВЦИК. Демонстрации трудящихся города и парады частей Красной Армии. Конференции губернской партийной организации, съезды Советов, профессиональных союзов, комсомола, работниц-крестьянок, рабкоров. Приезд в Оренбург посланцев ЦК - Михаила Ивановича Калинина, Семена Михайловича Буденного...

Прилетел из центра агитсамолет - был он таким, смотрите.

Открылся детский дом - вот его питомцы.

Знакомыми, родными кажутся лица людей у памятника Ильичу. Они строили его своими руками, на свои рабочие копейки. Этот памятник был одним из первых, воздвигнутых народом в честь своего вождя, учителя, друга.

История в негативах... Как близко, дорого это сердцу!

Чтобы выяснить, была ли фотография известна ранее, я то и дело заглядывал в фонды музея, подходил к его стендам. И как-то само по себе получалось, что взгляд

мой все чаще останавливался на худощавом лице с большими, острыми глазами. Человек на снимке словно встречал меня на пороге и провожал по залу. Кто он!

"А. Я. Закурдаев, член Военно-революционного комитета",- прочел под фотографией, когда подошел поближе. И вдруг, отчего не знаю, вспомнился завиток в нижнем углу листка с описью негативов, изъятых у Лапина. "Зак..." Зак...урдаев! Старый фотограф называл того человека комиссаром. Может, он и есть!

... - Нет ли сведений о Закурдаеве! - спросил у библиотекаря музея.

- О Закурдаеве! - И тут же, вопросом на вопрос: - АО каком!

- То есть...

- Один погиб во время боев за Оренбург...

- Инициалы "А. Я."!

- Нет, это другой.

- Жив!!

- К сожалению, нет. Он умер в начале тридцатых: годов.- И добавила: - Это был директор нашего музея...

А вот и карточка музейного "справочного бюро":

- Закурдаев Александр Яковлевич. Активный, участник Октябрьской революции и гражданской войны в Оренбургском крае. Руководителем музея стал в двадцать восьмом. Работал до 1931-го - дня смерти..

Ну, конечно же, он!

..."В музейном строительстве т. Закурдаев проявил? свойственный ему напор старого красногвардейца..."

Это из некролога. Сдержанно-суровые его строки поведали мне о многом. Но много* осталось за колонками скорбной статьи - не вошло, не вместились.,

...И снова отправился я в поиск.

О своем "путешествии" по следам Александра Закурдаева рассказывать не стану. Ни о том, как отыскивал его боевых друзей и слушал их рассказы. Ни о нежданно-негаданном знакомстве с Любовью Леонидовной - верной подругой и женой. Ни о встрече с маленькой книжечкой без переплета, которая оказалась "Записками красногвардейца", написанными тем же Закурдаевым к десятилетию Октября.

Нет, о перипетиях поиска писать не буду. Гораздо интереснее сам человек, ради знакомства с которым поиск и был предпринят.

...Красногвардейцем Закурдаев стал в один из дней 1917-го. Митинги и стачки, листовки и демонстрации, стычки с жандармами и бои с белыми бандами, тюремные одиночки и дерзкие побеги - все было в семнадцатом. Все...

Но самым памятным остался день в мае, когда его, лотомственного железнодорожника, принимали в партию большевиков. Обсуждение долгим не было: Закурдаева знали. И потому, что знали, без колебания приняли и без колебания поручили: пойти в воинские части, стать для солдат своим человеком, сделать так, чтобы люди в серых шинелях поскорее смогли разобраться, кто им друг, а кто враг.

Это было трудно. Это было опасно. И все-таки он пошел, и слова нашел, и нашел ключи к солдатским душам. Безотказные ключи, выкованные из правды.

Уже вскоре, при активном его участии, гарнизон оказался под большевистским влиянием. Да таким, что военные власти забегали, засуетились.

Несколько дней спустя Закурдаева отправляли на фронт.'

Конечно, те, кто провожал, а точнее, "выпровоаживал" его из Самары, не могли предположить, что уже в сентябре - через месяц или полтора после этого - "коммунистический агитатор" окажется во главе военной партийкой организации Оренбурга.

...- Товарищи, мы так сжаты кольцом контрреволюции и так резко ощущаем здесь предательство эсеров, меньшевиков и иных лжедемократов, что вооруженное восстание по примеру петроградских товарищей стало для нас необходимостью. Мы должны вырвать власть из рук белого атамана Дутова!..

Говорил Самуил Цвиллинг - испытанный ленинец, признанный вожак уральских пролетариев.

Они успели хорошо узнать друг друга, и Закурдаев, слушая Цвиллинга, представлял себе завтрашний день, завтрашний бой. Он думал, напряженно думал о том, что нужно сделать утром, на рассвете.

А встретить рассвет довелось в тюрьме. Казаки-дутовцы со всех сторон ворвались в зал, где шло заседание Военно-революционного комитета, и почти весь его состав оказался арестованным.

Но и в тюремных камерах большевики оставались хозяевами города.

Из камер шло руководство всеобщей забастовкой рабочих. Отсюда исходили указания о формировании и обучении красногвардейских отрядов. Сюда сходились нити подпольной деятельности оставшихся на свободе товарищей.

Закурдаев вошел в тюремный комитет, который руководил всей жизнью, всей борьбой политических. Стойкость на допросах... Голодовка протеста... Наконец побег... План побега разрабатывался с особой тщательностью. Нужно было установить надежные связи с товарищами на воле, договориться о расстановке сил - в камерах и за оградой, через верного человека в тюремной охране заполучить хоть немного оружия, продумать все, до мелочей... Закурдаеву выпало начинать. По сигналу Цвиллинга он первым вышел из камеры, первым бросился на караульного... Утром все в городе уже знали: около полуночи из губернской тюрьмы бежали двадцать два большевика.

...А путь через казачьи станицы! Нелегко было пробить такое кольцо, но он прорвался и добрался до Бузулука. Туда, где готовился решительный бросок на Оренбург... Возвратился Закурдаев с победой. Но не для тихой и спокойной жизни. Жить "тихо" этот человек не умел.

Стало нужным - и он взялся за организацию госпиталя. Потребовалось - пошел в летчики-наблюдатели красного авиаотряда. Разбушевался сыпняк - кампанией по борьбе с тифом руководит Закурдаев. И с голодом... И с разрухой...

Он будто не замечает - нет, замечать не хочет! - что собственные его силы день за днем подтачивает туберкулез, что жить остается до обидного мало.

Мало... Тем важнее поспешить, поторопиться, тем необходимее сделать больше. И даже "спокойная" работа в музее озаряется для него огнем неумеренного, жаркого горения. Он ищет, собирает, добывает реликвии революционных лет. Он организует запись воспоминаний и пишет их сам. Он гоняется за документами, фотографиями, негативами. Для детей и внуков. Для многих и многих будущих поколений. И, как прежде, глухо, но твердо звучит его голос: "Именем революции!" И, как прежде, - одни с уважением, другие со злобой или опаской, - люди говорят о нем: "Комиссар!" ...Ну, конечно же, это он, Александр Закурдаев. И ящики с негативами - его заслуга, его труд, его клад. Клад, предназначенный людям. Людям он и достался.

Не вина Закурдаева, что это случилось много лет спустя. Он умер в разгар работы, не успев передать эстафеты.

Но эстафета благородного дела не затерялась, не погасла. Ее подхватили такие же чистые руки, такие же горячие сердца. И среди этих людей - Синельников Василий Григорьевич, мой добрый знакомый.

Он никогда Закурдаева не видел. В тот год, когда его не стало, в Синельникове только-только начала проявляться страсть краеведа. Вместе со всем народом он учился, вместе рос, строил, воевал и через все пронес живой огонь энтузиаста-следопыта, не скорого на красные слова, зато делами щедрого...

ЧАША АТРОМИТРА

Как-то не поворачивается язык чудо назвать экспонатом.

Даже если чудо ру-ко-твор-но-е...

У этого серебряного блюда - или фиалы - по меньшей мере два дня рождения.

Второй можно обозначить точно: июль 1911 года. Что касается первого, то он затерялся в глубине тысячелетий. Конец четвертого - начало третьего века до нашей эры... Значит, две с половиной тысячи лет!

"Чаша Атромитра" - так ее именуют в каталоге. Каталоге и литературе: написано о ней много.

Кто это имя дал! Нет, позднейшей придумкой оно не является. Нарекли сразу, при рождении. Так на фиале и обозначено: "Ташти Атромитр" - "Чаша Атромитра".

Едва заметные арамейские письмена разобрал Павел Константинович Коковцов, выдающийся знаток восточных языков, профессор Петербургского университета и действительный член Российской Академии наук. Он прожил долгую жизнь - от года падения крепостного права до тревожного военного 1942-го. Его заслуги в арабистике несказанно велики, и знаменитому Крачковскому были о чем писать, подводя посмертный итог деятельности корифея востоковедения. Среди многих его дел не затерялось и это: прочтение еле сохранившейся надписи на древнеперсидском языке.

Но даже Коковцов не мог ответить на вопрос: а кто же этот Атромитр! Имя не очень редкое - во всяком случае, в литературе древних персов встречается. Однако царя такого история не знает. Небожитель, которому поклонялись! Купец богатый! А не проще ли все и дороже: сам мастер! Как мало имен мастеров сохранило и донесло до нас время!

Творил чудо человек.

"Блюдо (фиала) по высоте 5 сантиметров, диаметр по дну - 20,5 сантиметра, диаметр по верхнему краю - 25 сантиметров..." Это только его обмеры. Куда сложнее передать все богатство орнаментального рельефа и "верхнего края", и "дна" - целую симфонию подсмотренных и уловленных кудесником нерасторжимых связей красавицы-природы, радующей нас бесконечным богатством растительного мира с его лепестками, бутонами, плодами, цветами, листьями. Тут они высечены в серебре, никакими красками мастер не пользовался, а между тем воспринимается все так, будто перед тобою многокрасочная картина живого мира. Мира, увиденного две с половиной тысячи лет тому назад в древней Персии, а затем - неведь как - оказавшегося перед глазами современника, но в даях дальних - оренбургских степях...

Тысячелетия пролежала фиала в могиле своего последнего владельца, пока не добрались до кургана люди и, вызволив из заточения, снова открыли ей свет жизни.

Итак, шел 1911 год. Был он тяжким - на степи обрушился свирепый суховец. Предвещал палящий зной одно - неурожай, голод. Переселенцы с Украины, проделавшие трудный путь в поисках лучшей доли, с мукою невыразимой глядели на сожженные поля.

Логин Платонович Олиференко приехал сюда с семьей из Полтавской губернии. Там, на родине, довелось ему однажды наблюдать, как археологи раскапывали старинные курганы: снимали насыпь, по центру копали колодец и... Что происходило дальше, он не видел, но люди божились: ученые эти ищут золото да бриллианты, находят их и тайно увозят себе в пользу.

И вот надо же: такие самые курганы оказались на краю оренбургской Прохоровки. Один и вовсе в его, Олиференко, поле упирался - свой, значит, собственный. Чем жарче припекало солнце, лишая всякой надежды на хлеб, тем острее будоражила крестьянина мысль о кладе. Только клад и мог бы нынче спасти их от беды...

Июльской ночью Логин с сынами поднялись на "свой" курган. Высота его большой не была - метра полтора, не выше. Зато в диаметре он оказался обширным - почитай два десятка метров. Работали споро, да и силы занимать не приходилось. За ночь глубокий колодец вырыли.

Умаялись - дальше некуда. Но только никакого клада не нашли. Не было клада, как ни смотрели...

В деревне тайны не удержишь. Соседи глядели во все глаза, а когда Олиференко с сынами ушли в избу, сами в раскоп спустились, да еще с "оружием" - железной папкой. От чертей защищаться, что ли... Для защиты прут не понадобился, а все-таки добрую службу сослужил. Использовали его как шуп. И с помощью этого-то шупа наткнулись на что-то твердое. Сокровище! Стали раскидывать землю и несколько мгновений спустя извлекли, одно за другим, два больших блюда. Оказались они не простыми, а серебряными, к тому же в замысловатых узорах - на загляденье!

Находок было немало - и в этом, и в соседних курганах. Из всех деревенских могильников остался не раскопанным после тех июльско-августовских дней только один, и то потому, что на нем было кладбище. Не станешь же разрывать могилы отцов-матерей, ближней и дальней родни...

Искали Олиференко, понятное дело, не для пользы науки. И соседи их думали о том только, чтобы в лихой неурожай не помереть, да и вообще свои дела поправить. Добыча вызвала разгул страстей, ссоры и драки. Дошло до урядника и пристава, причина раздоров стала явной, и... все, что крестьяне нашли, было у них изъято.

Изъято и из Михайловской волости отправлено в Оренбург.

Так "Чаша Атромитра" оказалась в музее Оренбургской ученой архивной комиссии. Он тогда помещался в скромном двухэтажном доме на берегу Урала (теперь в нем управление треста водопроводно-канализационного хозяйства). Называли его по-разному: то Историко-археологическим, то Музеем древностей.

Древностей и впрямь тут было много. Экспонировались, например, "Привилегия г. Оренбургу, составленная в 1734 году", пугачевский указ о присвоении звания полковника башкирскому старшине и всякое другое.

Весть о находках в Прохоровке, а особенно о "Чаше Атромитра", облетела ученый мир. Год спустя, летом 1915 года, в Оренбург специально приехал Михаил

Иванович Ростовцев - профессор Петербургского университета. Много времени затратил маститый историк-археолог для изучения найденных богатств и, уезжая, дал прохоровским курганам самую высокую оценку. Выполняя его просьбу, С. И. Руденко - потом он тоже стал видным археологом, особо прославившимся раскопками алтайских курганов,- отправился в Прохоровну и произвел там повторные работы, а кроме того, досконально порасспросил крестьян, которые тогда находились здесь с лопатами. Теперь "золотая лихорадка" схлынула, и они могли уже спокойно припомнить, что именно было в каждом кургане, как все располагалось. Немало, конечно, прахом пошло-пропало. Но многое и в музей попало: железный меч, кинжал, золотые подвески, часть бус...

Все это сегодня можно увидеть в археологической коллекции Оренбургского музея. Но главное украшение обширного отдела - "Чаша Атромитра".

"Я люблю археологию. Я уважаю людей, посвятивших себя этой таинственной матери истории. Я вполне сознаю пользу этих раскапываний".

Цитата! Да. Личностью написано крупной! Куда крупнее.

Это слова Тараса Шевченко, и занес он их в свой "Дневник" как результат глубоких размышлений в годы оренбургской ссылки.

К созданию музея много сил приложили те, кто был ему знаком и близок. Тот же Даль. Тот же Зелен-ко. Да и не только они. На полуострове Мангышлак Шевченко познакомился и сошелся с Александром Ивановичем Антиповым - горным инженером, начальником Каратауской экспедиции по исследованию залежей каменного угля. К экспедиции был прикомандирован и отданный в солдаты талантливый художник - великий поэт Украины. Так вот Антипов, сразу по возвращении из Новопетровского укрепления, в ноябре 1851 года передал в Оренбургский музей "доставленные им минералы". Доставленные им, но собранные многими, в том числе и Шевченко... Годы спустя, в 1860-м, когда Шевченко был уже в Петербурге, Антипов, ставший к тому времени капитаном, поднес музею коллекцию горных пород, окаменелостей, насекомых. Быть может, и сейчас есть в экспозициях музея то, что собиралось в экспедиции с участием Кобзаря...

Но вернемся к археологии. "Таинственной матерью истории" назвал ее Шевченко, прямо и громко признаваясь в любви к сей отрасли науки о прошлом.

Археологический отдел музея в Оренбурге хранит в себе живое тепло такой любви.

Любви многих поколений...

О ней мы можем прочесть в увлекательной книге С. А. Попова "Тайны Пятимаров", которая вобрала в себя научно-популярные очерки о древней и средневековой истории Оренбургского края. Читаешь ее, рассматриваешь иллюстрации - и встает перед тобою жизнь сарматских племен и поздних кочевников - тюркоязычных народов, видишь, как происходил переход вольных казачьих ватаг с Волги на Яик, как заселялись эти степи русскими людьми и нерусскими народностями Поволжья. Археологические материалы музея - это для автора книги сама жизнь в ее многовековом, многотысячелетнем развитии.

Добрая сотня находок воспроизведена в фотографиях. Каменные мотыги, серпы, топоры... золотой оклад ножен меча и медная гривна... сарматский котел и бронзовые наконечники стрел... каменный жертвенник с изображением головы барана и костяная ложка... чашечка из "финикийского стекла" и литая булава... украшения из

янтаря и сердолика... Все они - свидетели жизни, которая бушевала тут во времена незапамятные.

Фотографий тех, кто все это раскопал, отыскал, сохранил, в книге нет. А за каждым экспонатом - люди. Археологи-ученые и археологи-любители, крестьяне и студенты, рабочие на стройке и ученики сельской школы.

Многие предметы, прежде чем попасть в музей, переходили из рук в руки.

...Клиновидный топор из кремнистого сланца первыми увидели связисты. Копали они близ Илека ямы под столбы и вырыли из земли полированный шестигранник с удивительно заостренным краем-лезвием. Не отбросили безразлично - отнесли в школу. Попало оружие охотников-рыболовов новокаменного века к учителю Емельянову. Всякий раз, вводя ребят в загадочный мир далекого-предалекого прошлого, показывал он им этот вещественный памятник неолита. Уйдя на покой, учитель свою реликвию хранил бережно. Но однажды пришли к нему в гости юные краеведы из Оренбурга - привел их хорошо мне знакомый Борис Андреевич Коростин, человек нестигаемого мужества, фронтовик, следопыт. Сколько он за жизнь свою собрал... И все не для себя - для людей, для пользы общей. Пенсионер-учитель передал топор школьникам из города. Ну, а следующим - и последним - адресом илекской находки оказался Оренбургский краеведческий. Топор дошел до нас из четвертого-третьего тысячелетий до нашей эры...

...Обломки глиняной посуды неолитической поры привез в музей бузулукский краевед В. Д. Чернов - он нашел их в устье реки Ток. (Потом Василий Дмитриевич создал интереснейшие народные музеи на целине - в Адамовне и на Орском заводе тракторных прицепов - но это уже так, к слову, чтобы представить человека лучше...)

Трактористы из Северного района около поселка Иркуль нашли во время работ бронзовую бляху в виде свернувшегося хищного зверя и не дали ей затеряться снова...

Шофер Д. А. Сапов в русле пересохшего ручья у Новопетровки, что в Сорочинском районе, наткнулся на нижнюю челюсть мамонта, да еще в прекрасной сохранности: Год спустя, уже в музее, она "встретилась" с верхней челюстью... носорога...

Ученики поселка Интернационального в Матвеевском районе обратили внимание на десятки длинных и узких пластин, отколотых когда-то от продолговатого кремнистого желвака, оказавшегося поблизости. Своей находкой они помогли ответить на вопрос, как когда-то велась первичная обработка материала для изготовления каменных орудий...

Археологические экспонаты были среди первых подношений музею, полученных еще полтора века тому назад. Поныне приносят их посетители, присылают в почтовых посылках или багажных ящиках - года не бывает, когда бы не поступило в отдел что-то.

Эпизодические, "разовые" раскопки на просторах области давно уже сменились систематическими, постоянными. Два с лишним десятилетия вела здесь планомерную работу научная экспедиция Института археологии Академии наук СССР и Оренбургского краеведческого музея. Руководили ею все эти годы доктор исторических наук Константин Федорович Смирнов и кандидат исторических наук Марина Глебовна Мошкова. Обогатили их раскопки науку, очень обогатили!.. ...На этот раз сенсация родилась в Орске. Восточная окраина крупного индустриального центра была избрана местом возведения нового гиганта - завода] тракторных прицепов.

Стройка сказала и на работе археологов. Давно заметили они в том районе несколько курганов, для себя определили их как ранние сарматские, но раскапывать намеревались позднее.

И вот сюда надвинулся будущий завод. Да еще как решительно надвинулся! Не займешься делом сейчас - запросто у разбитого корыта оказаться можешь...

Археологи и их помощники будто вступили в соревнование со строителями. Нет-нет, соревновались не в кубометрах вынутого грунта, но в качестве и эффективности работ каждого дня.

Кто в "соревновании" победил) И те, и другие! Так необходимые стране тракторные прицепы на заводе начали выпускать намного раньше, чем предусматривалось планами пятилетки. А очень и очень ценные для науки древности не остались погребенными под фундаментами цехов. Они были извлечены из своего тысячелетнего заточения, явились людям знающим, пытливым, стали достоянием науки.

И чего только тут не нашли!

Железная боевая секира длиной в 33 сантиметра... Золотая серьга или, может, височная подвеска... Крупные синие глазчатые, с волнистым цветным орнаментом бусы... Бронзовое зеркало с плоским диском и длинной плоской ручкой... Не один десяток предметов оказался в погребальном комплексе древних кочевников Южного Приуралья V-IV веков до нашей эры. В большинстве своем они попали в Орский музей, к тому времени расширявшийся.

Но одна из находок обрела вечную прописку в Москве, в Государственном музее изобразительных искусств имени А. С. Пушкина. Это уникальный древнеегипетский алебастровый сосуд, равного которому археологи дотоле не находили.

Время его не пощадило, он оказался поврежденным. Потребовались кропотливые реставрационные работы. Зато по окончании их сосуд предстал во всем великолепии своих форм!

Высота - более 28 сантиметров. Закругленное у основания тулово сильно расширено книзу и имеет короткое горло. По бокам - две ручки-колодочки. Все это сделано из хорошо полированного белого, с желтоватым оттенком алебастра, широко распространенного в стародавние времена в Египте.

На тулове - иероглифическая надпись древнеегипетского происхождения, на плечиках - клинопись. Текст надписи идет вертикально - столбиком и читается сверху вниз.

А что именно прочитывается!

"Артаксеркс, фараон великий".

Имя царя Артаксеркса заключено в кольцо, или картуш.

Это же имя повторяется на трех языках в клинописи, но она сохранилась плохо и в большей своей части не поддается прочтению.

Надписи на сосуде, чудесно возникшем из небытия под Орском, дали возможность отнести его ко времени правления одного из Ахеменидов. А это значит, примерно, к 465-424 годам до нашей эры.

Находка позволила задуматься над многими вопросами истории, прежде всего - над связями, существовавшими между народами глубинных районов кашей страны со странами древнего Востока.

В этих же курганах, оказавшихся на территории большого современного строительства, археологи обнаружили массу других предметов. Особенно в одном, находившемся в центре курганной группы; он, как выяснилось дальше, вырос над могилами богатой и знатной семьи сарматов в IV веке до нашей эры.

Курган был велик и раскапывать его решили в два этапа: половину - в один год, другую - на следующий. И вот уже в последний раз прошел бульдозер, осторожно расчистивший площадь завершающих исследований сезона. Археологи и их помощники, среди которых в этот раз было особенно много школьников-старшеклассников из Орска, стали исследовать каждый сантиметр земли.

Находки не заставили себя ждать. Были тут и кости животных, и бытовые орудия, и предметы, связанные с исполнением сарматских ритуалов...

Волнение вызвала находка обломков серебряного ритона в виде лошади с подогнутыми передними ногами. Кому-кому, а археологам издавна известно: ритоны - это сосуды, связанные с торжественными пиршествами.

- Ко мне! - вдруг послышался голос одного из ребят.

Он продолжал возиться в земле, из которой незадолго перед тем были извлечены куски ритона.

- Смотрите, что я нашел! - крикнул паренек.- Медная трубка!

Юный археолог - не будем судить его строго - предположил, что ему попалась... самогонная трубка из меди.

Попалась же ему массивная золотая гривна! Когда взвесили, то оказалось: более семисот граммов. Если совсем точно - 774,34 г. Гривна была согнута а, два оборота из массивного круглого в сечении прута диаметром 14 сантиметров. Она имела реберчатую поверхность и заканчивалась скульптурными фигурками скачущих козлов с крутыми ребристыми рогами, подогнутыми передними и вытянутыми задними ногами.

Ученые-археологи знают, что золотые гривны с глубокой древности известны в ираноязычном мире не столько как украшения, сколько в качестве символов власти.

Значит, тут был похоронен вождь или царь савро-матов!..

На карте археологических разысканий Орск стал кружком первой величины. А все Оренбуржье пред-, стало перед разведчиками прошлого краем новых надежд.

Археологическая коллекция Оренбургского музея складывалась на протяжении полутора лет. В нее внесли свою лепту многие и многие исследователи - от Томаша Зана и Г. С. Карелина, от Антипова и Ка-станье.

Кастанье... Передо мною его печатный фолиант "Древности Киргизской степи и Оренбургского края", вышедший как XXII том "Трудов Оренбургской Ученой архивной комиссии" в 1910 году. "Составил И. А. Ка-станье, вице-президент Комиссии, хранитель музея" - так обозначены на двуязыком (русском и французском) титульном листе имя и звание автора удивительной по охвату материала и скрупулезности его подбора книги.

Иосиф Антонович был преподавателем французского языка в Оренбургской гимназии, но главным делом всей его жизни являлось краеведение, а самой большой страстью - археология. Он исходил-изъездил огромные просторы и собрал столько, что хватило бы на множество залов. Коллекции Кастанье сослужили прекрасную службу и музею в Оренбурге, и музеям в Казахстане. О них знали в Париже и Тулузе, в Мадриде и Берлине, куда ездил этот подвижный, энергичный и бескорыстный человек.

В археологии он был любителем, глубоких знаний ему не хватало, и на пути к открытиям это, конечно, служило преградой. Но сделал Иосиф Антонович много - честь ему и хвала!..

Музею "везло" на подвижников-энтузиастов. Такими запомнили Ивана Антоновича Зарецкого - многолетнего музейного искателя двадцатых-тридцатых годов. Константина Владимировича Сальникова - из лет послевоенных, впоследствии автора фундаментальных исследований и доктора исторических наук. Везло и везет - потому что доныне, вот уже тридцать пять лет, работает тут Сергей Александрович Попов, тот самый, что написал "Тайны Пятимаров".

Увлеченность наставников зажигает юных и не юных. Пример тому - Роальд Никитич Ацеховский. Не за археологию получил он высокий орден: у прокатчика Орско-Халиловского металлургического комбината громкая слава победителя социалистического соревнования. Но каждое лето проводит он в экспедициях, под палящим солнцем, в тяжелой физической работе, разгадывая тайны древности. Однажды отец взял в поездку сына - школьника Сашу. Так появился еще один археолог-любитель из семьи Ацеховских. Семьи, в археологии уже известной...

МАСКА ПУШКИНА

И тот из посетителей музея, кто заранее не знает, что его в этой комнате ждет, и тот, кто идет сюда специально, испытывает, склоняясь над маленькой витриной, трепет непередаваемый.

Пушкин! Пушкин! Пушкин...

Посмертная его маска - реликвия поистине бесценная. И не только для Оренбургского музея. Это удивительная редкость вообще.

Но откуда она здесь, в Оренбурге! Как в "тот музей попала! От кого и через кого!

Вопросы кажутся простыми, да не так-то скоро удалось сыскать на них ответ.

С. А. Попов и Г. С. Журавлев, музейщики опытные, искушенные, затратили на прояснение этих вопросов не день и не месяц.

Об их поисках и пойдет речь. Только чуть позднее. Пока же надо изложить то, что отыскать может каждый. Прежде всего, в воспоминаниях о Пушкине, в переписке его друзей.

Двухтомник "А. С. Пушкин в воспоминаниях современников" заканчивается двумя письмами Василия Андреевича Жуковского.

Первое - к отцу поэта, Сергею Львовичу.

"...Когда все ушли, я сел перед ним и долго один Смотрел ему в лицо. Никогда на этом лице я не видел ничего подобного тому, что было на нем в эту первую минуту смерти. Голова его несколько наклонилась; руки, в которых было за несколько минут какое-то судорожное движение, были спокойно протянуты, как будто упавшие для отдыха после тяжелого труда. Но что выражалось на его лице, я сказать словами не умею. Оно было для меня так ново и в то же время так знакомо! Это было не сон и не покой! Это не было выражение ума, столь прежде свойственное этому лицу; это не было также и выражение поэтическое! нет! какая-то глубокая, удивительная мысль на нем развивалась, что-то похожее на видение, на какое-то полное, глубокое, удовлетворенное знание. Всматриваясь в него, мне все хотелось у него спросить: "Что видишь, друг!" И что бы он отвечал мне, если бы мог на минутку воскреснуть!..

...К счастью, я вспомнил вовремя, что надобно с него снять маску. Это было исполнено немедленно; черты его еще не успели измениться. Конечно, того первого выражения, которое дала им смерть, в них не сохранилось; но все мы имеем отпечаток привлекательный; это не смерть, а сон..."

К скульптору поспешил Петр Александрович Плетнев, видный петербургский литератор и добрый знакомый Пушкина, тоже находившийся у смертного одра.

"...Тотчас отправился я к Гальбергу,- свидетельствовал он в письме к поэту В. Г. Теплякову.- С 'покойника сняли маску, по которой приготовили теперь прекрасный бюст".

Маску снимал Самуил Иванович Гальберг - скульптор к тому времени известный, профессор Петербургской Академии художеств. Он родился в 1787 году в Эстонии, в Петербурге учился у И. П. Мартоса, в Италии совершенствовался под руководством Бертеля Торвальд-сена и ко времени получения звания академика стал автором работ отменных: "Мальчика, пускающего мыльные пузыри" - в бронзе, "Молодого сатира" - в мраморе... Это он сделал мраморный портрет И. А. Крылова, ему принадлежали проекты памятников Г. Р. Державину в Казани и Н. М. Карамзину в Симбирске. "Произведения Гальберга, выдержанные в основном в стиле позднего классицизма, отличаются благородной простотой формы, внимательным изучением природы, искренностью чувства",- читаем о скульпторе в современной энциклопедии.

Снимать маску Гальбергу помогал - а точнее, под его руководством снимал - опытный академический мастер-формовщик Балин. С удовольствием назвал бы здесь его имя-отчество, узнал сам и поведал другим его биографию, но... в литературе ее не нашел, и об этом сожалею. Ведь Балину поработать пришлось немало. Снятие маски - дело не простое...

Масок первого отлива было, вероятно, не более пятнадцати. Это количество названо и в письме Н. И. Любимова к М. П. Погодину, посланном 22 февраля 1837 года. "Я хлопочу, чтобы достать его слепок, что довольно трудно, ибо заказано было не более 15-ти Жуковским и уже все розданы им..." - сообщал своему адресату корреспондент.

"Посмертная гипсовая маска Пушкина, снятая с него в день смерти, дает представление об облике поэта в последние годы его жизни и сохраняет непреходящее значение первоисточника для последующей иконографии",- заявила в своей статье "Первые скульптурные изображения Пушкина" исследовательница вопроса Л. П. Февчук и тут же сослалась на гравированный портрет работы Т. Райта и бюст, созданный С. Гальбергом,- произведения, которые обрели свою жизнь в год, когда поэта не стало. "Прекрасный бюст" - отозвался о творении Самуила Ивановича Плетнев. Оценка, данная им, ничуть не преувеличена. Вспомним в оригинал бюста, снабженный собственноручной подписью скульптора, сравним его с маской, и мы увидим, что лицо вылеплено с совершеннейшей точностью. Даже чуть сдвинутый влево рот не "поправлен", а сохранен скульптором... Ведь это Пушкин!

...У кого оказалась его посмертная маска! Кто стал обладателем дорогой реликвии!

Сам Жуковский, конечно, Сергей Львович, отец поэта. К. К. Данзас, лицейский товарищ Пушкина и его секундант на дуэли. Приятель по Кишиневу В. П. Горчаков, П. В. Нащокин, Е. А. Баратынский, С. П. Шевырев, Н. И. Любимов, М. П. Погодин, барон Н. М. Сердобин, художник Н. Н. Ге... Одни получили маску тогда же, сразу, другие стали вторыми, третьими, пятыми обладателями гипсового воспроизведения

пушкинского лица; в общем, "своя биография" сложилась и у каждого из экземпляров, да какая подчас сложная биография - не всегда и проследишь за ее извилистыми поворотами. "О дальнейшей судьбе принадлежавших им масок сведений мы не имеем",- пишет та же Февчук, имея в виду большинство перечисленных выше лиц.

Сейчас их, масок первого отлива, сделанных на основе негативной формы - отпечатка лица в гипсе,- всего несколько.

Во Всесоюзном музее А. С. Пушкина хранится маска, принадлежавшая графине Екатерине Федоровне Ти-зенгаузен, дочери Елизаветы Хитрово, знавшей и любившей поэта. Там же находится и еще одна - из парижского музея известного почитателя Пушкина и собирателя всего, что касалось его жизни и творчества. Онегин-Отто дружил с сыном Жуковского, и маска, принадлежавшая Василию Андреевичу, оказалась в руках коллекционера-пушкиниста.

Известна и описана та посмертная маска, что сейчас в Научной библиотеке Тартуского университета. Она когда-то принадлежала Прасковье Александровне Осиповой, владелице села Тригорского, а от нее перешла к историку, филологу и писателю профессору Розбергу Михаилу Петровичу, тоже знавшему Пушкина лично.

Уже через Розберга попала реликвия в университетскую библиотеку; ее пришлось реставрировать, восстановление не было достаточно удачным, маска свой вид изменила...

И вот оренбургская. Ее история интересует нас сейчас больше всего. Ею и занялись в свое время С. А. Попов и Г. С. Журавлев.

Когда отправляешься в долгий и нелегкий путь, ты, естественно, стараешься побольше узнать о своих спутниках, да еще таких, которые тебя поведут за собою. Вот почему, прежде чем мы пустимся в дорогу, я представлю вам тех, кого пока только называл.

...Сергей Александрович Попов - человек во всех отношениях удивительный. Родился он в 1905-м, в семье крестьянина-коми. Учился сначала в церковноприходской школе, потом семья переехала в Сыктывкар и его отдали в гимназию. Занимался там недолго. Только с утверждением на родной земле новой жизни сумел он свое образование продолжить: поступил в педагогический техникум. Окончил - начал учительствовать. Но властно влекли к себе науки - и прежде всего исторические. Отправился в Москву, в ее прославленный университет. И столько постиг, столько узнал за годы ученья... "Назначаем вас директором Коми музея",- сказали однажды молодому историку. Создание музея увлекло несказанно. Тогда-то и стал он пожизненным верноподданным музейного дела...

Жизнь, и особенно в нашем бурном веке, сложна чрезвычайно. Во второй половине тридцатых годов - тогда как раз отмечали столетие Пушкина - нежданно-негаданно оказался Попов в Казахстане.

Музей в Петропавловске, музей в Алма-Ате еще хранят в себе то, что дал им он. "Неинтересных" мест, "неинтересной" истории для музейщика нет!

На фронт его в войну не послали - направили на строительство военной индустрии. Медалью "За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941- 1945 гг." Сергей Александрович гордится, как фронтовик боевым орденом.

Есть у него и орден - "Знак Почета". Это почет за полвека работы в музеях и, конечно, прежде всего, в . Оренбурге. О" тут с сорок шестого.

Но чем Попов удивителен! Стажем! Музейных полвека за плечами не у многих. Заслугами! Редко кто может погордиться таким количеством созданных экспозиций. Знаниями! В истории, и особенно истории края, они у него поистине энциклопедические. Трудями! Изданы и книга "Тайны Пятимаров", и множество статей... Удивителен он широчайшим кругом интересов, научной кропотливостью и дотошностью, умением увлекаться решением новых и новых задач, готовностью в любую минуту отодвинуть свое и помочь всякому, кто к нему обратится, мгновенным превращением из старого "затворника" в быстрого, энергичного археолога, из убежденного домоседа в организатора и руководителя археографической экспедиции, из ученого в ученика. Среди уральских - и не только уральских - "профессоров краеведения" он один из самых заслуженных...

...Георгий Степанович Журавлев - из семьи железнодорожников. Отец был революционером-ленинцем, погиб в 1918-м, в Якутии. На долю сына выпали и детские дома, и ранняя самостоятельность. Работал, учился, воевал. Великую Отечественную прошел политраблотником. Много повидал и многое испытал военком полка 6-й армии. После увольнения в запас был на партийной работе. Потом немало сил и энергии отдал укреплению органов внутренних дел.

Но годы берут свое, и пришло время идти на покой. Продержался в "чистых пенсионерах" недолго. В Оренбурге его знали как знатока местной истории. Не стал отказываться, когда позвали на работу в музей. Десяток с лишним лет проработал здесь заместителем директора по научной части. Первый путеводитель по краеведческому музею - во многом его детище. С увлечением придумывал экспозиции, учил новичков...

...Они-то и занялись выяснением истории "оренбургской маски" Пушкина.

Вместе с ними отправимся по лабиринтам поисков и мы.

3

Оренбург в биографии Александра Сергеевича Пушкина занимает особое место. Сюда он стремился долгое время, пока, наконец, не добрался в сентябре 1833 года. Поездка была вызвана интересами творческими. Автору задуманной "Истории Пугачева" хотелось самолично познакомиться с местами, где разворачивались события Крестьянской войны 1773-1775 годов, увидеть их современников и участников, поговорить с ними.

В Оренбурге об этом знают и помнят. Ко всеобщему почитанию Пушкина как гения русской и мировой литературы присоединяется чувство, так сказать, "землячества": здесь он жил, там бывал, это видел.

И так со времен давних...

В 1899 году вся Россия торжественно отмечала столетие со дня его рождения. Готовились к юбилею широко и разносторонне. В столицах и на дальних окраинах...

Деятельно включилась в подготовку Оренбургская ученая архивная комиссия. Во многих ее протоколах находим мы отголоски бурных дебатов, которые вела местная интеллигенция. Они касались подготовки сборника "Пушкин в Оренбурге", установки мемориальной доски, проведения научного заседания.

Возник разговор и о посмертной маске - она к тому времени была уже широко известна, ее выставляли для всеобщего обозрения и видеть мог каждый, кто хотел.

Из протокола № 3 от 8 февраля 1899 года: "...10. Предположено к имеющему быть напечатанным сборнику "Пушкин в Оренбурге" приложить фотографии с дома И. В. Ладыгина (тогда ошибочно полагали, что Пушкин останавливался именно в нем.-

Л. Б.), гипсовой маски Пушкина, хранящейся в музее Комиссии, и с одного из лучших портретов Пушкина 1830 г. Постановлено: 1) просить фотографа Норвилло принять на себя труд сфотографирована названных предметов и 2) спросить Д. Н. Соколова об истории маски Пушкина, данной им в музей".

Из протокола № 5 от 15 марта того же года:

"...8. Заслушано отношение земского начальника 2-го участка Оренбургского уезда от 7 марта с. г. за № 755 о том, что сведения о маске А. С. Пушкина, хранящейся в музее Комиссии, напечатаны в февральской книге "Исторического вестника" за 1897 г."

Земским начальником, приславшим "отношение", был тот самый Д. Н. Соколов, который маску передал.

...Как назло, февральской книги "Исторического вестника" за указанный в протоколе год Сергей Александрович в библиотеках Оренбурга не обнаружил. Пришлось выписывать ее через межбиблиотечный абонемент, а значит, ждать, и немало, пока она прибудет. Это очень трудно - ждать, когда не терпится найти разгадку.

Наконец, книга пришла. Зорким взглядом исследователя Попов пробежал по строчкам оглавления.

Но здесь же о маске Пушкина нет ничего...

Перелистал страницу за страницей - ни-че-го.

Прочел многие статьи - о маске, быть может, упоминается попутно - не упо-мина-ет-ся.

Ошибся протоколист! Напутал Соколов! Так или иначе, но "Исторический вестник" не порадовал. Придется, наверное, запрашивать столичных библиографов - авось помогут. Но сколько времени пройдет в ожидании...

Огорчился и Журавлев. Однако доверия к самому факту публикации проясняющей статьи или заметки именно в "Историческом вестнике" он не утратил. Может, ошибочно указан номер, месяц! И отправившись в библиотеку областного архива, стал перелистывать все разрозненные комплекты журнала за этот и ближайšie годы.

"Маска Пушкина"! Автор: "Д. С-ов"!

Заметка оказалась в февральском номере 1896 года. Совсем небольшая, в два десятка строк величиною: Соколов вполне мог воспроизвести ее в своем "отношении". Хотя в то время журнал находился под рукою, особых поисков вести не требовалось.

"Д. С-ов" откликнулся на полемику, которая развернулась вокруг сообщения о маске в Юрьевском (Тартуском) университете. Кроме нее, тогда знали лишь о той, которая экспонировалась на Пушкинской выставке как собственность некоей госпожи Семечкиной.

"Считаю не лишним,- уведомлял он читателей,- указать на существование третьего экземпляра. Этот экземпляр, приобретенный моим дедом (умер в 1845 году), находится у меня и сохранился хорошо... Судя по описанию, он сходен с юрьевским..." Юрьевским (Тартуским) - в противовес тем, которые отразили желание позднейших изготовителей масок возможно более приблизить их к живописным портретам поэта; с этой целью они приделывали и "волосы до половины головы", и некое подобие бакенбардов.

...Письмо в "Историческом вестнике" прочитано. Ну, и что из него явствует! Да, была передана в музей Д. Н. Соколовым. Да, приобрел ее еще дед, а так как

скончался он в сорок пятом, то, следовательно, приобрёл в течение первых семи или восьми лет после Пушкина и появления на свет посмертной его И- Сведения по-прежнему скупы. Как привлечь

в каком направлении развивать поиск! (Конечно, надо постараться побольше узнать о Соколове-деде. Кем он был! Как складывалась его жизнь!

Исследователи погрузились в архивные дела. Н. Соколов значился оренбургским дворянином. , материалы о его семье,- его роде следовало среди бумаг сословной организации русского Дворянства, а именно дворянского депутатского собрания И родословные книги, и другие "единицы хранения" могли познакомить со всеми коленами, ветвями и ответвлениями рода Соколовых.

Внимательно просматриваем опись,- рассказывает Попев.- Оказывается,, что оренбургских дворянских семей, носящих эту фамилию, не одна и не две - несколько. Выписываем дела. Вот это - о внесении в Оренбургскую дворянскую родословную книгу Николая Александровичу самого, другое - о Соколове Зиновии Александровне.

... К "нашему" они отношения не имеют.. Только после нескольких дней бумажных копаний наши энтузиасты на след. Это случилось в тот когда из хранилища принесли дело № 441, на, о^ложке которого значилось: "Прошение коллежского асессора Ивана Артемьевича Соколова о внесении его в дворянскую родословную книгу". Поначалу, о, ничего особенного оно не предвещало. как Дело, похожее на множество других. Но листы, оказавшиеся в конце, значение его поднимают сразу и высоко. Сомнения нет: Иван Артемьевич - это и есть тот самый дед, который, по словам Д. Н. Соколова приобрел гипсовую маску Пушкина.

Тут же - "Формулярный список о службе и достоинстве линейного оренбургского батальона № 2 штаб-лекаря коллежского асессора Соколова". Составляли список в ноябре 1835 года. В дворянском сословии означенный лекарь в то время не состоял. Отец его был "духовного звания", сам он прошел "курс врачебных наук" в Московском университете; выпустили Ивана Артемьевича в 1822-м, причем с благодарностью за научную работу. В следующем, двадцать третьем, он получил назначение в Оренбург, в военно-артиллерийские роты казачьего войска, а в двадцать пятом - ординатором в военный госпиталь, где через год удо-ц стоился производства в штабс-лекари. Служил ученый медик и в Неплюевском военном училище, и в Оренбургском линейном батальоне № 2. "За отлично усердную и ревностную службу" его награждали то золотыми часами, то бриллиантовым перстнем, то орденом Анны третьей степени. Этот орден, вместе с присвоением чина коллежского асессора, давал ему право на получение дворянского звания, и положенного Соколов стал домогаться.

В ноябрьском прошении 1835 года, ходатайствуя о дворянстве, он указывал на то, что купил имение со 139 душами мужского пола, имение располагается в Оренбургском и Стерлитамакском уездах, но в родословную книгу просил включить по Оренбургскому.

Через пять месяцев, рассмотрев все документы, дворянское депутатское собрание решило: "внести его в третью часть, дать грамоту и по состоящему за ним имению причислить в дворянство Оренбургского уезда".

Посмотрим на карту Оренбуржья. Вот Саракташ-ий район... вот село Старый Сокулак... Оно и было естом расположения имения лекаря-помещика Соко-ва. Человека достойного и интересов широких.

Однако жил Иван Артемьевич большей частью не Сокулаке - в Оренбурге. Служба его продолжалась.

Журавлев и Попов радовались каждому новому штриху к портрету человека, с которого начиналась оренбургская история пушкинской маски. Крупица по крупице собирали они этот портрет.

...В 1829 году в Оренбургской губернии разразилась губительная эпидемия холеры. Соколов был среди тех немногих местных врачей, которые под постоянной угрозой смерти работали неустрашимо. Лечили и в то же время искали пути борьбы с опустошительной болезнью. Один из самых толковых отчетов в Медицинский департамент принадлежал ему. Этот отчет даже напечатали в столице - в "Журнале министерства внутренних дел". Он так и называется: "Описание холеры, явившейся в Оренбурге в сентябре 1829 г., лекаря Соколова". В книге "Холера 1829-1833 гг. в Оренбургском крае" видный деятель Ученой архивной комиссии и весьма энергичный врач-организатор А. В. Попов много лет спустя (его труд вышел в свет в 1910-м) отмечал, что эта работа И. А. Соколова "представляет самый полный очерк из всех описаний холеры, во всех отношениях замечательный и для нашего времени".

Но приведенный факт касается профессиональных качеств медика. На то он и лекарь, чтобы лечить. Ну, а как проявлял себя в другом!

А в "другом" оказалось вот что.

Иван Артемьевич долгое время писал стихи.

Историей увлекался, в частности занимала его Крестьянская война под предводительством Пугачева.

Исторический роман написать мечтал...

Сведения любопытные. От кого они исходят! Дает того же Д. Н. Соколова - внука лекаря.

Годы его жизни-1867-1919. Был он тоже человеком разносторонним. Деда своего не знал - тот умер за двадцать с лишним лет до его рождения. Но учиться отправился в тот же Московский университет. По окончании физико-математического факультета вернулся, как и дед, в Оренбургский край, где зарекомендовал себя и геологом, и географом, и этнографом, и историком. Дмитрий Николаевич опубликовал 65 научных работ; 43 из них посвящались геологии губернии. Что касается других, то они были о разном. И в том числе о... Пушкине.

"Пушкин в Оренбурге" - так называлось его исследование.

Исследование с отчетливо выраженным "мемуарным элементом", для нас по-особому ценным...

По утверждению Д. Н. Соколова (а он опирался на сохранявшееся в семье предание), Пушкин был знаком с Иваном Артемьевичем лично.

Знакомство это произошло в 1833-м, в Оренбурге.

"Пушкин во время своего приезда в Оренбург беседовал о Пугачевском бунте с моим дедом, И. А. Соколовым,- писал внук.- В бумагах последнего сохранились отрывки исторического романа из времен Пугачевщины и предшествующего ей бунта 1771 г. в Уральске; их было несколько тетрадей-черновики и несколько глав, переписанных набело. Сохранялись и отрывки записей по истории Оренбургского края XVIII века. Предание наше гласит, что дед мой задумал писать историю Пугачевского бунта, но, повидавшись с Пушкиным и узнав, что сам Пушкин ею занят, уступил ему все пригодное из своего материала, а сам, чтобы использовать свои труды, стал писать исторический роман. До этого времени он писал только стихами..."

Бумаги Соколова, к сожалению, не сохранились.

"...В январе 1853 г. казанский профессор Брандт, по просьбе П. В. Анненкова, который тогда готовил свое издание сочинений Пушкина, обратился к моему отцу, тогда студенту Казанского университета, с вопросом, не может ли он доставить для Анненкова сведения о пребывании Пушкина в Оренбурге по оставшимся после деда записям. Оказалось, однако, что записки деда после смерти его были уничтожены его родственниками".

...Надо ли говорить; как увлекло исследователей то, что они прочли!

Работа Д. Н. Соколова была напечатана еще при жизни автора. Правда, не тогда, когда она готовилась к печати - на пороге нового века, в период подготовки к столетию со дня рождения великого поэта. Ее опубликовали в сборнике "Пушкин и его современники", вышедшем в 1916-м, в Петрограде. В этом сборнике и прочли цитированное Попов и Журавлев.

Прочли и задумались. Все это интересно, даже очень. Мемуарная страничка объясняет многое. Но в какой мере соответствует она истине!

Задумаемся вместе с ними. Могло ли такое быть!

Могло.

В поисках материалов о Пугачеве и Крестьянской войне Пушкин специально приехал в Оренбург. Он старался не упустить ни малейшей возможности получить нужные ему сведения, увидеть и услышать тех, кто либо помнил лихого казака Емельяна Ивановича, либо знал о нем больше других. Очень скоро Пушкин свел знакомство со множеством людей, его заинтересовавших.

Что из того, что Ивана Артемьевича в других источниках не называют! Его занятия историей Пугачевского восстания, и вообще историей местной, тайной в таком городе оставаться не могли.

Соколов был врачом - как и Владимир Иванович Даль, сопровождавший Пушкина повсюду. Так разве не мог свести их Даль!

Соколов был лекарем и в Неплюевском военном училище, у директора которого, Артюхова, Пушкин побывал в гостях. Так отчего не предположить, что по-, знакомил их Артюхов!

Нет, семейное предание досужим вымыслом не кажется. Знакомство состояться могло. И беседа по интересовавшему обоим предмету могла, конечно, иметь место. ...Но какое отношение имеет это к истории по смертной пушкинской маски! Думается, что прямое.

Преклонение перед Пушкиным в роду Соколовых шло от деда.

Пушкинская поэзия питала его собственные поэтические опыты. Пушкинские исследования Пугачевщины перекликались с теми, которые вел он. Иван Артемьевич отлично понимал, какая роль в жизни России принадлежала этому гению. И за счастье почитал уже то, что Мог пожать такую руку.

Естественно, что гибель Пушкина стала для него огромным личным горем. Естественно, что память о Поэте Соколов хранил свято. А коль так, то - и это тоже вполне естественно - пушкинская маска была для него святыней. Он стремился ее заполучить, он получил ее и - берег до конца жизни.

...Однако как, каким образом мог военный лекарь, да еще в далекой провинции, стать обладателем такой редкости! Причем не просто посмертной маски, а и самой-самой ценной - из первого отлива! Их было, вспомним,

всего пятнадцать, ими распоряжался сам "уковский, имена тех, кого он одарил, в значительной асти учтены и известны.

Петербург, как место приобретения реликвии, ис-очается. По переписке ее не заполучишь, по почте не перешлешь, а поездок туда у Соколова не было, иначе они нашли бы отражение в формуляре.

Значит, Оренбург... А коль Оренбург, то... Даль!

Владимир Иванович Даль известен как крупный русский писатель, диалектолог, этнограф. Выдающийся знаток русского слова, он явился творцом "Толкового словаря живого великорусского языка", обессмертившего его имя. Этот словарь был задуман и начат в Оренбурге, когда Даль служил здесь чиновником особых поручений при военном губернаторе В. А. Перовском. В 1833-м, 18-го сентября по старому стилю. Владимир Иванович знакомил Пушкина с Оренбургом, возил гостя в Берды, участвовал в его беседах с современниками восстания, сам рассказывал все, что знал.-Они подружились. И надобно же было случиться такому, что в трагические дни января 1837-го, когда кровь поэта обагрила снег у Черной речки. Даль оказался в Петербурге и увидел Пушкина смертельно раненым, уже умирающим. "Я приблизился к одру смерти и не отходил от него до конца страшных суток",- вспоминал он потом. А его самого все мемуаристы, писавшие о тех непередаваемо мучительных днях, вспоминают как человека, который не оставлял умирающего ни на минуту. Ободрял Пушкина участием. Облегчал его страдания. Слышал последние слова: "Кончена жизнь... Теснит дыхание..." И принял последний вздох...

Даль среди обладателей маски Пушкина не упоминается нигде.

Сам он писал так:

"Мне достался от вдовы Пушкина дорогой подарок: перстень его с изумрудом, который он всегда носил последнее время и называл - не знаю почему - талисманом; досталась от В. А. Жуковского последняя одежда Пушкина, после которой одели его, только чтобы положить в гроб. Это черный сюртук с небольшою, в нюготок, дырочкою против правого паха... Сюртук этот должно бы сберечь и для потомства; не знаю еще, как это сделать; в частных руках он легко может затеряться, а у нас некуда отдать подобную вещь на всегдашнее сохранение".

Сам Даль приписал: "Я подарил его (сюртук.- Л. Б.) М. П. Погодину". Он, к сожалению, не сохранился. Изумрудный перстень сейчас находится в фондах Всесоюзного музея А. С. Пушкина.

Но почему не упомянута ни в цитированных, ни в других далевских заметках пушкинская посмертная маска! Может, потому, что в сравнении с перстнем-талисманом, с сюртуком, простреленным на дуэли, она в памяти Даля отступила на второй план! Да, это вполне могло случиться - тем более, что воспоминания его, в сравнении со многими другими, гораздо менее подробны и лишены порою даже значительных, деталей. Другое дело, когда он высказывается о том, что ближе ему как врачу...

...Даль медик. И Соколов медик. Не общаться они не могли.

Даль литератор. И Соколову литература близка. Это еще одна точка соприкосновения.

Даль принял последний вздох Пушкина, которого Соколов любил и почитал. Мог ли оренбургский лекарь не стараться услышать рассказ о том из первых уст!

"Я подарил его М. П. Погодину..." Это сказано Далем о пушкинском сюртуке. Точно так же он мог подарить посмертную маску оренбургскому почитателю Пушкина, к тому же лично с ним встречавшемуся.

Д. Н. Соколов говорил об экземпляре, "приобретенном" его дедом. Как толковал это понятие сам Владимир Иванович Даль? "Приобрести - 1) Достигнуть чего-нибудь, стать обладателем чего-нибудь... 2) Получить, начать иметь..." Значит, не о покупке речь - о получении!

8

Исследователи продолжали поиск. И вновь он вел в архив - Государственный архив Оренбургской области, что расположен в двух кварталах от музея.

Соколов... Соколовы... Да ведь и Даль был женат на Соколовой!

Первая жена его умерла, он вел жизнь вдовца, пока не приглянулась дочь отставного майора Льва Васильевича Соколова - владельца небольшого имения в деревне Гнездовка неподалеку от Оренбурга, участника Отечественной войны 1812 года. Екатерина Львовна предложение приняла, родители благословили, и в июле 1840 года Даль вступил во второй брак.

Соколовы - фамилия распространенная. Но в данном случае родство, пусть отдаленное, было. Теща Ивана Артемьевича Вера Егоровна, носившая в замужестве фамилию Паскевичевой, доводилась Екатерине Львовне теткой.

Как говорят, "седьмая вода на киселе", а все же повод для общения есть. Тем более, если кроме этого налицо близость других интересов.

Даль с семьей оставляли Оренбург летом 1841 года. Возможно, гипсовая маска перешла к Соколову именно тогда...

...Маска Пушкина хранилась в этой семье много лет.

Дед передал ее сыну: Николай Иванович тоже был врачом и по окончании Казанского университета долго служил в Оренбуржье, снискав себе уважение и признание.

Отец передал ее Дмитрию Николаевичу, который и принес бесценную реликвию в музей.

Принес для того, чтобы ее могли видеть все. Но это вовсе не значит, что подарил.

Сохранилась старая, дореволюционная печатная этикетка. Она сообщает, что выставляемая маска являет собою "редкий экземпляр, один из трех существующих" и что это - "собственность члена Оренбургской ученой архивной комиссии Д. Н. Соколова". Грянула социалистическая революция и наследниками богатства Соколовых стали мы все.

Смотришь на маску, вглядываешься в знакомые черты лица и словно сам говоришь с Пушкиным...

ЗАНОВО ПРОЧТЕННОЕ

Стенды декабристские и стенды пушкинские в музее рядом, в самом близком соседстве.

Соседство это вполне естественно - и хронологически, и идейно.

...Колесников: его портрет, некогда написанный Николаем Бестужевым...

...Колесников: его "Записки Несчастливого...", ставшие одним из ярких памятников декабристской литературы...

...Те же "Записки Несчастливого..." в самом полном их издании, впервые осуществленном на Южном Урале - в юбилейном, 1975-м...

Об этой книге, ее авторе и ее героях - повествование особое.

НАЧИНАЯ ПОВЕСТВОВАНИЕ

"Дело это для меня так важно, что, как вы ни способны понимать все, вы не можете представить, до какой степени это важно..."

Так писал Лев Николаевич Толстой в январе 1878 года - в период особенно напряженной работы по сбору материалов для своего романа "Декабристы".

В его архиве сохранилось 17 вариантов начала этого произведения, и то, что дошло до нас, убеждает: к новой работе писатель подходил во всеоружии исторических фактов.

В поисках "ключа к эпохе" Толстой не раз выезжает в Москву и Петербург. Он встречается с декабристами М. И. Муравьевым-Апостолом, А. П. Беляевым, П. Н. Свистумовым. Беседы с ними дополняются перепиской - писатель стремится уяснить все, до малейших деталей. Он устанавливает связи с семьями участников восстания на Сенатской площади - тех, кто погиб на каторге и умер по возвращении. Погружается в книги, в архивы.

О, сохранился истинный клад - бумаги самих декабристов, их рассказы о себе, воспоминания о пережитом!

Толстой знакомится с редактором-издателем исторического журнала "Русская старина" М. И. Семевским - большим знатоком декабристской литературы и владельцем уникального собрания рукописей участников этого движения; получил их от разных лиц, но, прежде всего, от В. И. Штейнгеля и М. А. Бестужева.

Семевский дает писателю возможность прочесть и изучить принадлежащие ему материалы.

Так попадают к Толстому и "Записки Несчастливого, содержащие Путешествие в Сибирь по канату".

Вот одно из писем от Семевского:

"...Верный своему обещанию, в обмен на возвращаемую мне книгу посылаю вам 26 марта еще два тома рукописей. Одно - это подлинник, автограф записок барона Штейнгеля - под заглавием "Записки Несчастливого". В рукописи помещен рассказ о жертвах доноса некоего Ипполита Завалишина в Оренбурге 1827 г... "Записки" составлены в Сибирском остроге для прочтения их на литературных вечерах, которые устраивались декабристами в их каморках друг у друга..."

Каких-либо выписок, записей, конспектов по прочитанным материалам не сохранилось. Но, как свидетельствовал тот же М. И. Семевский, Толстой "внимательно изучал источники к задуманной им хронике-роману "Декабристы". Такой вывод владелец рукописей сделал на основе толстовских писем, полученных в разное время.

Для характеристики интереса, проявленного писателем к "Запискам Несчастливого", показателен такой факт: обычно он возвращал полученное чуть ли не в тот же день [так было, например, с томом писем - Н. А. Бестужева], а этот держал у себя не менее трех недель. Не раз приходится посетовать на то, что письмо,

сопровождаящую возвращаемую рукопись, оказалось утраченным. В нем был, вероятно, непосредственный отклик Толстого на прочитанное.

- К тому времени "Записки Несчастливого" уже имели не только рукописную, но и издательскую историю. " Во вступительной статье к книге В. П. Колесникова (Петербург, 1914) видный историк и литературовед фл. Е. Щеголев так излагал "схему" появления произведения в печати:

"В. И. Штейнгель, записавший рассказы В. П. Ко-; яосникова, подарил рукопись своему соузнику Михаилу Александровичу Бестужеву в день его ангела, 8 ноября. Роман "Декабристы" написать не удалось. Причин тому много - и прежде всего идейный перелом, идей-';о ный кризис в сознании, мировоззрении писателя. Но хотя и неведомо это произведение читателю, хотя и не осуществил Лев Толстой свой новый грандиозный замысел, как не вспомнить, что была в его распоряжении рукопись В. П. Колесникова - В. И. Штейнгеля, причем в самом полном ее виде.

1835 года. От М. А. Бестужева рукопись Штейнгеля перешла к М. И. Семевскому. Орывок из нее под заголовком "Этапы и полуэтапы" был напечатан еще при жизни Штейнгеля в газете "Вгк" (1861, № 12). Полностью (впрочем, с сокращениями, сделанными по цензурным соображениям) рукопись была напечатана М. И. Семевским в журналах "Заря" (1869, книги IV и VI) и "Русская старина" (т. XXXI.', 1882)... Мы воспроизводим "Записки" по тексту "Русской старины".

Если излагать вкратце, то все обстояло именно так: от Штейнгеля к Бестужеву, от Бестужева - к Семевскому, а от него, издателя,- в газету и журналы.

Но почему Толстому Семевский препроводил не печатное воспроизведение "Записок Несчастливого...", а том рукописный (которым, конечно, владелец дорожит больше, так как он, по самой своей природе, всегда уникален и невозполним)!

Ответ может быть один: публикации не удовлетворяли самого Семевского.

Семевский был человеком неукротимой энергии и великой преданности делу, которое считал главным в своей жизни. Окончил он Константиновский корпус, но стезю для себя выбрал иную - не военную. С 1856 года Михаил Иванович начал печатать статьи по русской истории, причем со временем пришел к сотрудничеству не только с разными изданиями в России, но и с изданиями Вольной русской типографии в Лондоне. В 1870 году Семевский стал издателем журнала "Русская старина". Он развернул активную работу по разысканию в провинциальных и семейных архивах документов и материалов, могущих представить интерес для всех, кого волнует прошлое России. Историк, журналист, издатель побуждал бывалых людей к писанию мемуаров, собирал уже написанное. Так были опубликованы и письма декабристов.

Еще до того, как он стал издателем, молодой историк, оказавшийся владельцем рукописи, постарался познакомить с "Записками Несчастливого..." читателей газеты "Век" (публикация отрывка одной из заключительных глав), а затем и журнала "Заря", где поместил значительную часть мемуаров. В "Русской старине" 1881-1882 годов к этому труду было привлечено внимание снова, но, как и в предыдущем случае, многим пришлось поступиться: цензурные условия не позволяли дать ценный труд в полном его объеме, наиболее острые места пришлось заменить строками точек.

Да, Семевский не мог быть удовлетворен своими урезанными публикациями, и Льву Толстому он предпочел послать не "поправленные" цензурой журнальные страницы, а подлинник, на полное опубликование которого надежды тогда еще не было.

Но об этом дальше. Раньше же надо вас ввести в предысторию "Записок Несчастливого...", впервые выпущенных отдельным изданием в 1914-м,

БРАТЯ ПО ИДЕАЛАМ

1

Есть, впрочем, в издательской истории книги еще одна - самая первая - страница, обойти которую никак нельзя.

...Первый выпуск "Полярной звезды" на 1862 год навстречу своему читателю вышел, как и предыдущие, из Лондона.

Едва ли не самый заметный раздел в нем составили "Рассказы о временах Николая".

"Событие 1825 года и кровавые меры, принятые против действующих лиц этой великой драмы, заслонили множество эпизодов открытия злонамеренных людей, которые потом гибли в каторжной работе, в крепостных казематах и на Кавказе,- читаем мы в кратком вступлении к разделу.- Царствование "незабвенного" обильно такими событиями, и мы можем считать их не десятками, но сотнями: из одного 1827 года, следовавшего за "порешившим" с декабристами, когда, по словам Николая, "Россия была совершенно исцелена от скрывающейся в ней язвы", мы имеем под руками 8 обстоятельных и полных рассказов, основанных на документах. На первый раз приводим три эпизода".

Три, всего три эпизода отобрали для обнародования Герцен и Огарев. И на первый план выдвинули тот, который в "Полярной звезде на 1862" (книга седьмая) озаглавили предельно просто: "Колесников и его товарищи в Оренбурге".

Так - впервые в печати - в издании Вольной русской типографии появился достаточно полный рассказ о трагической истории, происшедшей в 1827 году.

Исходил он, надо полагать, от М. И. Семевского, получившего к тому времени рукопись от Бестужева и успевшего уведомить о ней в подвалах газеты "Век".

Но сколько-нибудь полного изложения сути истории тут не было.

В самой России такой- рассказ увидел свет лишь восемь лет спустя, когда в журнале "Заря" были обнародованы никогда прежде не публиковавшиеся воспоминания В. П. Колесникова "Записки Несчастливого, содержащие Путешествие в Сибирь по канату".

Статья в "Полярной звезде" и вступление в публикации в "Заре" оказались почти одинаковыми.

Принадлежали они перу декабриста Владимира Ивановича Штейнгеля, в первом случае не названного вовсе, а во втором обозначенного лишь инициалами: "В. И. Ш.".

Штейнгель был "крестным отцом" этой книги, которая навсегда вошла в золотой фонд литературы декабристов.

1. Оренбургское тайное общество составлено с целью политической.

2. Цель его есть изменение монархического правления в России и применение лучшего рода правления к выгодам и свойствам народа для составления истинного его благополучия..."

Мы читаем хранящийся в Центральном Государственном военно-историческом архиве основополагающий документ Общества - его Устав. Еще определеннее цели и задачи организации раскрыты в другом документе, датированном тем же днем, что первый, и поименованном Инструкцией:

"...Оренбургское тайное общество составлено для произведения политического переворота в краю сем, а для совершения сего предприятия предполагаются следующие средства: I) через членов Оренбургского „ тайного общества внушать рядовым Оренбургского гарнизонного полка, казакам войска Оренбургского, о равно и простому народу, те мысли о свободе и равенстве, которые неизбежно влекут за собою волнение умов и приготовление их к перемене правления; II) выдавать из кассы общества деньги тем нижним чинам, для привязания их к пользе оною, которые почтутся имеющими больше влияния на своих сотоварищей; III) стараться ласковым и кротким обращением с низшими Снискать их привязанность для употребления ее со ^временем в свою пользу; IV) внушать им чувства нена-1сти к правлению и царствующему поколению..." Тут, как видим, целая стратегическая программа, ирная, развернутая и, безусловно, смелая. Под нею. Инструкцией, как и под Уставом, значатся иси временного председателя Общества Дмитрия оикова, секретаря Василия Колесникова и - "с под-ным заверил" - Ипполита Завалишина.

Исследователи доказали, что автором программных документов был Петр Кудряшев.

В отношении же тайной революционной организации, то - установлено и это - она существовала в Оренбурге с начала девятнадцатого века, а может, и с конца восемнадцатого.

Кто создал ее, сказать мы не можем, поскольку вопрос, к сожалению, не исследован. Среди тех, кто руководил организацией, когда она имела еще масонскую окраску и являлась филиалом Новиковского общества, прежде всего называют директора Оренбургского таможенного округа Павла Елисеевича Величко. Его ближайшими соратниками в разное время являлись Александр Павлович Величко - сын руководителя, магистр физики и математики, и Александр Лукич Кучевский - офицер 4-го Оренбургского линейного батальона, человек прогрессивных взглядов и широкого круга знакомств среди людей свободомыслящих.

Позднее, уже в начале двадцатых годов, когда Кучевский был переведен по службе в Астрахань, он, вовлекая товарищей в члены "Оренбургской ложи тайного общества", распространял слух о том, что общество в Оренбурге "состоит из нескольких миллионов простых народов и многих тысяч знатных членов" и имеет в своем распоряжении чуть ли не "миллионное" войско.

Верить в это хотелось, и некоторые верили. Во всяком случае, астраханский филиал возник и недолгое время существовал - пока не был Кучевский арестован (случилось это в 1822-м).

Как раз в этот период и возглавил затухавшую после смерти П. Е. Величко, отъезда А. П. Величко и перевода А. Л. Кучевского деятельность Оренбургского тайного общества П. М. Кудряшев, в 1822 году присланный в Оренбург из Верхнеуральска на должность аудитора.

Его предшественники отдали дань смелой фразе, вроде такой: "Российским людям (надо) дать свободу и прекратить рабство, дабы ни царей, ни господ не было". Кудряшев намеревался перейти от слов к делу, а для этого старался организовать, сплотить единомышленников, подготовить их к действиям. В возглавленное им общество пришли, и в нем возобладали, беспоместные и мелкопоместные дворяне, разночинцы - служащие как в частях Отдельного Оренбургского корпуса, так и в учреждениях различных гражданских ведомств.

В основном это были молодые офицеры и чиновники.

Устав и Инструкция были составлены человеком, которого, как поэта, беллетриста, этнографа, историка, уже знали не только в крае, но и за его пределами. Богато, щедро одаренная натура, молодой аудитор выделялся среди других военных чиновников. Еще бы: он свободно владел башкирским, татарским, казахским и другими восточными языками, знал толк в истории и этнографии, переводил стихи и писал их сам, работал над повестями и рассказами. Написанное им печаталось в "Вестнике Европы", "Благонамеренном", "Отечественных записках" и других столичных изданиях. Имя Кудряшева входило в силу, приобретая все большую известность среди просвещенных читателей альманахов и журналов.

Его влекли к себе люди из среды трудового народа. "Как часто,- восклицал он с сожалением,- самые прекраснейшие примеры добродетели, могущие привести в умиление человечество, скрываются во мраке неизвестности, в то время, как дела, приводящие в ужас, в содрогание, тысячекратно повторяются крылатой молвою... Пусть они гремят, но в глазах добрых людей благородные поступки какого-нибудь Фрола Силина... гораздо выше деяний всех тех завоевателей, которые утесняли человечество..."

Мечтая о счастье, размышляя о путях достижения светлого будущего, он утверждал невозможность найти его

Ни в гордой знатности спесивой, Ни в славе громкой, суетливой, Ни в блеске золота пустом...

Его муза - с людьми честными, благородными, простыми.

Со мной спускалась ты в долины, Садилась на берегу ручья... Там смелых батырей встречала, Простые нравы замечала И слушала простой напев Башкирских юных, милых дев.

Еще определеннее поэтическое кредо Кудряшева выражено в послании к другу - учителю Оренбургской гимназии П. Е. Размахнину:

...Я не пленяюсь шумной славой, Я не хочу ее искать, И ужасы войны кровавой Я не желаю прославлять, Я петь люблю златые нивы, Красу родительских холмов, Ручей блистающий игривый И вид уральских берегов.

Этому следовал он в стихах, впитавших, словно живительный сок, задушевные и мудрые песни народов; в них воспевались жизнь и смерть в борьбе за свободу родины, беспредельность степей, пышноцветье башкирской природы,-быстрый Урал и его люди - простые люди, честные и искренние во всем.

Своему кредо был верен Кудряшев в повестях "Айдар и Абдряш", "Искак", "Кучак-Галий", "Иван и Дарья"; последняя - из времен пугачевских, и посмотрите, как смело писал о?! о предводителе народной войны: "Природа наградила Емельку стройным мужественным станом, красивым лицом, проницательным взором, острым умом и геройским духом".

Тем же идеалам верен Кудряшев-ученый: они пронизывают каждую из его работ по истории, этнографии и фольклору ("История Башкирии", "О предрассудках и суевериях башкирцев", "Простонародные слова, в Оренбургской губернии употребляемые").

Глубокий патриотизм - такоза преобладающая черта этого славного человека.

...Почто сраженного героя, Почто, друзья мои, жалеть! О, сколь прекрасно среди боя За веру, верность умереть! Родных и милых защищая, Святую Родину спасая, Хотя погибнем - смерть славна! Без жертв проходит ли война?..

Эти слова с полным основанием можно отнести и к самому П. М. Кудряшеву.

4

Возглавив Оренбургское тайное общество, он обновил и расширил его состав, решительно потеснил велеречивых, но бездеятельных либералов, влил в : деятельность объединившейся вокруг него молодежи отчетливо выраженный дух революционности.

Это проявилось уже в главнейших бумагах Общества - его Уставе и Инструкции.

Кудряшев мечтал:

"Приятно думать, что на берегах рек Уила, Эмбы, Хобды, Кувань и Сыр-Дарьи, где обитает ныне буйная вольность, где рыскает воинственный и неукроти-;мый разбой, через несколько лет будут раздаваться ;Имена Ломоносова, Державина, Карамзина, Дмитриева, ^Крылова, Жуковского и проч., будут читаться на чистом русском языке деяния великих мужей, искусных полководцев, добродетельных монархов, заслуживших удивление и бессмертную славу".

Принимая в Общество молодых и небогатых дворян, начинающих офицеров и чиновников (прежде, со времен масонства, там преобладали немолодые и в чинах), он проводил ту же мысль: глазное - просвещаться и просвещать, только это пролагает путь свободе. До конца раскрывался Кудряшев лишь перед теми, кто внушал ему полное доверие; справедливости ради следует сказать, что таких было не много.

Еще более изменился состав Общества после того, как в Петербурге вспыхнуло и было подавлено восстание декабристов.

Террор в отношении "вольнодумцев" (и просто в свободомыслии подозреваемых) охватил всю страну. От чиновников и офицеров потребовали подписки в том, что ни к каким тайным обществам они не принадлежат. Тут-то либералы обнажили свою сущность и от организации поспешили отмежеваться. Верными идее остались отважные. Во главе их по-прежнему стоял Петр Кудряшев.

...Мы продолжаем чтение документов Оренбургского тайного общества. Рядом с Уставом и Инструкцией - текст клятвы, которую давали все принимаемые в его ряды:

"Именем всемогущего бога! Принимая звание члена Оренбургского тайного общества, клянусь не открывать никому существование оно, повиноваться власти, свыше надо мной поставленной, быть готову на все, обществом и властью мне повелеваемое, хотя бы это клонилось к разрушению собственного моего счастья. Ежели же не исполню хотя одного из условий, мне предлагаемых, то да лишусь я спокойствия, счастья всех милых сердцу и да разразится гром небесный над главою клятвопреступника".

Стремившееся, подобно другим организациям декабристов, совершить политический переворот путем военной революции, от начала и до конца проникнутое духом противоправительственным, антимонархическим, Общество под предводительством Кудряшева действовало как строго законспирированная, немногочисленная, но сплоченная единством помыслов сила. Только помыслов! Нет, и дел тоже. Общество установило связь с участниками восстания Семеновского полка, с теми, кто оказался в этих местах за свои политические убеждения, вело агитацию в войсках и среди населения.

В разгар этой работы Петр Кудряшев тяжело заболел. Руководство организацией временно перешло к прапорщику Дмитрию Петровичу Таптикову и портупей-прапорщику Василию Павловичу Колесникову.

Как раз тогда в Оренбург прибыл Ипполит Завалишин, родной брат декабриста Д. И. Зазалишина. Роль его в судьбе тайного общества оказалась роковой.

В Оренбург Завалишин попал не случайно. Архивные поиски, проведенные исследователем истории Оренбургского тайного общества М. Д. Рабиновичем, дают основания заявить, что был тот послан сюда для действия "сообразно с волею государя императора о дальнейшем разыскании тайных обществ, имевших и 'имеющих целью ниспровержение коренных постановлений России". Так писал сам провокатор, накопил, несмотря на молодые годы, немалый опыт в своём гнусном ремесле.

С первых дней по приезде стал он распускать слухи о причастности своей к событиям 14 декабря и 4'Отправке его в Оренбург именно в связи с этим. Затению за ним репутации политического изгнанника способствовало и то обстоятельство, что вскоре он оказался на гарнизонной гауптвахте. Именно там, в течение двух месяцев пребывания под арестом, сумел Завалишин внушить Колескикову и Таптикову (они несли караульную службу), что явился в дальний край как агент некоего тайного общества, существующего во Владимире, что там его уполномочили создать такое же общество здесь, что со дня на день ждет гонца с деньгами и оружием, после чего... В общем, необходимо объединиться и действовать, причем делать то и другое незамедлительно.

Молодые офицеры были в разговорах не слишком сдержанными и, беспрекословно поверив Завалишину, дали ему основания донести: "Открыл я по разговорам г. г. офицеров, приходивших туда для отправления должности, что между некоторыми из них (людьми честолюбивыми и ума беспокойного) гнездятся умыслы, клонящиеся к разрушению порядка и общественного счастья".

Конечно, Кудряшев узнал о встречах сразу. Ко он был осмотрительнее и потому, проявив к рассказу друзей понятный интерес, посоветовал "быть крайне осторожными в откровенности с ним".

Однако, чтобы выведать необходимое, все же предложил Колесникову с двумя или тремя товарищами войти с Завалишиным в тайное сношение, промолвив: "а там увидим!".

Так или иначе, но контакт был установлен. И почти сразу - 15 апреля 1827 года - генерал-губернатор П. К. Эссен получил донос о существовании Оренбургского тайного общества. К письму своему провокатор приложил копии Устава и Инструкции, подлинники ряда клятв.

Кое-что, однако, провокатор не учел. То, например, что его донесения губернатору и визиты к нему могут быть обнаружены. Узнав о предательстве, тяжело, уже смертельно больной Кудряшев развернул активную деятельность. Многих удалось предупредить, проинструктировать; в огонь были брошены опасные материалы.

Потому-то, вероятно, основная часть членов Общества почти не пострадала. Следуя советам Кудряшева, арестованные, которых уличали собственноручно написанные клятвы, сваливали всю вину на ... Завалишина. Он их "смутил", он "вовлек", он всему "голова". Они стояли на своем до конца. "Зачинщиком всего дела"

предстает Завалишин и в предисловии В. И. Штейнгеля к "Запискам Несчастливого". Даже тогда, в 1835-м, еще не настало время для полной откровенности.

Эта версия устроила и губернское начальство, особенно Эссена, который опасался, что на него может лечь ответственность за сокрытие Общества, так скоро выявленного "просто приедем". К тому же Завалишин "неосмотрительно" раскрывал в доносах злоупотребления в крае, подчеркивая, что они понуждают войска, казаков, крестьян поддержать грядущее восстание. Разоблачения угрожали благополучию губернатора и его приближенных.

Ипполит Завалишин был предан суду, как один из главных организаторов тайного общества. Вместе с ним, после следствия, которое продолжалось более месяца, оказались на скамье подсудимых еще шестеро: кроме Колесникова и Таптиева, также портупей-прапорщик Дружинин, полковой хорунжий Ветошников, прапорщик ков, унтер-офицер Шестаков. Дело губернского секаря Дынькова, как человека "штатского", рассматри-уездный суд.

Кара была суровой. Завалишина, Колесникова, Таптиева, Дружинина и Старкова приговорили к четвергова-Ветошникова и Шестакова к повешению, Дынько-к вечной каторге. Потом меры наказания смягчили, чательный приговор вышел в таком виде: Завали---вечная каторга, Колесникову-12, Таптиева -8, а Дружинину - 6 лет каторжных работ, Старкову, Ше-стакову и Дынькову - отправка рядовыми в Кавказский корпус.

Кудряшев во время следствия умер. Потрясения последних месяцев, несомненно, его смерть ускорили.

6.

Обо всем этом - в приложениях, которые скрупулезно собрал и опубликовал П. Е. Щеголев в книге "Записки Несчастливого, содержащие Путешествие в Сибирь по канату".

Достоверно и ярко само повествование.

В первой главе "Записок..." передаются впечатления о последнем дне процесса и проходах осужденных.

Подсудимые вели себя с достоинством. "Утешительно было для меня видеть, что все мои товарищи сохранили полное присутствие духа",- вспоминал Колесников. Навсегда осталось в его памяти, как глубоко переживали происходящее те, кто присутствовал на суде. Когда пришлось заковывать арестантов в кандалы, кузнецы говорили: "Руки не служат". Провожать партию вышло множество горожан. "Многие очень неосторожно поносили начальство, так что мы принуждены были остерегать их... Каждый из сограждан наперерыв старался показать нам свое участие". Колесникова заковали вместе с его другом Дружининым: первого за левую ногу, второго - за правую, а затем примкнули к пруту; к тому же пруту попарно были примкнуты и остальные. Так они шли через весь город.

"Отходя за версту от селения, мы поднялись на гору, и вдруг Оренбург с окрестностями своими представился нашему взору. Сквозь редяющий воздух виднелся город, а за ним расстилалась необозримая киргиз-кай-сацкая степь... Внезапно пламенный энтузиазм любви к родине овладел нами, мы все вдруг схватили по горсти земли и клялись хранить ее при себе до конца нашей жизни вместе с благодарным воспоминанием о добрых наших согражданах..." Эта выписка - уже из второй главы. И здесь Колесников меньше всего говорит о себе, о товарищах по несчастью. Его мысли

о тех, кто в тяжкие минуты разделил с ними горе: о лучших людях полка, примчавшихся за десятки верст, чтобы проститься, об искреннем сочувствии крестьян.

Глава следующая - переход до Уфы. Колесников видит резкий контраст в отношении к заключенным: сочувствие простых людей - и озлобленность со стороны "имущих слоев. "Вот другой помещик встречается нам, и поступки одинаковы!" - замечает он, рассказав о бессердечии владельца одного из сел.

С тем же столкнулись заключенные в Уфе: с жестокостью губернатора, приказавшего надеть еще более неудобные кандалы, и добротой конвойного солдата, тайно принявшего на сохранение их деньги; с народом, почтительно снимавшим при виде партии головные убо-, ры, и "хозяевами жизни", которые провожали этап презрительными гримасами. С каждым днем и каждым шагом Колесников все больше убеждался в том, как прекрасна, как щедра душа простого русского человека, и у Александра Попова, девятнадцатилетняя дочь чиновника, ^вознамерилась последовать за ним, Колесниковым, в Си-Чвирь, где она "хотела разделять мою участь, как бы ни был и страшны все те ужасы, которых она наслышалась", выходе из Уфы арестантов опять нанизали на цепь, когда переправлялись через реку, унтер-офицер велел сбросить ее.

Каждый этап тяжелого, изнурительного пути был от-н чем-то таким, что врезалось в память. Только 18 бря, в разгар жестокой зимы, прибыли они в То-Здесь оренбуржцев разделили и порознь запер-секретных номерах. "От изнурения и холода,- про-рассказ Колесников,- я сделался болен, но мне али никакой помощи, никакого внимания".

В последней главе речь шпа об этапах и полуэтапах Сибирского тракта, о продажности и лихоимстве конвойных офицеров, о постоянных издевательствах над заключенными, о встрече их с декабристами...

"Записки Несчастливого..." стали произведением литературы благодаря декабристу В. И. Штейнгелю.

"...Принадлежал к Северному обществу с 1824 года, разделяя цель оногo - введение конституционного правления... Знал о всех предположениях и планах действий на 14-е декабря..."

Это из "Алфавита декабристов". Оттуда же строки последующие:

"По приговору Верховного Уголовного Суда осужден в каторжную работу на 20 лет. Высочайшим же указом 22-го августа повелено оставить его в каторжной работе 15 лет, а потом обратить на поселение в Сибири".

Там, на рудниках и в казематах, вспоминал он уральские края, в которых родился и бывал, друзей и близких, им оставленных. А когда судьба свела его с участниками Оренбургского тайного общества, приветил их как земляков. Особенно подружился с Василием Колеснико-вым. Долгие их беседы и легли в основу книги "Записки Несчастливого". Записав рассказы Колесникова, литературно их обработав, он, ко всему, снабдил "Записки..." и собственным вступлением, в котором высказал личное отношение к описанным событиям, и кратким заключением, в определенной мере восполнившим то, что по разным причинам досказать в повествовании не удалось.

Опубликованное в "Полярной звезде" в виде отдельной статьи (об этом речь уже шла) вступление, собственно, и явилось первым исследованием вопроса е месте организации о общественном движении 20-х годов XIX столетия, о том, что она замышляла, сделала и как, почему, при каких обстоятельствах оказалась проваленной.

С полным основанием можно сказать, что у "Записок Несчастливого..." не один, а два автора: Колесников и И Штейнгель, причем большая заслуга в рождении это-то интересного и ценного произведения-документа принадлежит ему, В. И. Штейнгелю.

Семевский упоминать его не мог. Щеголев писал о кем вскользь. Между тем такое соавторство многозна-тельно.

На каторге, в ссылке герои 14 декабря называли нбургских изгнанников "младшими братьями". Братьями они и были. По взглядам и идеалам. По ху бунтарскому. По борьбе!

ОТ РУКОПИСИ к КНИГЕ

Так возникла эта книга.

Нет, не книга - пока только рукопись. Он был щедр, удивительно щедр - декабрист Штейнгель. Записав рассказы Колесникова, создав литературное изведение, Штейнгель подарил свой труд "любезно другу, товарищу несчастья, Михаилу Александровичу Бестужеву".

Посвящение, датированное 8 ноября 1835 года и леченное Петровским казематом, начиналось так: обезный друг, восемь лет проведя в одной тюрьме, могли узнать друг друга; я узнал тебя, полюбил, всею душою и не разлюблю..."

Бестужев со временем передал рукопись-реликвию Михаилу Ивановичу Семевскому; его издательские шаги по части опубликования этого труда нам известны... затем... затем подлинник от глаз людских скрылся.

Во всяком случае, П. Е. Щеголев - один из видных историков революционного движения и историков литературы - его не обнаружил. В "Библиотеке мемуаров" издательства "Огни" книга "Записки Несчастливого..." была издана им по-прежнему в урезанном виде: Щеголев повторил публикацию "Русской старины". Сопроводив, правда, документами, характеризовавшими Оренбургское тайное общество и его деятельность.

"Записки Несчастливого..." в полном их виде впервые опубликованы только к 150-летию восстания декабристов. Они появились в составе триптиха "Отечеству драгие имена", над которым автор книги, которая сейчас перед вами, работал с особым волнением.

Публикация была осуществлена по рукописи, обнаруженной в Институте русской литературы Академии наук СССР в Ленинграде. Той, которую в свое время держал в руках Лев Толстой.

Ее архивный адрес -фонд 604, дело 18(5587).

Рукопись позволила восстановить все в изначальном виде. Никаких многоточий - полный текст!

...Открытия начались уже на первом листе.

За двумя строками точек под заголовком "Вместо вступления" оказались страницы текста, который не вошел ни в одну публикацию.

Ни в одной из них не было, например, эпиграфов к вступлению.

Обратимся к первому же:

Последняя цифра, взятая в скобки, характеризует, собственно, не нынешнее, а прежнее "местожительство" оригинала: в Пушкинский Дом, его бесценные хранилища он поступил вместе с обширнейшим архивом журнала "Русская старина".

"В деспотическом государстве правосудие это губительный инструмент в руках владыки, оно бьет послушно и слепо те жертвы, которых он наметил".

Эти слова были сказаны Филиппом Дюпенем - видным французским юристом и судебным оратором.

Комментария к ним, пожалуй, не требуется.

Второй эпитафия, по сравнению с первым, звучит тише, глуше. Из французской газеты декабрист Штейн-гель выписывает один-единственный факт: семнадцатилетний юноша предстал перед судом присяжных по обвинению в произнесении бунтарских фраз, но осужден не был. Только факт, ничего более. Остальное пусть додумывает российский читатель. Допдумывает, сравнивая с тем, что излагается в "Записках Несчастливого..."

Итак, вступление:

"Есть истины, которые забываются именно от известности; потому не мешает от времени времени припоминать о них.

Во всяком государстве, управляемом на праве отчета, нет и не может быть гласности. Где нет гласности, там все под Дамокловым мечом; там п о -под суд и пропасть - синонимы; там ы - обольстительная, обманчивая благовидность пасомых, верный костыль - для пасущих.

Где возвышается один повелительный голос власти, никакой другой не может быть слышен, кроме угод-ей голоса рабской подлейшей лести. Оттого не власть окрест властелина раздаются, из-под пресса площадях, хвалебные восклицания, а по углам прося одни слезы и произносятся проклятия!

Как тесно и нераздельно переплетаются оба эпитафия между собою, оба же с начальными страницами Наступления, а само это вступление, в полном его виде, о[^] записанным Штейнгелем рассказом Василия Колесникова.

Не было и нет ни одного властелина, который бы не пекся отечески о благах своих вер-нолюбезных подданных! Горе, однако ж, этим вернолюбезным, если властелин думает -иметь право на подозрительность! Тогда повсюду возрождаются черви шпионажа, подтачивающие семейное спокойствие, самые родственные и дружеские связи; тогда предрезающие власть в областях получают охоту выставлять свое усердие к престолу и выслуживаться - не бдительностью о порядках и о спокойствии общественном, но открытием так называемых злонамеренных людей и доставлением правительству пищи, возбуждающей аппетит к жестокостям. Наша история, со времен Бирона, в течение ста лет, представляет множество таких примеров; разумеется, не п е ч а т-на я история. Упомянем некоторые, еще свежие в памяти живущего поколения".

Вот какие страницы стоят за двумя строками точек.

Страницы гневного обличения деспотизма, сурового приговора душителям свободы...

В них весь Штейн-гель - видный деятель Северного общества, автор проекта приказа декабристов по войскам и одного из вариантов введения к манифесту, написанному утром 14 декабря 1825 года; Штейн-гель - о приговоренный к двенадцати годам каторжных работ, но, несмотря ни на что, сохранивший силу духа; Штейн-гель-автор письма к Николаю I, написанного в Петропавловской крепости 11 января 1826-го.

Он писал тогда царю: "Правительство отделяло себя от государства и, казалось, верило, что оно может быть богато и сильно, хотя все сословия государственные и

особенно народ в изнеможении. Правительство имело, кажется, правилом, что развратным и бедным народом легче управлять, чем имеющим гражданские добродетели и в довольстве живущим. А потому, не прислушиваясь к народному мнению и не входя в его нужды, повелевало и требовало безусловного повиновения, хотя бы от того все разорилось... Должно ли после того удивляться, что правительство потеряло доверенность и сердечное уважение и возбудило единодушное желание перемены порядка вещей".

В том же письме Штейнгель утверждал: "... сколько ни оказалось членов тайного общества, или ведав их про оное; сколь бы многих по оному преследовали ни лишили свободы, все еще останется гораздо ожайшее число, разделяющее те же идеи и чувства".

Три десятилетия подневольной жизни не сломили и самого автора этих строк. Друг его, Михаил Бестужев, так характеризовал Штейнгеля в письме к И. Семевскому: "Вы увидите в нем весь пыл молоди, сохранившийся в нем под убеленною временем повою, как пламя Этно под снегом. Вы найдете в нем летопись прошедшего, которая не солжет Вам 'чаше прошлого события; так свежа его память, и, следовательно, кроме любопытных подробностей о нашем казематном быте, он может сообщить многие интересные события Вам, как историографу".

Свидетельство, что и говорить, авторитетное.

Десятки сокращений и "поправок" удалось обнаружить благодаря тому, что отыскался подлинник этого изведения. "Записки Несчастливого..." в их полном виде начали свою новую жизнь. Верится, что она будет ой.

ДОРОГАМИ СУДЕБ

На этом прекращается краткая памятная записка Колесникова..."

Так начинается послесловие В. И. Штейнгеля.

Последняя страница - о сентябре 1823 года. Глазное событие ее - встреча совершивших "путешествие по канату" с декабристами, которые находились в Чите.

Как сложилась дальнейшая судьба главных героев книги!

... "Еще в продолжение нашего пребывания в Чите, поместили к нам несколько человек, совсем не принадлежащих к нашему делу,- читаем в "Записках" Н. В. Басаргина.- То были: брат Завалишина и бывшие офицеры Оренбургского корпуса - Колесников, Таптиков и Дружинин... Мы приняли их радушно, не обращая внимания и не спрашивая, за что они попались к нам; и как все они не имели никаких способов, то и участвовали в общей нашей артели, на том же положении, как мы сами".

В Чите эти люди прожили вместе около двух лет. Делили тяготы сибирского острога, где в восьми камерах обитало более восьмидесяти человек. Сообща ожидали вестей из оставленных ими не по доброй воле родных мест... Находили радость в беседах с соседями по каземату; каждый день приносил познание нового...

Когда при Петровском железоделательном заводе, в 630 верстах от Читы, подходило к концу строительство специальной тюрьмы для декабристов, членов Оренбургского тайного общества отправили туда вместе со всеми.

Еще перед началом перехода стало известно: Хри-санфу Дружинину предстоит отправка на поселение, причем совершится она прямо с пути. Испытывая к Дружинину полнейшее доверие, некоторые узники задумали воспользоваться

возможностью тайно, минуя строгую цензуру, отослать родным свои портреты, нарисованные Николаем Бестужевым, письма с подробными и откровенными рассказами о жизни. В дневниковых заметках В. И. Штейнгеля можно прочесть о том, что перед выходом второй партии, в которую входил Дружинин, он отдал ему письмо, адресованное жене, и портрет свой - то и другое для пересылки с вольной оказией. На тринадцатый день пути в дневнике появилась запись: "Дружинин отправился на поселение и с ним мой Портрет". Но случилось так, что ящик с двойным дном, в котором находились письма и портреты, по назначению не попал, а оказался в руках провокатора Медокса. Донося о такой "удаче" своим хозяевам. Роман Медокс сообщал, что "двойное дно скрывало письма к И. Пуцциной, княгине Е. А. Шаховской, большой жене Штейнгеля". Можно представить, как пере-яшвал провал сам Дружинин.

В фондах Пушкинского Дома хранятся несколько сункоз, запечатлевших виды и планы каземата Пет-ского Завода. Неизвестный художник-декабрист вво-нас в коридоры и камеры острога, помогая увидеть (I понять тюремный быт заключенных.

Рядом с одним из планов, на том же листе,- но-камер с проставленными против них фамилиями иков. Так мы узнаем, что "Завалишин 2-й" обитал в одинадцатой камере. Колесников - в двадцать пятой соседом был Н. А. Крюков), а Таптиков - в тринадцатой (вместе с А. А. Крюковым).

Они были вместе и в тюрьме, и на работах; никто, не отделял Колесникова и Таптикова от других абристов.

Иное дело - Завалишина. Михаил Бестужев называл его "штемпелеванным доносчиком" и отзывался как ёзваном члене нашего общества". "Поношение рода еческого" - отозвался о нем А. Ф. Бригген. Создавая портретную галерею товарищей по борьбе згнанию, Николай Бестужев включил в нее на равных ты "оренбуржцев". Известны (и воспроизводятся) Василия Колесникова и Дмитрия Таптикова, иные акварельными красками в бытность их в Петом Заводе. Портрет Хрисанфа Дружинина мог быть сделан еще в Читинском остроге и оказаться в том же ящике с двойным дном. До нашего времени он не дошел...

В Читинском острог*, а затем и в Петровском Заводе, состоялось близкое знакомство Копесникова с Штейнгелем, благодаря ему появились "Записки Несчастливого..."

В августе 1831 года Таптиков был отправлен на поселение. Год спустя, в конце 1832-го, вышел на поселение Колесников. Горя на их долю досталось и там.

В одном из писем И. Я. Якушкина к И. И. Пуццину читаем: "... В прежнюю свою поездку к бурятам Вячеслав (сын декабриста.- Л. Б.) познакомился с Таптиковым, которого нашел в самом жалком положении, бедный этот человек, несмотря на то, что он разбит параличом, исполняет должность писаря в одной из бурятских дум недалеко от Балаганска.

Как, однако, не отметить, что и Колесников, и Таптиков, и Дружинин оставили свой след в памяти народной, и ходят о них в Сибири воспоминания теплые, сердечные.

Свидетельствует историк Б. Г. Кубалов:

"В Малышевке отлично помнят усадьбу Таптикова, его детей, жену. Правильно называют их имена, жену величают Марией Астафьевной, знают, что она не малышевская крестьянка, а "должно с Илима", где до перемещения в Малышевку жил на поселении Таптиков. Старушка Михалева 81 года называет Таптикова не иначе как

Дмитрий Петрович, помнит, что он умер от старости, ноги были слабы, "сидел в креслах все", а если ходил' - "за стенку держался".

"Был манифест,- говорила другая старушка, Малышева,- да куда он поедет без ног... средств не было тоже ехать... вот и остался у нас... Хороший человек... с крестьянами но ссорился..."

То же говорили другие крестьяне-старожила, помнившие и "Хрисантия Михайловича" Дружинина - друга Таптикава, делившего с ним тяжесть поселенческой Жизни.

Вспоминают и Василия Павловича Колесникова - он ,шал поселение в Начуге, а позднее в Бельске, отку-обращался к губернским властям с жалобой на ус-вия жизни и, прежде всего, на то, что не дают ему ниматься делом и с людьми общаться. На поселении в Сибири Колесников прожил до 1856 , когда, согласно манифесту, получил право вернуть-европейскую часть России. "Год смерти устано-твердо не удалось. По некоторым данным, вер-ть которых под вопросом, он умер в 1862 году". Так П. Е. Щеголевым в указателе личных имен, за-иающем "Записки Несчастлиого..." в издании 1914 го- Даты смерти Таптикава и Дружинина не называются также приблизительно.

Затерялся след тех, которые из Оренбурга были ото-на Кавказ: Андрея Шестакова, Ивана Старкова, Пия Ветошникова. Хотя нет - о Ветошникове кое-"известно.

. В 1831 году в канцелярию III Отделения пришло АО от унтер-офицера И. Грибовского. Как можно по этому доносу, и на Кавказе Ветошников про-вспоминать о тайном обществе, рассказывая о о своих действиях без какого-либо раскаяния, у, а Ипполит Завалишин! Отбыв каторгу, он жил в вудинске, ко конфликт с тамошним городничим к тому, что поселенца наказали розгами, а в не-ельном времени перевели в Курган. Желая ься, Завалишин сочинил и послал в Петербург творный панегирик в честь династии Романовых. Вйсь оставили "без внимания". Тогда он вернулся ему - взялся за всякого рода доносы, причем, сал П. Н. Свистунов, "доносил и на начальство и товарищей". По ходатайству генерал-губернатора князюника посадили в острог, а потом выслали в Пелым. Освободили его в начале шестидесятых годов. Занявшись литературной деятельностью, он опубликовал серию путевых очерков в "Тобольских ведомостях", подготовил и выпустил трехтомное "Описание Западной Сибири" и, наконец, сочинил несколько беллетристических произведений. Писательской славы они ему не снискали... Умер И. Завалишин в семидесятые годы.

Вот несколько штрихов о судьбах тех, кто известен читателю по книге "Записки Несчастлиого, содержащие Путешествие в Сибирь по канату".

Истоки ее - в Оренбурге.

Именно здесь родилось и действовало Оренбургское тайное общество.

Тут формировались характеры Колесникова, Тап-тикова и других.

Ну, а прямо напротив этого стенда в том же зале находится другой - посвященный Тарасу Шевченко.

Они связаны не только краем, в котором революционный поэт Украины провел долгие годы ссылки.

Живые нити протянулись от Штейнгеля к будущим друзьям автора "Кобзаря", а через них - к замыслам его "декабристских" произведений.

Замыслам, возникшим в оренбургской неволе и, частично, осуществленным в последние годы жизни.

...Я думой полечу в Сибирь, Я за Байкалом гляну в горы, В пещеры темные и норы Без дна, глубокие, и вас,

Теперь они смотрят на нас с музейного стенда. И с особым волнением рассматриваем мы издания "Записок Несчастливого..." - одного из бесценных для нас произведений декабристской литературы.

Поборников священной воли, Из тьмы, и смрада, и неволи Царям и людям напоказ Вперед вас выведу, суровых Рядами длинными, в оковах...

Осуществить свои замыслы в полной мере ему не удалось: слишком рано оборвалась жизнь. Но, думается, знал он о давнем тайном обществе в Оренбурге, о судьбе его участников, знал много и был тем, признанным, постигнутым вдохновлен.

На шевченковском стенде доказательств этому нет. Но исследования продолжаются...

ОТ ЭКСПОНАТА – К СУДЬБЕ

*ГЛУБОКО ВЕРЮ, ЧТО ЛУЧШЕ ЧЕЛОВЕКА НИЧЕГО НЕТ НА ЗЕМЛЕ.
ВСЕГДА БЫЛ, ЕСТЬ И БУДУ ЧЕЛОВЕКОПОКЛОННИКОМ.*

А. М. Горький

"МАМА, ТЫ БЫЛА КОСМОНАВТОМ!"

"ОРЕНБУРГ. Молодежь областного центра торжественно проводила в путь агитпоезд имени 60-летия комсомола Оренбуржья... В одном из вагонов краеведческим музеем развернута выставка материалов о славных революционных, боевых и трудовых традициях оренбургской комсомолии..."

"ОРСК. Десятитысячный посетитель побывал сегодня в "музее на колесах". Поезд продолжает свой путь..."

"ГАЙ. Волнующая встреча произошла у одного из стендов музея агитпоезда. Одна из посетительниц увидела фотографию, запечатлевшую ее два десятилетия тому назад с первопроходцами космоса..."

(Из газет)

ВСТУПЛЕНИЕ К ЭТОЙ ПОВЕСТИ-БЫЛИ

Весть об агитпоезде принес из школы Игорь. Но же предупредил:.. пойдет вместе с классом. На-это задело, она потребовала сводить "на поезд" мама пообещала, а уж пообещав... В общем на Кующий день были они на станции, ь "Красивый поезд" дочке понравился. В одном ва-: она смотрела кино, в другом мама купила ей а потом обе попали в музей и стали неспешно ривать все, что было в кем выставлено-вывешено, нше всего Ольга Ивановна рассчитывала встре-тут... саму себя. Но надо же такому случиться: типа! И, конечно, сразу подалась вперед - недорогой ей, на всю жизнь памятной, фотографии

...- Мама, мама, это кто! Гагарин!

- Гагарин, доченька...

- Тот самый!

- Юрий Алексеевич Гагарин. Первый в мире космонавт!
- Самый первый!!.. А это!
- Титов.
- А тетя!
- Тетя!.. Посмотри хорошенько.
- Терешкова!

Знаменитая фамилия ей известна - вот и произносит, выдает с ходу, не вглядываясь и не задумываясь.

- Ну, какая же это Терешкова! - смеется она. И дальше уже экзамена не продолжает: - Это, Наташка, твоя мама...

- Ты тоже космонавтом была! Такое придумает не каждый... Но ведь виновата сама: никогда о себе не рассказывала...

- Я была делегатом съезда комсомола.

- Почему!

Ее "почемучка" положительно неистощима.

- Мам, а мам, почему!

Сегодня ли, чуть погодя, когда дочка школьницей станет, она расскажет ей все. Дети должны знать о своих родителях. Это их, детей, право, а наша, родителей, обязанность.

Даже если биография у тебя совсем-совсем простая...

...Но я-то могу и не ждать, пока Наташка подрастет-повзрослеет. Разве только для нее, для Игоря поучительна жизнь их матери!

Право на эту повесть дает мне давнее, очень давнее знакомство с Ольгой Ивановной Завьяловой - тогда просто Олей Скопцовой.

Олей-Олюшкой из далеких уже шестидесятих годов...

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1

Мало ли что может увлечь человека четырех лет от роду!

Причудливый камешек... цветное стеклышко... солнечный зайчик на стальной нитке рельса...

Рельса!

Да ведь это станция. Железнодорожная станция. Человек четырех лет - пассажир. И притом такой, которому нет дела до строгих правил на транспорте.

Мама сказала: "Сиди смирно, я - за билетом". Но если на глаза попались камешек... стеклышко... зайчик! И если зайчик норовит убежать дальше и дальше! Как усидеть на месте!

А из-за поворота показался поезд. Обыкновенный рабочий поезд, каких через станцию в течение суток "проходит не один и не два. Этот шел из Гая. Впрочем, "так ли важно, откуда и куда шел поезд! Важно другое: ; он шел на большой скорости, он приближался. Человеку четырех лет поезд нес смерть...

Беги!

Но некому крикнуть...

С дороги!

Но на перроне совсем пусто...

Человек четырех лет играет на рельсах. Ему весело.

Он не думает ни о чем, кроме как о зайчике, кото-ль так шустро от него убегает.

Дежурный - в противоположном конце перрона.

Немногие пассажиры - возле здания вокзала.

Никто не увидит. Никто не крикнет.

А если увидит!

Если крикнет!

Поздно!

Неужели поздно!

Неужели... все!

Девочка в форменке ремесленного училища идет по обочине. В руках книжки. Она проходит здесь каждое утро. Ей привычен грохот поездов, ей знакомы голоса и тепловозов, и паровозов.

Девочка с книжками, улыбаясь, думает о чем-то своем.

А на рельсах - человек четырех лет...

И поезд...

И никого близко. Никого!

Она ближе всех. И она увидела.

Да что же это!

Да как же это!

Будто и не было на лице улыбки. В невыразимом ужасе расширились глаза.

Даже если машинист затормозит...

Рассыпались книжки.

Бросок - как крик.

Она не остановит поезда.

Она может не добежать.

Но она бежит.

Она умеет бегать. Но здесь не спортивная дорожка. Не дыхание соперницы-подруги, а гул поезда за спиной, в ушах.

Солнечный зайчик на рельсе блеснул и погас.

Руки схватили человека четырех лет. В его глазенках не испуг - удивление. Он не знает, что такое смерть.

Уже не столкнешь, не отбежишь...

Нет для этого ни доли секунды. Нет для этого сил.

Конец!

Конец обеим!

Ко-нец...

Но, собрав все свои слабые девчоночьи силы, она не дает паровозу толкнуть ее, свалить вместе с доверчиво прижавшимся к ней человечком.

Она падает между рельсами. Падает вместе с тем, кто ей сейчас дорожке всего на свете. Дорожке собственной жизни. К шпалам... Ближе к шпалам... И не выпустить бьющееся, живое тельце...

Состав обрушивается ревушим, разъяренным чудовищем. Над головою гроыхает, неистовствует смерть. |сего в нескольких сантиметрах. Но смерть проносится мимо.

Мимо человека четырех лет от роду, который за ту до этого доверчиво ловил солнечного зайчика. Мимо девочки-ученицы, что минуту назад шла с ижками в руках, беззаботно улыбаясь своим мыслям. Минуту... Всего минуту...

2

Нет тебя прекраснее, минута подвига!

В такую минуту Александр Матросов прикрыл сво-грудью амбразуру смертоносного дзота, а Виктор пихин в ярости воздушного боя таранил фашист-самолет.

Эта гордая минута была у бесстрашной Зои, у мо-агвардейцев Краснодона, у тысяч тех, кто увенчан цами Героя, и у безвестных, безымянных героев, мчихся в братских могилах.

Иногда минутой казались час и день, иногда - ко-кое мгновение. Но кто смотрит на стрелки часов, совершается неизмеримо огромное!

- Да как же это! Я на минуту только... А она...

- Страшно небось, когда над головой... о.- Разве можно оставлять ребенка одного!..

Совсем невеличка - и не устрашилась... У- Дочку мне спасла... Доченьку... Век тебя помнить буду- Ой, милая!

Голоса... Голоса... Она слышит и не слышит. В ушах /поезда. Но ведь он прошел! Значит, все окончено і в порядке. Жива! И ребенок жив!..

- Это геройство!.. - На смерть шла...

- Что случилось!

- Девочка спасла малыша.

- Когда!

- Только что... Жутко подумать - легла на шпалы, меж рельсов!

- Граждане, прошу разойтись. Сейчас появится восьмичасовой.

Восьмичасовой! Ого, сколько времени уже прошло! Ой, да она опоздает... Уже опоздала... Пока на трамвай, пока доедет... А сегодня как раз практические занятия...

- Куда ты, милая!

- Бледненькая какая!

- Книжки, книжки-то все!

- Шинельку почистить надо... ' - Чья ты!

- Доченька, спасительница, как тебя зовут!

Шинель застегнута на все пуговицы. В руке книжки. Нет только улыбки. Хотя... Огоньки зажглись сначала в глазах, потом осветили лицо. Она взглянула на прижавшуюся к матери девочку и улыбнулась.

- Зовут меня Олей. А тебя! Как твое имя! "Крестница", не отрывая глаз, смотрела на нее.

- Ее зовут Маринкой,- сказала мать.- Мы никогда тебя не забудем, Олюшка. Будь счастливой!

Олю провожали взгляды многих людей. Прежде чем спуститься с насыпи, она обернулась и помахала рукой.

Невдалеке прозвенел трамвай.

- Оля-Олюшка, большого тебе счастья! - шептала мать Маринки, утирая покрасневшие глаза. И тут же развела руками.- Да кто же она, люди! Как фамилия ее! Чья дочка!

Ответить не смог никто.

«Оля, я пишу на станции, перед отходом поезда. Люди дали карандаш и бумагу, только я не знаю ни адреса твоего, ни фамилии. Олечка, ты спасла мою дочку, и ты навсегда в моем материнском сердце. Нет слов, чтобы сказать тебе про мою любовь. Спасибо, отыскаю раз спасибо! Мать А. И. Березовенко". Женщина заклеила конверт и надписала: "В редакцию городской газеты". Потом вспомнила что-то, потщила. Но выход все же нашла. Вопреки почтовым хлам, она добавила прямо тут, на конверте: "Ре-ия, найди Олю и расскажи всем о ее подвиге". ...Меньше всех желала этого сама Оля.

В тот час трамваи шли, как обычно, переполненные, в форменной шинели притиснули в уголок ей площадки. Так притиснули, что, казалось, ни охнуть, ни выйти. А пассажиров все прибавлялось: люди спешили на работу.

- Девочка одна... Говорят, фэзэушница... И поезд ними.

- Выдумывают... Раздавил бы в момент...

- Тут ремонтировать полезешь, и то в три поги-

- О ком речь!

- О девушке... Закончила вроде училище... На шла... Увидела на рельсах дитя... Как бросится!..

-- Откуда такая!

- Говорят, с никелькомбината...

- Нет, наша, с нефтезавода... Она слушала разговоры спокойно, будто ее это каничуть не больше других. Только грохот, что и вновь возникал в ушах, возвращая к испытан-

- напоминал: речь о ней, о ней.

Замер л о сердце: "Что, если мама!.." На миг даже глаза. "Мама, мама, тебе нельзя волноваться. Я вижу, чувствую. Хоть и не жалуешься..."

- Я в горком комсомола поеду,- говорил бойкий молодой парень, что стоял рядом.- Может, там об этой девушке знают. А нет - поискать надо. Из техникума будто...

- Да если правду говорят, ей такую награду следует...

- Жизни не пожалела!..

- Те, что видели, рассказывают: со стройки...

- Может, сама объявится...

"Только бы мама не узнала,- думала она.- А что сказать в училище! Чем объяснить! Мастер говорит: опоздание - преступление. И в комитете комсомола дала слово - стараться. Еще билета не получила, а уже нарушаю..."

- Вы опоздали на пятнадцать... даже на шестнадцать минут!

- Я не могла раньше, Михаил Федорович. Извините меня.

- Здесь не первый класс. Надо уметь рассчитывать время. Сейчас опаздываете в училище, а потом на завод станете приходиться когда вздумается!

- Больше не буду...

- Повторяю: опоздание - преступление. Займите рабочее место! Продолжим!..

Мастер Кофейников неторопливо шагал вдоль рабочих столов, за которыми трудились его питомцы. Первые задания. Совсем несложные задания. Но кому-кому, а человеку, воспитавшему не один десяток квалифицированных станочников, доподлинно известно, как важны эти робкие, еще ученические и в то же время уже самостоятельные работы. Они приучают к порядку, собранности, сосредоточенности. Здесь начинается то, что называют навыком, а вернее - хваткой.

Михаил Федорович остановился возле Оли. На столе был порядок, все лежало на своих местах, ученица занималась делом. Но что-то мешало ей сосредоточиться, войти в общий ритм... Сначала опоздание, теперь вот эта несобранность, рассеянность...

- Случилось что! Оля отвела глаза.

- Нет, ничего... Только голова болит... Рука; мастера легла на ее плечо.

- Вот что... Ты иди домой... Завтра подзаимемся т дельно... Ступай!

...И снова трамвай, и снова разговоры. О случив-вмся на железнодорожной станции Никель знал уже, алось, весь город.

Мама забеспокоится, когда ее увидит. Может, при-ть какую причину! Вроде мастер уехал... или что-Будь там еще...

- Рано как! Стряслось что!

- Голова болит.

- Неужто простудилась! Ты ложись!

- Лежать - хуже. Я, пожалуй, за полы возьмусь.

- Ишь, лекарство нашла...

- Пройдет! Ты ж сама такая...

- Ой, Оленька, да ты, видно, не слышала!..

- О чем!

- Соседка страстей наговорила... Будто на нашей

ми... девушка одна... никто ее не знает... - о- Девочку спасла!

- Значит, правда. А я сразу и не поверила. Боже мой, самой под поезд броситься!.. Ты слышишь!

Слышу, мама...

-- Матери-то ее... девушки этой... каково узнать! ься, что такую дочку вырастила, и... Аж сердце гордится. Чего молчишь? Думаю, что бы еще сделать! - А голова! -- Легче, мама... Пройдет...

Мама, мама, ничего я тебе не расскажу!

Ее искали.

Железнодорожники. Работники милиции. Горком комсомола. Редакция.

О подвиге на рельсах действительно знали уже все. А вот героиня дня оставалась неизвестной.

Имя - Оля. Совсем юная, на вид девочка. Мала ростом. В форменной шинели трудовых резервов. С книжками. Одна книжка вроде бы про станки...

В городе семь училищ. В каждом есть девочки. В каждом - Оли. Много девочек и много Оль. Говорят, та спешила на занятия. Вот эта примета весомее. Значит, живет не в общежитии, а дома. И дом в этом районе. Таких тоже немало, но, конечно, меньше.

Искали Олю, которая живет в заводском поселке никельщиков и учится по книжкам, на одной из которых нарисованы станки. И еще... в то утро она, наверное, опоздала... Уж очень спешила к трамваю!

Ремесленное училище № 1... Проверили - нет... Техническое... "Не наша..." Первое строительное... Такой не оказалось... Двадцать третье... Нет...

Всюду добавляли: "к сожалению". Но и без того было ясно: в каждом училище надеялись, что речь идет об их ученице, их товарище.

Дольше других не давало ответа ремесленное машиностроителей.

По всем приметам выходило - она. Но слабенькая на вид девчонка - и вдруг такое! Третий день - и ни слова!

- Вы живете в поселке Никель!.. Почему вы опоздали на практические занятия!

Оля слышала - директор очень строг.

- Я не буду больше опаздывать... Директор усмехнулся. Не верит!

- Нет, вы все-таки скажите...

Ее вызвали не для замечания. Узнали! Но как! Она не говорила никому...

- На станции Никель... третьего дня... были вы! Значит, узнали! И мама узнает. Зря только скрытничала...

- Вы, Оля!

Митинг, поздравления, цветы... Бесконечно много цветов...

Она пришла домой позже обычного. Уже верну-с работы отец и Юра. Вместе с ними за столом (дели младшие. Вся семья. Кроме нее. И ей сейчас рано рассказать обо всем. Главное - маме. Пока не узнает сама. Что ж, она постарается быть спокойной.

- Мама, помнишь, ты говорила о девочке, Которая... Ну, в общем... на станции... ребенка спасла! Так

- Внимание, говорит Москва! , - Я не сказала тебе... о - Передаем последние известия. { - Это была... " - Из Орска Оренбургской области сообщают...

- Что не досказываешь, дочка!

- Да тише вы, сороки! Москва про Орск говорит! .- Героический поступок совершила ученица ремесленного училища № 15 Ольга Скопцова. 17 октября на [ни Никель она спасла жизнь четырехлетнего ребёнка. Дело было так...

И уже не надо ничего говорить, ничего рассказывать.

Рассказывает Москва.

Все ясно.

- Я...

ГЛАВА ВТОРАЯ

Когда рождается подвиг, о человеке, его свершившем, хочется знать все.

От самого начала. От самых первых шагов. Еще не приземлился Юрий Гагарин, а люди уже стучались в дверь маленького домика в старом русском городе Гжатске. Стучались не только с поздравлениями, но и с расспросами.

"Восток-2" совершал первые обороты вокруг планеты, а на Алтае уже "осаждали" и родителей Германа Титова, и его учителей, и его школьных товарищей, и всех, кто мог хоть что-нибудь о нем рассказать.

Где бы мы ни жили, а в памятные августовские дни шестьдесят второго в мыслях своих непременно побывали в чувашской деревне Шуршелы и в украинском городке Узине - на родине Андрияна Николаева и Павла Поповича.

Нет-нет, я не ставлю знака равенства между героическим поступком девочки-ремесленницы и "подвигами века" - первыми в истории человечества космическими полетами. Но кто возразит, что надо иметь такую же самоотверженность и такую же щедрую любовь к людям, чтобы броситься наперерез смерти, отвести ее!

И мне думается, что если бы вдруг объявили призыв молодых в неизведанные дали, на целину незнакомых планет (а ведь это время, друзья, настанет!), Оля сказала бы, сказала совсем просто: "Пошлите меня, я готова".

Она, конечно, задумалась бы. Но не о себе, не о своем покое и даже не о своей судьбе, а, наверное, о маме. Не будет ли болеть у нее сердце от тревоги за дочь.

Но, успокоив маму, полетела бы. Обязательно полетела.

Так надо.

- Так надо, дочка...

Эти слова она слышала часто, очень часто. Уже невесть сколько дней не видела Оля отца. Просыпается - на работе. Засыпает - еще не вернулась.

Без папы скучно. Он всегда придумает что-то веселое, забавное. Лежал да лежал себе без пользы простой деревянный чурбак, а взялся отец за него, и получилась со-, настоящая кровать для куклы... От старой, еще Юриной, пирамидки осталось одно сико. Попалось Ивану Прохоровичу на глаза - и тут оказалось всамделишной, разве что маленькой, такой...

- Где папка?

- На комбинате.

- Почему долго?

-- Так надо... Работа...

- Срочный заказ,- солидно, как и подобает муж-поясняет пятилетний Юра.- Новая печка скоро .

- Зачем печка?

Чтоб никель варить...

- Да что он, суп, - улыбается мама.

- Ну, скажешь... Юрка знает все.

И про войну знает. Он даже рассказывал о салю-о которые передавали по радио. Однажды Оля ска-что тоже слышала эти самые... салюты. Но все уг рассмеялись.

- Слышала, слышала! - сквозь смех проговорил |.- Когда Берлин взяли. Только ты, курноса, ничего не смыслила.

Почему не смыслила! Сам же говорил, что был ей целый месяц!

- Вот сломают наш барак - дом построят!

- Большой-большой!

- Большой, Олюшка. Красивый.

- Ура! И все там будут жить!

- Кто все?

-о Женя, Аня, Валя, Люся, Коля...

- Ишь, как разогналась! Да так ты всех ребят из барака назовешь!

- А они переедут?

- В один дом? Вряд ли. Пожалуй, в разные.

И вдруг:

- Я не хочу...

- Чего не хочешь?

- Чтоб ломали...

- Но он же тесный, грязный!

- Где грязный?

- Вот... Смотри, какие стены...

Разговор начался в комнате, а продолжался во дворе. По дороге в детский сад (сегодня Оля с мамой шли вместе) он не возобновлялся

Окончание у него все же было. Несколько дней спустя. И притом необычное.

Валентина Федоровна договорилась с соседками вместе провести побелку комнат. Приготовили известку, позаботились о кистях...

В этот день они особенно торопились с работы. Но... ведра оказались пустыми. В поисках разгадки женщины обратили внимание на то, что по грязному фасаду их барака легли свежие полосы. Побелка коснулась только нижней части стен, мазки были нетвердыми. Кто это озоровал! Ох, и достанется им!..

- Оля! Олюшка! Ты не знаешь... Но первый же взгляд, брошенный на дочку, объяснил все.

- Так это ты!

В Олиной руке была кисть.

- Я...

- Зачем?

- Ты же сама говорила, что он грязный. И что сломают...

- Тем более пустая работа!

- Я не хочу, чтоб его ломали. Не хочу уезжать...

- В большой, красивый дом!

- А ребята!..?

Так вот отчего они взялись за побелку фасада!

...Через несколько дней жильцы устроили воскресник. Если в результате его барак не стал менее ветхим, то, во всяком случае, грязные пятна со стен исчезли.

- Я буду плясать гопак! В настоящем украинском костюме! С лентами!

Оля объявила об этом смущенно, но гордо. К утреннику в детском саду готовились все. Посвящался он большому празднику, ждали много гостей. Из всех танцев ей хотелось выступить именно в этом, садике же украинский костюм был только для девочек-из младшей группы. И то без венка, без лент. Ну, а кой гопак без лент!! Разноцветных лент, спадающих плеч!

И вот теперь настоящий костюм - с лентами, с венком у нее был. Где только мама сумела раздобыть эй красивый!

В садике Олю называли "первой плясуньей". Она нцевала легко и смело. В программе утренников Оли-танцам отводили самое почетное место. Так сде-пи и на этот раз.

Наконец долгожданный день пришел. Гости заползал. Началось веселое ребячье представление. Оля поглядывала в зал через щелочку в двери, видела нарядную елку, видела шумный хоровод вокруг нее. Отыскала глазами маму с папой... Самой ей нужно было появляться там еще через несколько номеров.

- Какие ленты! - вдруг услышала она. За спиной стояла девочка из "малышовой" группы. Она была в таком же украинском костюме, но только без венка.

Оля улыбнулась. Восторг девочки был ей приятен.

- А у меня лент нет,- помолчав, огорченно сказала малышка.

- Примерить! - спросила Оля.

Девочка просияла.

Венок был великоват, но Оля проворно сжала кольцо.

- Красиво как!

И на самом деле красиво. Венок с лентами удивительно шел кареглазой смугляночке.

- Ты тоже танцуешь? - спросила Оля. И тут же задала еще один вопрос: - Когда!

За дверью выступал хор. Ее танец - пятый.

- Людочка! - из противоположного конца коридора позвала воспитательница. Оля быстро протянула руку, чтобы снять венок. Но на лице девочки мелькнуло такое разочарование...

-- Иди! Станцуй и быстренько сюда! Людочка побежала, не чуя ног. Успеет или не успеет!

- Оля! И тут же:

- Оля Скопцова!

Так скоро! Почему не поет Аня! (Потом узнала: "солистка" Аня переусердствовала в хоре и выступать больше не могла.)

Но об этом ей стало известно позже. А сейчас! Что делать сейчас?

Задорные звуки гопака раздались одновременно и там, в комнате малышей, и рядом, за дверью, где должна была выступать Оля.

Музыка звала. И она приготовилась к пляске: подняла голову, подбоченилась.

...Олю провожали аплодисментами. Выбегая, она ^ успела заметить улыбающееся мамино лицо.

За дверью Оля увидела сияющую Людочку.

- Станцевала!

Ответом была только улыбка.

- Ты приходи к нам,- тихо проговорила девочка i "малышовой" группы.- Придешь!

- Приду.

Она надела венки с лентами и прошла в зал. Станцевать бы еще раз... Что ни говори, а гопак без венка, из лент, спадающих ниже плеч,- это не то, совсем не то!

4

- Женя умер, знаешь?

- Что... Как? Не может быть!

Они с Женей друзья, и Оле без него скучно. Не им раз на день проходила она мимо Жениных окон ее никто не "кликал. И отчего он так долго в деревне... Почему не приезжает!

Старшие мальчишки, собравшись в кружок, обсуждают кем-то принесенное известие. --Взял ружье... и - На мушку... - Как бабахнет! - Наповал...

Оля слышала такие слова в рассказах о войне. Те-никто не воюет, всюду мир. Женя уехал не на а к тете. И вдруг... Все эти непонятные, страшные слова о нем!

Товарищ по многим играм оказался жертвой не случая. Сельский мальчишка чуть постарше его решил похвастаться перед своим городским знакомым отцовым охотничьим ружьем.

Снял, прицепился, как это делал отец, нажал на спусковой крючок. Ружье оказалось заряженным.

Спихнулись, когда было уже поздно. Слишком поздно.

- Женя умер...

Оля сидела притихшая, печальная.

- Слезами горю не поможешь,- подошел к Оле отец.- Мертвого уже не вернешь, дочка...

_ Была бы я там! -вырвалось вдруг у нее, и у детских губ появилась жесткая складка.

_ Ну и была бы...- вступил в разговор Юра, кото рый не терпел бахвальства.

- Что ты, может, против ружья стала бы?

- А может и стала!

Отец посмотрел на Олю и ничего не сказал. Юра хотел спорить, но под строгим взглядом умолк и занялся своими делами.

- С маленькими не пускаем, приходи одна,

Оля у двери клуба. Она поглядывает то на новую контролершу то на Танюшку. Танечке удобно на руках сестренки. Даже не подозревает, что из-за нее Олю не пропускают в зал. А кино вот-вот начнется...

- Она тихая,- убеждает Оля.

Но надежды на успех нет.

- Это кто там? Оля? – вдруг слышится голос старой контролёрши тёти Паши.

– Олю пропускай. Она никогда одна не ходит. – И сделав смешную «козу» танюшке, спрашивает: - Неуж-то без детворы? А где твой детский сад?

Оля только улыбается. За ее спиной двое малышей со двора. Они проходят в дверь.

- Ты всегда её пропускай- наказывает тетя Паша своей помощнице, она никогда в одиночку не ходит. Танечка, младшенькая у Скопцовых, с пеленок картины с ней смотрит. А ребята со двора только того и ждут, чтоб Оля их позвала.

- Нянька, что ли! - удивляется помощница. Она цовольна, весьма недовольна тем, что ей не дали на-вять на своем. Правила есть правила!

- Зачем нянька! - пожимает плечами тетя Паша.-

сто серьезная девочка. И детишки ее любят. Не ина-как учительницей будет.

Или воспитательницей...

А "воспитательница" смотрит картину о партизанах.

трит с затаенным дыханием, глубоко переживая Висходящее на экране. Впрочем, она не забывает гля-удобно ли Танюшке, да время от времени накло-тсья то к одному, то к другому подопечному, чтобы ьяснить им, что к чему. Иначе нельзя. Так надо...

Так надо...

Отвлеченные понятия чужды ребячьему уму. Но чувство долга знакомо человеку и в три, и в и тем более в семь лет. Оно рождается из мно-наблюдений, впечатлений, чувств, складывается цым шагом и с каждым днем на дороге жизни. Оттого и ищут истоки подвигов наших космонавтов таром русском Гжатске, в далеком селе на Алтае, в иской деревне Шуршелы и украинском городке в.

И потому, ведя свой рассказ, я прежде всего по-в дверь раннего Олиного детства.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Чем памятен тебе вчерашний день! Нет, он не был бесполезным. О многом думал, мно-сделал. Но что в этом прожитом дне главное, чем он от других!

Костер разгорается ярче, ярче. Весело потрескивают сухие сучья.

Ночь и лес. Ночная поляна перед густой лесной чащей...

Так кажется. А на деле - пустырь за школой. Школа рядом. Вот ее стена, за деревьями. Деревья сажали сами. "Каждый пионер должен посадить дерево!" Она посадила два. Теперь их не узнать. И удивляться тут вовсе нечему. Все растет. Они ведь тоже выросли. Позади седьмой класс. Даже не верится, хотя костер именно по этому поводу. Прощальный, значит...

Прощальный, а весело!

- Ну-ка, живее!..

- Темп, темп, ребята!

- Девчонки, посмотрите на Володьку... Ой-ой!

- Наддай жару, Оля!.. Покажи наших!.. Шумит круговая лапта.

- Давайте петь!

- "Летят перелетные птицы"...

- "Ревела буря"...

- "Картошку"!

Эх, картошка, объеденье,

Пионеров идеал.

Тот не знает наслажденья,

Кто картошки не едал...

Задорная, веселая "Картошка", есть ли песня звонче тебя! А до чего же быстро настраиваешь ты на дружеский разговор!..

- Значит, уходишь? Решил?

Прежде чем ответить, призадумался.

Таким вот вчерашним - только вчерашним днем являлись для Оли школьные ее годы.

Трепетное, живое, не прикрытое дымкой воспоминаний время...

- Хочу в техникум.

- Многих из нас в восьмом не будет... Ну, техни-

- это еще понятно... А в ремесленное!..

- Кто в ремесленное!

- Оля.

- Да она просто так, в шутку... А вы и поверили!

- Пойду в ремесленное... Правда!

- Может, к горну хочешь! Ольга Скопцова - пер-встрани горновая!

- Почему первая! В войну были. Только я к

Да без подставки не дотянешься!..

- Дотянусь!

Ой, Олюшка, неужели впрямь надумала! А дома Мама!

Мама в фельдшерское уговаривает. И правильно! В ремесленные пусть ребята идут, н какие выросли!.. А может, в фельдшерское и ! С первого ведь класса!

Первая палочка, первая клякса, первая книжка - ю тогда первым.

если смутные воспоминания об этих палочках и книжках сейчас, спустя годы, способны вызвать мимолетную улыбку, то совсем иное, непере-большое и теплое чувство охватывает при о первой учительнице.

"дня Семеновна... Это она ввела их в загадоч-букв и цифр, раскрыла безбрежный горизонт подружила с науками. А passe не она препода-рвые уроки настоящей дружбы! д в классе собрался разный: сорвиголовы и баловни-эгоисты и общественники по самому складу. И вдруг... Вдруг мальчишки, девчонки с улиц стали единым целым - коллективом, ни другие не вспомнят, конечно, когда это произошло. А уж если припоминать, то в памяти у каждого наверняка возникнет свое...

...- Ребята, у нашей Оли трое младших. Папа с мамой работают на никелевом комбинате. Она дома главная помощница. Вчера я разговаривала с Олиной мамой. Валентина Федоровна приходила советоваться - хочет перевести Олю в другую школу, с другим расписанием. Это чтобы у нее была возможность лучше присматривать за малышами.

В классе тихо-тихо. Оля смотрит в парту, но ощущает на себе взгляды со всех сторон.

- Ты уйти от нас хочешь, Оля! Она приподнимается:

- Нет...

- А вы, ребята, хотите, чтобы Оля ушла!

- Нет! Не хотим! Не надо!

- Что же будем делать!..

И снова тихо. Учительница спрашивает их совета. Клавдия Семеновна, которая сама может ответить на любой вопрос. Спешить нельзя, нужно подумать...

- А если поможем! Мы поможем!

Кто спросил! Впрочем, так ли это важно!.. Куда дороже то, что уже через мгновенье класс был похож на шумный улей, и отовсюду слышалось одно:

- Поможем...

- Поможем...

- Поможем...

- Все согласны помочь! - спросила Клавдия Семеновна.

- Все!

- Молодцы, ребята, так и поступают будущие пионеры. А теперь подумаем, как выполнить наше решение...

Думали с полчаса, не меньше, и не было конца предложениям. Помнится, здорово насмешил Володька: он пообещал, притом вполне серьезно, научить малышей складывать сложные фигуры из "Конструктора". Эту идею дружно отклонили. Зато многие другие были к одобрены.

„ С того дня в маленьких комнатках Скопцовых стало еще теснее. Сначала гости чувствовали себя неловко. |Мо и отец и мама так были им рады, что смущение быстро исчезло. Потом Оля слышала, как родители между бой говорили: "Дружба для человека - самое большое богатство". Досадовала мама только на то, что Оли-друзья и подружки норовили сами переделать все зйственные дела. В этом, однако, переубедить их и не удалось: они оказались удивительно упрямыми. А Володька... Володька проявил себя и тут. Нет, на раз не замысловатыми фигурами из "Конструктора", хотя для начала и притащил целый ящик всякой чины. Он, подумать только,

организовал у себя во эе "чрезвычайную тимуровскую тройку", и однажды те с ним пришли совершенно незнакомые Оле де-і о- из той школы, в которую мама хотела перевес-ее. "Учатся в третьей смене,- пояснил Володька. С малышами справятся, головой ручаюсь!" 'Девочки доказали это очень скоро, пожалуй. Они оказались большими выдумщицами. И - что говорить - Оля иногда завидовала привязанности к Володькиным тимуровкам. ".Вот так она осталась в классе. Вот такая у них было-дружба.

3

Гори веселее, дальше рассыпай свои искры, послед-і пионерский костер!)
Первым был тот, на котором им повязали алые галстуки.

Рослая веселая девушка с тугой длинной косой пришла в школу вместе с другими рабочими комбината повязать галстук Оле, ей, к Олиному смущению, пришлось чуть ли не присесть на корточки.

Зато потом...

Потом они вместе шли домой, и девушка рассказывала о цехе, о своей работе на станке.

Оказывается, она не так давно сама была пионеркой. Теперь, конечно, уже комсомолка. Комитет посылает ее вожатой в школу. Только справится ли, не подведет!

Справится!

Оля убеждена в этом. Вот бы такую вожатую к ним, в их отряд! К ним она и пришла.

Чего только не придумывали вместе с Наташей! На школьном смотре самодеятельности выступает кукольный театр - это их театр; сами шили костюмы и лепили маски, сами придумывали пьесу, сами играют... Девчонки из других классов после уроков бегают в степь за тюльпанами. А они... Они организуют настоящий цветочный поход и не только собирают пышные букеты (для школьного бала), но и видят то, что обычно ускользает от взгляда, когда торопишься: весеннюю свежесть полей, красоту горных склонов в пору цветения... "Каждый может научиться играть на музыкальном инструменте..." Каждый! Оле давно хотелось взять гитару, что без дела висела у них дома на стене. Вожатая достала самоучитель, немножко умела играть сама. И на следующем сборе Оля поет под собственный аккомпанемент на гитаре. Другие тоже хотят доказать, что научиться играть можно. Опять же смешит Володька. Он приносит... патефон. Но, если сказать по-честному, это оказалось совсем не лишним. Как ни интересно слушать игру товарищей, а все-таки на пластинках музыка веселее...

Сборы, посвященные пионерскому галстуку, честному слову, любимым героям... Любимый герой, кто он! Оле хочется рассказать, и о Зое, и о Саше Чекалине, и о всех молодогвардейцах. А говорит об Уле Громовой.

Оказывается, со страниц книжки она давно уже переселилась в Олино сердце. Все нравится в Уле: и храбрость, и скромность, и девичье достоинство...

А экскурсия на никелевый комбинат! Она чуть бы-не сорвалась: Наташу неожиданно вызвали в цех. э-то заболел, и ее ждала неотложная работа. Но она рислала в класс подругу, та принесла коллективный впуск. По просьбе ребят начали с цеха, где работа-і их вожатая. Оля увидела комсомолку у станка. А ста-... Станок был рядом с тем, за которым трудился... Над ним висел вымпел и было написано: "Тут ра-тает лучший слесарь Иван Прохорович Скопцов". Рабочее соседство Наташи с отцом

поразило Олю бенно. Значит, комбинат, цех, станок не только для не только для Юрки, не раз уже тайком приме-вего отцовскую спецовку, но и для нее, девчонки!

'Школьные отметки менялись - бывали разные. С ами, правда, не зналась, однако и с пятерками ила не особенно. Заслушивалась на уроках исто-, но с трудом учила физику. Правилась литература, а математике считала себя совсем неспособной, Олечке только с детьми работать, любит малышей и подход к ним знает,- не раз повторяла мама, конечно, не была довольна тройками по алгебре раз выговаривала за них дочке. Однако в ее сло-Олиных воспитательских наклонностях как бы особой звучало оправдание дочери.

Если математические знания не столь уж важны для воспитательницы детского сада или медицинской в детской (неприменно детской) больнице, то на заводе, для человека у станка... ель математики, наверное, удивился, когда Оля, на его уроках, сама подняла руку, чтобы пойти решить задачу.

Задачу решила и так осмелела, что сразу после возвращения из школы сказала маме о своем желании работать в цехе.

- Когда закончу школу,- пояснила она.

- Не женское это дело,- покачала головой мама.

А Оля подумала о Наташе. Нет, и женское!

Но... разговор о будущей профессии показался Валентине Федоровне преждевременным. Он угас, не разгоревшись.

И вот уже последний костер. Веселый и немного грустный.

Прощай, школа!

Прощай, пионерская пора!

В последний раз повязала сегодня галстук, а до комсомольского значка еще не доросла. Комсомолкой она сможет стать только через год. Да и примут ли! Заслужит ли она на новом месте! И вообще, что ее ждет!..

Горит костер, звенит песня, наплывают новые воспоминания...

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Вспоминается не только приятное. Иное и не хотел бы ворошить в памяти, а оно тут как тут, никуда от него не уйдешь, никуда не спрячешься... '

...Оля тонула.

Это было незадолго до окончания школы.

Она любила воду и солнце. Урал манил ее к себе с самых первых погожих дней и, если домашние дела позволяли, тотчас бежала с подружками к реке.

Плавала Оля неважно. Но все в излюбленном месте было знакомо, и потому бултыхалась она в воде без опаски.

Надо же было задержаться на полпути к этому месту! Виновата, конечно, природа - так много прекрас-вго собрала она в одном уголке, что не остановиться "ог только совершенно равнодушный, бесчувственный еловек. Берег был в зелени, ветки деревьев гляделись воду, и сама вода казалась особенно чистой. К тому там, на обычном месте, сегодня, вероятно, столпо-эение, а тут - никого. Только вдали, у противополо-кного берега, кто-то рассекал воду уверенными са-енками.

Пока девочки раздевались, Оля уже успела оку-ться. Как всегда, она побежала вперед, ближе к се-цине реки, с удовольствием ощущая бодрящую све-сть воды.

И так же, с разгона, почувствовала: почва под ногами исчезла, дно будто расступилось. Назад! Но где дно?

Шаг в сторону... Никаких признаков! Ноги словно с пудовыми гирями. Лечь бы на воду, пошевелишься. Вода играет ею, словно щепкой: В-сюда, туда-сюда. Смешно... Смешно! Да ведь не раться!

Девочек не видно. Саженки по-прежнему далеко. - Ой!

'Голос сдавленный, чужой, вроде и не ее. 'of- Ко мне-е-е! Сопротивляться нет уже сил.

Тону-у-у! Вода, всюду вода, холодная и противная...

Она открыла глаза на берегу.

Раз-два-три, раз-два-три,- монотонно звучит мужской голос.

Все болит. Все плывет перед глазами. И шум... шум ... Зачем этот шум!

- Еще раз повторим!

- Раз-два-три, раз-два-три...

Да ведь это делают искусственное дыхание. Ей делают. Не надо...

- Она что-то сказала!

- Показалось...

- Глаза!

- Ой, Олечка, живая!

Лица... Лица... Лица... Откуда так много людей! Была же только она с двумя подружками, да еще тот, который плыл ровными саженками. Что случилось! Ах да, она тонула!

- Ну, наконец! С полчаса оживляли...

- Думали, уже все...

- Если бы не этот человек...

Она хочет видеть его. Того, кто вырвал ее из водоворота, кто спас.

- Спасибо ему... Смельчак!

- Сам нахлебался, омут злющий...

- Где он!

- Только что был...

- Может, кто-то его знает!

- Молодой... Чернявый... По всему видать, физкультурник...

Но кто) Кто!

Человек исчез. Сделал доброе дело - и ушел. От благодарностей. От возгласов восхищения. От слов о геройстве. А это высшее геройство - спасти человеческую жизнь!

...Оля так и не знает, кто ее спас.

Расспрашивала - и ничего не добилась.

Искала - и не нашла.

Долгое время спаситель виделся чуть ли не в каждом прохожем. Но как распознать его среди тысяч людей, если не сохранилось никаких примет, а сам он не желает быть узанным!

...Да, есть такое, что не хотелось бы ворошить в памяти. Но ведь она вспоминает не гибель, а спасение, не лошадную стремительность водоворота, а силу

рук 'Силу духа того, кто ее вытащил из бездны. Спасибо тебе, Неизвестный Человек!
За урок. За пример. За жизнь!

ГЛАВА ПЯТАЯ

1

У входа в ремесленное сидела группа ребят. Парни < на подбор, рослые, широкоплечие. Смех их звучал есь проспект Мира.

Новенькие! - громко проговорил высокий, чуть пый старик, что шел перед Олей. Ну, конечно же, все они без формы, и видно, на деле только поступают. А она подумала было - ! второму году, выпускники. Выходит, ей говорили у: отбирают постарше да порослее. Быть по-тво-мама, пойду, как ты хотела, в фельдшерское. В ице рост не помеха, а пока выучится - и лет бу-^ хватать. Нет, больные жаловаться на нее не станут. " "И все-таки это малодушие. Наташа так не поступи-Она тоже могла стать медицинской сестрой, да-рачом. Но решила - и пошла на завод. А разве ее ривали быть старшей пионервожатой в их шко-Эля слышала это своими ушами. "Нет,- ответила о мое призвание - завод. Пойду в вечерний ма-роительный техникум, потом в институт, а станок брошу!

Даже не вошла в ремесленное, даже, не спросила. Мало ли что говорят: возраст, рост... Вот сейчас ка-всему возьмет себя в руки и пойдет к самому директору. Пойдет сразу, не откладывая, надо быть смелой, смелее, смелее!

И пошла.

И добилась.

Директор, правда, смотрел на нее так, будто видел перед собой не самостоятельную гражданку с законным свидетельством о семилетке, а девочку-пятиклассницу, удравшую с урока.

Она не молчала; решила к станку - и все.

- Не женская это работа,- с усмешкой смотрел на нее директор.

- А как же Наташа! - выпалила Оля и тут же торопливо и сбивчиво рассказала о своей пионервожатой.

- До станка не дотянуться.- говорил директор.

- Подрасту! - ответила она, да так уверенно, будто досконально познала секрет того, как регулировать человеческий рост.

- Лет маловато,- продолжал свое директор.

- Вот объявление,- положила она на стол газету.- Разве мне меньше!

- Так. Значит, после первых занятий не сбежишь!

Примут, примут... Сердце стучало так громко, что, казалось, биение его было слышно и хозяину кабинета.

Не сбежит ли она!

Что за странный вопрос! Конечно же, нет. Идет-то сюда по собственному желанию...

- Где документы!

2

Часто теперь все трое выходили из дому вместе. Отец и Юра отправлялись на комбинат, а Оля спешила на трамвай, чтобы ехать в училище.

- Гвардейская бригада,- шутила Валентина Федоровна, глядя на маленькую фигурку дочери рядом с коренастым отцом и быстро раздавшимся в плечах братом.

Оля шла весело. Но материнское сердце не обманешь. Она видела: ученье дочке дается нелегко.

И это было так на самом деле. Новое место, непривычная обстановка... Незнакомые люди вокруг... Иные, не похожие на прежние, требования...

Учебники за седьмой класс рядом с училищными взились детскими книжками.

Мастера говорили с новичками, как со взрослыми, не думали ничего особенно разжевывать: больше, мол, состоятельности, активнее шевелите мозгами.

Преподаватели читали предметы, о которых раньше не приходилось и слышать. Чего стоила одна только спецтехнология! Оля слушала, читала, перечитывала, даже зубрила, пришло время ответить - и не смогла. Так бывало ей и в школе, когда знания почему-то вдруг не укла-ались в голове, не доходили до сознания. Вот и б: начала говорить, смутилась, умолкла и... Двойка была неприятна во всех отношениях. Во-первых, сама по себе, о-вторых, оттого, что именно с нее начались отметки.

Наконец, тем, что как раз в тот день в их группе ; разговор о комсомоле.

Оля была уверена, что это произойдет ближе к выпуску. Живо представлялось: заводской цех, длинный нков, и за одним из них - она, в синей, слегка ной спецовке с комсомольским значком на фрезерные станки ей приходилось видеть о в училищных мастерских. За ними стояли другие, новые товарищи и подруги проходили всего-начальный курс. И вдруг: "А вы не думали о комсомоле? Конечно, думали!

...Комсомол был в Олиных глазах Зоей и Улей, тысячами, миллионами Зой и Уль.

Он представлялся ей Наташей - первой вожатой и первой девушкой, которую довелось увидеть у станка.

Комсомольцем (непрененно комсомольцем!) был тот безвестный спаситель...

Думали, думали! Но разве уже можно!

- У вас в группе пока только один комсомолец. А разве другие не хотят быть в передовых рядах советской молодежи! Или не достойны этого!

Ее не примут... Эта двойка, как она подвела!..

- Конечно, нарушителям дисциплины путь в комсомол закрыт,- продолжал комсорг училища.- И двоечникам тоже. Двойка - это обман самого себя и государства, это бесполезно растратенное время...

Да, в комсомоле ей пока не быть - не достойна. Так и кажется, что все смотрят на нее, Олю.

- Л если двойку исправить!

Вроде бы только подумала. Про себя подумала. Но ее, оказывается, услышали.

- Л если исправить! Сказать легче, чем сделать.

- Исправишь, значит докажешь - есть у тебя сила воли, достойна.

Она должна исправить. Как ни трудна, неподатлива спецтехнология... Должна!..

4

Двойку Оля исправила через неделю. Готовилась много, зато ответила довольно твердо. Строгая Мария Тимофеевна похвалила.

После занятий девочки писали заявления.

"Прошу принять... Обещаю..."

- "Прошу принять меня в ряды Ленинского комсомола,- громко читает комсорг.- Обещаю быть верной дочерью народа, честно выполнять свой долг перед ^Родиной".

Сколько стоит она на сцене актового зала училища!.. Долго, очень долго. Подружки уже комсомолки, быть, в ней сомневаются! Исправленная двои-1 - это, конечно, еще не доказательство силы воли, никто не заставлял иметь ее, и никакой тут заслуги во-" нет. Двоек больше не будет. Да ведь этого мало, ! мало! Что можно сделать еще! Для комсомола...

- Какие газеты читаешь!

- "Комсомольскую правду"... "Пионерку"... В зале задвигались, заулыбались. Это потому, что назвала "Пионерку"! А почему, собственно, ей не "Пионерскую правду"! Она вышла из школы с ним галстуком и по-прежнему бережет его, хотя мать с тех пор не приходилось. Пока не приняли "сомол, Оля считает себя пионеркой и не стыдится .

Снова тишина. Настороженная тишина.

- Ты будешь выполнять поручения комитета?

- Если дадите...

Она слышит голоса Нади Белевцевой, Веры Мухи-ругих девочек:

У них в семье семеро ребят надо учитывать домашнее положение... В чем они за нее вступаются! Дома помогала и помогать. Комсомольское поручение должно быть трудным и важным. Если дадите, буду выполнять,- говорит Оля.

Какое же? - задумался комсорг.- Ну, а если в дружину? По наведению общественного порядка против хулиганов всяких. Против тех, кто нашим не подчиняется,.. Как смотришь? В зале снова оживленно. Она понимает почему.

Маленькая, слабая - и вдруг против хулиганов!.. Таковую, мол, одним пальцем... А пусть только попробуют! Оля упрямо сжимает губы:

- Согласна! И добавляет:

- Не сомневайтесь, не побоюсь!

Перед глазами внезапно встает Уля... Уля Громова... Что чувствовала, о чем думала она, когда принимали ее в комсомол! Наверняка волновалась. Тоже волновалась. Да и можно ли быть спокойной, когда решается твоя судьба, когда делаешь такой большой шаг в жизни! Серьезнее этого шага у нее еще не было.

Стоя на возвышенности сцены, она ощущает на себе взгляды сотен людей. Большинство из них чуть старше ее самой. Но это уже не просто учащиеся-ремесленники - это комсомольская организация, комсомол...

- Принять! - раздается чей-то голос.- Есть предложение - принять!

Еще и еще один голос:

- Принять!

- Принять!

- Ставлю на голосование,- как-то особенно торжественно говорит комсорг.- Кто за принятие Ольги Скопцовой в ряды Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи, прошу поднять руку...

Голосуют все.

Как жалко, что она не сможет показать сегодня дома комсомольский билет! Пройдут дни, пока ее вызовут на бюро горкома, пока новенький билет будет заполнен и вручен. Но она уже комсомолка. С этого дня!

Сердце стучит: доказать... доказать... доказать... И уже кажется малым даже работа в народной дружине, к которой она приступит сразу, завтра же.

Оля не знает, не чувствует, не может и думать, что завтра она совершит нечто большее...

Новорожденная комсомолка спешит домой.

Где-то спит незнакомая ей Маринка - человек четырех лет от роду. Спит в трепетном ожидании увидеть первый в жизни "настоящий поезд"...

Где-то гудит паровоз. Тот или не тот, кто знает!

Они встретятся завтра.

...Но вы об этом уже знаете все.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Первого письма не было. Писем сразу стало много.

Взбухли сумки орских почтальонов, и на сотнях "ертов, открыток, треугольников - "Оле Скопцовой". Это голос народа, биение его сердца. "Незнакомая, милая девочка Оля! Сегодня я про-оала в газете о твоём поступке. Невозможно даже доставить, что ты чувствовала, когда поезд грохотал твоей головой. Но ты преодолела страх во имя ребенка. Как ты мужественна! Такими людьми и наша Родина. Будь здорова и счастлива. Ташкент".

"Здравствуйте, многоуважаемая Оля! Пишут Вам екой Кабардино-Балкарии. Сегодня мы узнали о благородном поступке. Вы - настоящая комсо-настоящий советский человек. Заметку из газе-мы обсудили на комсомольском собрании нашей ительной фабрики. Примите наше огромное спасибо. Механик Коломийцев, слесарь Эфендиев". Олечка, разреши с тобой познакомиться. Меня зо-вут Марией. В этом учебном году - 17 сентября - мне вручили комсомольский билет. Я хожу в 10-й Закончу школу - буду работать на производстве с тобой, подруга! Знаю, что, спасая девочку, ты не думала о своей жизни. Но ты осталась жива! Уверена, что и на своей будущей работе ты останешься а числе лучших. С такими людьми, как ты, можно строить коммунизм. С пламенным приветом М. Буневич. Дер. Таклиново, Гомельская область".

"Привет Вам с Севера! Оля, дорогая, мне хочется сравнить Ваш подвиг с подвигом Александра Матросо-ва, который закрыл своей грудью вражескую огневую точку. С такими, как Вы, Оленька, нам не страшны любые испытания. Не ради корыстной цели, а ради замечательной Родины-матери, овейанной славой в веках, готовы мы на все. Валентин Захаров. Коми АССР".

"Прочла я о тебе, Оля, в газете, и от всего сердца сказала: "Спасибо!" Вот передо мной газета и снимок твой. И мне хочется сказать тебе, простая русская девочка, что я горжусь тобой и люблю тебя, как родную. Уже поздний час, а я все не могу лечь спать. Только что я рассказывала о тебе моим малышам, и они уснули с вопросами о тебе. Оля, тобой гордится вся страна! С материнским приветом Анна Самойлова. Киевская область, г. Дымер".

"Сейчас, когда я пишу это письмо, по радио передают песню "Орленок". В ней воспевается подвиг во имя Родины, во имя мира на земле. Ты, Оля, относишься к лучшим людям нашей страны. Будь смелой, отважной всегда, не бойся трудностей на

пути своей жизни... Я живу в Краснодаре. Это город молодогвардейцев. Прими из города комсомольской славы мой самый горячий привет! Н. Манохин".

"Мы, моряки Краснознаменного Балтийского флота, от всего сердца благодарим Вас за мужественный и самоотверженный поступок при спасении ребенка. Будьте всегда такой же преданной делу партии и комсомола. Ильичев, Сиваев, Жучков и др."

"Привет, Оля! Сегодня в газете "Комсомольская правда" я увидел твой портрет, И вот мне, человеку, которому 56 лет, состоящему в славном комсомоле с марта 1919 года и в партии с 1923 года, захотелось тебе послать свой привет и самые лучшие пожелания в жизни. Расти верной дочерью народа, и ты станешь достойной того, чтобы вступить в ряды нашей великой партии Ленина. А это самая высокая честь! По-отцовски целую тебя. А. С. Жеребчевский. Днепропетровская область, г. Верхнеднепровск".

"Читая о Вас, мы мысленно представляем спасенную девочку как своего ребенка и думаем, что нет предела радости матери. До глубины души тронуты Вашим героическим поступком. Рады будем видеть Вас нашей кавказской земле, примем как дорогую тью. Ирина и Эрнест Мелик-Бабахановы. Степанакерт, Азербайджанская ССР".

От Черновиц и Бреста до Якутска и Магадана... Из толиц и безвестных сел, из всех республик и обла-ей... Большое, отзывчивое у тебя сердце. Народ!

"Оле Скопцовой"...

По-разному произносят это имя венгры и румыны, вьетнамцы и поляки.

Ольга, Олянка, Олиночка...

Это тоже ей!

- Да-да, Оля, почтальоны знают свое дело. И это

И это...

"Здравствуй, незнакомая советская подруга! В од-газете я прочитал о тебе. Нас восхитила твоя храб-ь. В вашей стране было, есть и будет много героев, герои, среди которых и ты, показывают всему ми-что вы любите жить и помогаете другим, которые цятся в опасности. Я хочу переписываться с тобой, вю тебе здоровья и успехов в учебе. В. Букиан. инская Народная Республика, г. Бряза".

"Милая Олиночка, пишет тебе еще незнакомый друг. Я слышала много-много о твоём подвиге и потому решила написать тебе. Давай дружить! Мне исполнилось пятнадцать лет, а в мае будет шестнадцать. Учусь в школе, в десятом классе. Хочу быть хорошей, полезной гражданкой нашей свободной страны. Жду ответа, как Луна ракету! Моника Долинска. Капушани, Чехословакия".

"Удивительная весть о спасении ребенка, игравшего на полотне железной дороги, потрясла у нас в Корею сердца тысяч людей. Наша молодежь говорит, что в своей жизни будет подражать твоему примеру... Ким Чхон Сун. Село Пакчхунри, провинция Северная Хамгендо, КНДР".

Нго Хиу Кан из Ханоя раньше, чем отправить письмо, прочел его товарищам по курсам русского языка, и все вместе старательно исправили грамматические ошибки...

3

Дружба... Нелегко заслужить ее, очень нелегко. Истинная дружба взыскательна, требовательна. Поверишь в человека - откроешь ему сокровенное.

В -Олю поверили.

Об этом говорили те же письма.

Краснофлотец Николай Ж. писал о верности в дружбе. Ему, севастопольскому матросу, очень хотелось поделиться наболевшим, и он рассказал: девушка, которая обещала его ждать, не сдержала слова. Так ли поступают настоящие подруги!

Анатолий Долголев со станции Уза в Белоруссии знакомил Олю со своей семьей. Все любят музыку, все играют, но у каждого есть еще свое, главное дело. А вот он, вопреки уговорам родителей, хочет стать музыкантом-профессионалом. Как она посоветует! Стоит ли упорствовать! Может, это только упрямство!

Леонид Кузьмин из Краматорска, Геннадий Ламбин из Чимкента, Александр Харитонов с Алтая спрашивали, испытала ли она страх и как побороть это чувство.

Александр, между прочим, писал, что он, пожалуй, бы в силах заставить себя лечь на шпалы под идущий поезд, чтобы доказать свою храбрость и выдержку другим, а заодно убедиться в собственной силе воли. Считает ли Оля такое испытание достаточным? И тут же, в той же почте, рассказывал о себе его ка - Саш ко Сова из села Поташи Черкасской области:

"Я тоже лежал под идущим поездом. Но только в обстановке и по другому поводу. Было это два тому назад, когда я только начал работать после ания техникума. Шел с другом по шпалам Домой соседней деревни, были мы слегка навеселе. Услыш-шум поезда. И тут заспорили. Я сказал, что лягу Цмпалы и пролежу, пока поезд пройдет. И лег! Чув-было невыразимое. Хмель моментально исчез, сы стали дыбом. Весь я был в холодной испарине... , это была глупость! Я мог быть раздавлен без вся-пользы, из-за ничего. Своего поступка теперь мне стыдно, и таких "подвигов" я больше не совер-і Совсем иное - Ваше геройство. Я с восхищением " его в пример всем". Письма, много писем.

все были адресованы ей, простой девочке из енного училища, дочери рабочей семьи, комсо-которой еще не успели тогда вручить билет с "том Ильича на обложке...

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Комсомольский билет ей вручали у памятника Ленину. Безумолчно трещала кинокамера. Щелкали затво-аппаратов. Не утихали аплодисменты. А она, до крайности смущенная, сжимала в руке дорожную книжечку и не находила сил сказать хоть слово.

Это было началом.

Слава нарастала стремительно, словно могучий прибор.

Олю наперебой приглашали на молодежные вечера и комсомольские слеты. Десятки дружин и отрядов избрали ее своей почетной пионеркой. В газетах, в журналах появлялись все новые заметки об Олиной жизни, все новые очерки и фотографии. Каждая печатная строчка о ней увеличивала приток писем. Откуда только они не шли, кто только их не писал!..

А затем, когда, казалось, уже все почести были возданы, знаменитый московский диктор, чей голос безошибочно узнают и стар и млад, торжественно прочел:

- "Указ Президиума Верховного Совета СССР..." Указ был о ней.

- "За смелость и самоотверженность, проявленные при спасении ребенка, наградить учащуюся ремесленного училища № 15 гор. Орска Оренбургской области тов. Скопцову Ольгу Ивановну медалью "За отвагу".

Ослышалась! Но вот газеты. Крупный шрифт. Подписи, как под самым важным государственным документом. Внизу: "Москва, Кремль".

Она никогда раньше не была в Кремле. Она не видела Москвы. Она за всю свою небольшую жизнь ни разу не выезжала из Орска. А в столице, в сердце Родины, думали о ней, знали о ее поступке и отметили его так высоко!

"За отвагу"... Почетная, боевая медаль!

И снова поздравления, аплодисменты, потоки телеграмм и писем.

Слава не только приятная, но и тяжелая ноша. Разве мало таких, которые ее не осилили! А ты как, Оля! Ты не окажешься перед ней слабой! Не возгордишься от высоких слов и почетных наград! Не забудешь, что это не только признание, но и доверие!..

Трудным было испытание славой. Как откажешься посетить пионерский сбор, если еще ощущаешь тугой узел галстука под своим подбородком! Как не согласишься пойти к заводским комсомольцам, если сама готовишься быть в их семье! Как не ответишь на письма, если написаны от сердца!

Но на сборе, среди тех, которые не спускают с тебя торженных глаз, ты задумываешься о предстоящих нятях, а на вечере, сидя среди почетных гостей, в млях своих вдруг оказываешься над еще недоделан-чертежом. И в письме, отвечая незнакомому дале-"му другу, пишешь не о том, что испытала тогда, спа-маленькую Маринку, а о сегодняшнем своем дне, дняшних планах. Они - в учении. Они - в овладе-ремеслом...

- Олюшка, пора спать... Поздно уже...

- Ой, мама, да ведь завтра технология металлов!.. - Сегодня выходной день. Ну-ка, гулять! - Еще несколько страниц... Ты же знаешь, папа, трудный предмет техническая механика... А по- пойдут... с малышами...

А- Ты, Ольга, смотри, а то пойдём с отцом в горком комсомола. Собрание за собранием, сбор за сбором -едва уроки готовить успеваешь, а тут еще дежурить на улицах...

- И вовсе горком ни при чем, сама в дружину подалась. Ну, а раз взялась... непросто жить человеку, когда имя его известно многим, когда он почетный комсомолец города, его приводят в пример на всех торжествах и сла-песнях. О чем должен думать такой человек! О _ чтобы оправдать доверие. К чему должен такой : стремиться! Быть достойным.

Пареньки-ремесленники не могли скрыть удивления: да будь у них медаль "За отвагу", не снимали бы с груди, перекалывали с гимнастерки на шинель. А она - вот странная девчонка! - медаль не носит...

Иногда вопросы об этом прорывались. И тогда слышался один и тот же ответ: - А зачем! Я такая, как все...

В этой фразе, по мнению Оли, было, пожалуй, все, что она могла сама сказать о себе.

И не от Оли, совсем не от нее узнавал я, посещая училище, о том, что на втором году обучения она вышла в число лучших по группе. И не сама, а мастер Кофейников (ничего не поделав, выдаю "педагогическую тайну") с видимым удовольствием показывал мне безупречно отфрезерованные ученицей сложные детали для радиально-

сверлильных станков. И не Скопцова, а один за другим несколько товарищей - работников РУ-15 и учащихся - позвонили мне, чтобы сообщить: Ольга превосходно справилась с дипломным заданием и заслужила право на высокий производственный разряд. В тот день мне не удалось найти Олю, чтобы поздравить с успешным окончанием училища, хотя я и искал ее повсюду. Только на завтра, когда мы встретились, я узнал: весь предыдущий день она провела в машиностроительном техникуме. Зачем! Странный вопрос! Да ведь она же поступает туда учиться! Нет-нет, без отрыва от производства. На вечернее отделение... Вот направление на Южно-Уральский машиностроительный, а вот экзаменационный лист с первой отметкой. Жаль, конечно, что не пятерка. Но четверка, говорят, твердая.

- Все идет хорошо,- светло улыбаясь, сказала Оля.

- Очень хорошо,- услышал я от нее же, когда некоторое время спустя побывал в инструментальном цехе Южуралмашзавода и встретился с девушкой у ее станка.- Так интересно работать!

...В том же году была сделана фотография, встреча с которой послужила началом этого строго документального повествования.

Многое вспоминается Оле, когда она думает о ' съезде комсомола. И необычайно праздничная об-ввка изумительного дворца в Кремле... И яркие, лнованные речи молодых шахтеров, колхозников, ых, писателей... И встречи... ...- Космонавты дали согласие...

У доброй вести быстрые крылья. Только что узнал at, а уже повторяют, ликуют все делегаты комсомола Оренбуржья:

- Будем фотографироваться с космонавтами!

С Перед съемками всегда суета. И здесь, в фойе Дворца съездов, то же самое. Ветрена с ми волнует каждого. Всем хочется быть рядом с ним, рядом с Титовым.

Но по немому согласию лучшее место достается Скопцовой. Она садится между космонавтами. Известно о них много-много. И рассказов, и стихов, н. Ей хорошо и легко между ними, будто знако-" целую жизнь. Наклониться бы и сказать Титову: ан Степанович, как душевно вы обо мне написали нет, эти слова произнесены не будут. Кто сказал писал он именно о ней и только о ней! Да разве не тысячи таких!

Фотограф заканчивает последние приготовления. А сленно повторяет слова Титова из книги его дцать космических зорь":

«В нашей стране подвиг - это сама жизнь... Бросившись под поезд, чтобы спасти ребенка, и, по счастью, выскочить в из-под колес невредимым, наш человек может шлепнуть шалуна по одному месту, отведёт его к родителям и пойдет своей дорогой, не думая о вознаграждении, ни о славе, ни о сенсации, {(воспитан, наш соотечественник"

Таких у нас тысячи... Но среди них и она, маленькая, хрупкая, смущенная.

- Снимаю!

И объектив фотоаппарата запечатлевает группу радостно взволнованной молодежи, в центре которой самые знаменитые люди века и она, совсем юная комсомолка из Орска.

ПОСЛЕСЛОВИЕ ДЛИНОЙ В ДВАДЦАТЬ ЛЕТ

Да, уже двадцать лет прошло. И зовут ее все чаще Ольгой Ивановной, а девчата на заводе - "тетей Олей". Стремительно летит время!..

Никаких подвигов она за эти годы не совершала.

- Жила, как все,- разводит Оля руками, будто извиняется передо мною, ее "биографом", за свою "обыкновенность".

Но мне важны не подвиги ее - и одного того, такого вполне достаточно, чтобы сказать: жизнь прожита не зря. "Жила, как все..." - что кроется за этим! каким эталоном она себя меряет!

Итак, закончила училище, стала работать на заводе, поступила в техникум... А дальше!

Еще учась, вышла замуж. Встретились они с Володей, полюбили друг друга, появился на свет Игорек -родилась семья.

Нет, учебе не забросила - только когда переехала к мужу в Пашию (это в Пермской области) и перевелась в индустриальный. Володя (он незадолго перед тем действительную отслужил) тоже там учился - на курс ниже. Но заканчивали вместе. Ей пришлось брать академический. По болезни... Нежданно-негаданно обрушилась беда: потеряла зрение. Сказалось потрясение тех минут, когда на нее с Маринкой лавиной надвинулся поезд... Это страшно, это жутко, когда меркнет белый свет и ты вдруг ничего, ничего не видишь. Но были вокруг нее люди, а главное - был Володя. Покой, участие, любовь вернули ей и свет, и здоровье.

На уральском Севере Олю тянуло "к себе" - в Орск. Переехали. Тут ее знали как комсомольскую активистку, и горком рекомендовал освобожденным секретарем в связь. "Хорошая была у нас организация... боевая..." - вспоминает с удовольствием.

Наташа родилась и заболела - тяжело заболела, еле выходили. Сколько раз переливание крови делали... Она настояла, чтобы брали ее, материнскую. "Я донор со стажем - еще Игорьку давала, да и другим..."

Неподалеку от Орска за эти двадцать лет поднялся всем новый город - Гай. Горно-обогатительный ком-йнат там построили - орденом Ленина уже награжден, АЯ Ленинского комсомола носит... Вот в Гае она сей-и работает. На хлебозаводе. Производственные печи под ее началом. А это значит - хлеб.

Хлеб - и люди. Настроение многих в городе. Трудная жизнь девчат на заводе. Кем она для них! Редактор вгазеты! Профсоюзная активистка! Это - звания официальные. Ей же больше по душе другое: сестренка... старшая сестра...

...Где-то живет спасенная ею Марина - может быть, уже мама. Реже и реже вспоминается Ольге Ива-тот день в шестидесятом, когда она бросилась ерез смерти. Но этот день, те мгновения подвига и отсветом их освещена вся жизнь.

"Агитпоезд имени 60-летия комсомола Оренбуржья возвратился в областной центр... "Музей на колесах" за месяц посетили 26 тысяч человек... Яркими и впечатляющими были встречи молодежи с Ольгой Скопцовой-Завьяловой, о подвиге которой - героическом спасении ребенка - рассказывалось на одном из стендов..."

ПОДВИГ И БЕССМЕРТИЕ

Все это держал я в своих руках задолго до того, как получило оно наименование музейных экспонатов.

Обломки знаменитого Ла-5... Лоскут белого парашютного шелка... Пожелтевший фотоснимок в газете, пролежавший в партийном билете на теле убитого летчика семь лет...

Тогда, в начале пятидесятых, я принес их в скромный домик маленького орского переулка и в волнении положил перед Улитой Ивановной, Прокофием Степановичем, перед всеми горестно притихшими Синчуками.

Так вот где довелось увидеть все снова... Тут, в музее, нашли они свой вечный причал. Музей - это навсегда. Музей - это слово ко всем и каждому. К тем, кто живет сейчас и жить будет во времена грядущие.

...Но текст на стенде так немногословен, так короток. И я беру слово, чтобы рассказать о том, что знаю, подробнее.

1

Солнце собиралось скрыться за лесом, когда группа истребителей, ведомая Синчуком, приблизилась к линии фронта. Шла артиллерийская дуэль, и с высоты были хорошо видны черные грибы разрывов, поднимавшиеся всякий раз на месте падения снарядов. Наступление было в полном разгаре, сейчас наши части готовились к новому решительному броску на укрепленные позиции врага.

Синчук зорко смотрел вперед и по сторонам, но мысли то и дело возвращались к письмам, которые прибыли перед самым вылетом. Письма были от мамы и Танюши. Мать описывала "домашние" новости: все живы, здоровы, Коля получил орден, батька пишет, что до Берлина дойдет непременно, сестра просилась на фронт, но ей сказали, что и в тылу нужны боевые люди. "Отпиши ей, Вася, чтоб не кручинилась попустому",- просила мать. С нетерпением раскрыл весточку от Тани. Она, видно, изверилась в точности почтовиков и заранее решила поздравить с днем рождения. Меньше чем через две недели стукнет двадцать три... Что ни говори, а прибавлять года для пущей солидности уже не приходится. Светлее, радостнее на сердце при мысли, что помнит и ждет...

- С северо-запада, выше облаков, бомбардировщики!

Голос наземного наблюдателя прозвучал в наушники-настолько неожиданно, что Василий вздрогнул. Внимательно глядя в даль, Синчук увидел то, о предупреждали с земли. До двух с половиной де-ов бомбардировщиков шло "клином", по восемь самолетов в группе. Истребителей среди них не было, но это заставляло особенно насторожиться: без "крытия" "мессершмиттов" или "фокке-вульфов" бомбардировщиков с аэродрома не выпустят. С полным бомбовым грузом "юнкерсы" двигались угенно. Казалось даже, что они просто висят в воз-е. Однако расстояние между ними и истребителями быстро сокращалось. Враг, конечно, заметил "ястреба", но уверенный в том, что его численное превосходство заставит наших летчиков отказаться от нападения, меняя порядка в курсе, продолжал идти к цели. Лобовая атака! - твердо сказал Синчук, и тут бавил: - Зададим им, друзья, жару! Истребители ринулись в атаку и сразу сломали "юнкерсов". В разных местах один-два истребителя противодействовали целой группе самолетов врага, заставляя "юнкерсы" поворачивать обратно и о время не позволяя им уходить целыми и невредимыми.

Счет открыл Сиичук. Стремительно бросившись к головному "юнкерсу" ближайшей группы, он приблизился к вражеской машине почти вплотную и, не снижая скорости, полоснул свинцом по одному из самых уязвимых мест. Самолет сначала закачался, потом задымил.

Атака в лоб, последующие бои в группах внесли смятение в ряды противника. Теперь уже не было никакого строя, никакого боевого порядка. В наступившей сумятице два вражеских самолета столкнулись и полетели вниз. Объятый пламенем, падал еще один "юнкере" - с ним расправилась соседняя пара. Сражение становилось все жарче. Синчук уже настиг вторую жертву и ударил по ней из пулемета, когда заметил "фокке-вульфы", приближавшиеся к месту боя. Их было шесть. Истребители шли с большой скоростью, рассчитывая, по-видимому, на внезапный удар.

- Сидоренков, Закревский, смотрите с юга, с юга! - крикнул Синчук. В последнее мгновение атаки на бомбардировщиков он увидел, что еще один "юнкере" потерял управление.

"Фокке-вульфы" вступили в бой. Два из них сразу атаковали Синчука и Ершова, но тут же отвалили - на выручку друзьям бросился Закревский. Он приблизился к ведомому вражеской пары настолько, что увидел перекошенное лицо летчика, и выпустил по самолету короткую пулеметную строчку. Однако тут же, перед самыми, казалось, глазами, блеснула молния и машина задрожала от удара. Зенитный снаряд угодил ей в крыло. Гитлеровцы, словно стервятники, бросились на Закревского.

- Раненых бить не боитесь! - со злобой и ожесточением крикнул Синчук. Вместе с Ершовым он атаковал "фокке-вульфы", которые под яростным нажимом отскочили в сторону.

Закревский, получив приказ возвратиться на аэродром, теперь был уже далеко.

Ободренные подходом истребителей, "юнкерсы" перестали отступать, надеясь все-таки пробиться к цели. Но "фокке-вульфы" не оправдали их надежд. Обескураженные неудачей внезапного нападения и потерей двух своих самолетов (второго поджег Сидоренков, прикрывая отход Закревского), они сами поворачивали на обратный курс.

... - Преследовать! - приказал Синчук.

Умело маневрируя, летчики выбирали выгодную для атаки позицию. Вот, наконец, открылась возможность расстрелять с короткой дистанции самолет, который он приметил раньше - на его фюзеляже, у самой кабины был нарисован пиковый туз. Синчук поймал его черный крестик прицела и нажал гашетку.

Но в тот же момент всем своим существом ощутил, то всегда безотказная машина его не слушается. Рывок ручки на себя, пытаюсь набрать высоту, однако самолет начал валиться на крыло.

Сознание работало ясно: повреждение серьезное и до аэродрома не дотянуть...

Внизу враг, который следит за каждым движением... Выброситься с парашютом! Можно попасть о руки немцев!

Что это там! Зенитная батарея... Жаль, да нее не Тянуть!

Самолет, теряя высоту, летит вниз, а мысли летят быстрее. В последнее мгновение Василий видит, самоотверженно прикрывают его товарищи, про-пжая в то же время атаковать врага. Настоящие боевые друзья!..

"Юнкерсы" снова осмелели... Они уже совсем зко... Зря радуетесь, гады! Все равно не бомбить сегодня наши позиции. Уже идет подкрепление. Так чего

раздумывать! Давно ведь дал слово – до последнего вздоха биться с врагом. До последнего вздоха... А он пока дышит, жив и рука на штурвале...

Таран!

Нечеловеческим усилием заставив самолет повиноваться, Синчук срезал хвост у одного из "юнкеров".

Еще миг - и вражеская машина пылающим факелом понеслась вниз...

В том году зима упорно не желала уходить. Вот уже, думалось, весна взяла верх и не быть больше зимней стуже, как вдруг опять на город набрасывалась метель. И снова на улицах росли сугробы.

Но зима 1944 года не казалась такой долгой и злой. Каждый день был согрет ожиданием: кому сегодня будет салютовать столица!

Страна шла к победе.

Чеканя каждое слово, диктор читал: "Двадцать шестую годовщину Красной Армии народы нашей страны встречают в обстановке исторических побед советских войск над немецко-фашистскими войсками. Свыше года Красная Армия ведет победоносное наступление, громя армии гитлеровских захватчиков и сметая их с советской земли".

Улита Ивановна старалась не пропустить ни слова. Репродуктор был старенький - много лет назад его собрал Вася, а потом не раз чинил Николай. Сколько вестей прошло через него за это время, сколько радостных салютов донес он за последний год до маленького, приземистого домика в тихом переулке!

Что-то долго нет писем от Василька... От Прокофия Степановича и Коли на этой неделе были. Короткие: живы, здоровы. Да разве такое сейчас время, чтобы писать помногу! Вася прислал последнюю весточку полтора месяца назад, да еще через неделю почтальонша Люба принесла "Правду", где про него писали. Вся светилась, читая о том, как Василий с товарищами отбил атаку тридцати семи фашистских стервятников.

Улита Ивановна не слышала, как открылась дверь. Только случайно обернувшись, она увидела Любу, за-мшую на пороге. - Легка на помине...

Но Люба не улыбалась, как обычно, когда прихо-ила в гости.

Женщина порывисто поднялась со своего места, и судорожно сжала край стола. Под пытливым, все-ящим материнским взглядом почтальонша опустила пову. Она прочитала письмо первой: "Василий Про-евич Синчук погиб смертью храбрых".

...Недели две спустя эта горькая весть достигла ма-кого городка почти у самой государственной гра-только накануне освобожденного нашими войска-. И впервые увидели тогда товарищи слезы на глазах малого солдата автоматчика Прокофия Синчука. Длинный путь прошел он, прежде чем оказался На выцветшей гимнастерке - солдатские награ-г "За отвагу", "За боевые заслуги", за оборону и освобождение городов.

Много видел Прокофий Степанович людского горя хлебнул его с избытком. Но потерять такого сына притом на пороге победы!! Отец!

Уж привык к такому обращению. В нем чув-пись не только уважение к годам, но и дань опыту.

Прокофий Степанович сложил полученное от жены письмо. "Как горюет мать!" - подумал с тяжким вздохом повернулся к молодым бойцам, которые его окружали.

Идите-ка, отец, сюда. Тут о вашем сыне пишут. Молодой сержант подал только что полученный номер газеты.

- Указ напечатан, про Героев Советского Союза. Читайте: "капитану Синчуку Василию Прокофьевичу". Это о нем вы нам рассказывали!

- О нем... Да не увижу его с Золотой Звездой!..

И протянул только что полученное письмо. Оно пошло из рук в руки.

С волнением читали однополчане вложенное в конверт письмо боевых друзей Василия. Летчики писали, что долго не могли поверить в гибель товарища, и среди них ходили слухи, будто оказался он в партизанах и так же храбро, как в воздухе, дерется с врагом в лесах...

Под вечер в части состоялся митинг. Его созвали по поводу приказа о наступлении. Никого не удивило, когда после выступления командира слово попросил Прокофий Степанович. Весть о посмертном присвоении его сыну звания Героя Советского Союза уже успела разнестись по подразделениям.

По-солдатски немногословной была речь Синчука.

- Много верст прошли мы с боями. Впереди - чужая земля. Знаем: за каждый куст враг будет цепляться зубами. Но и то ясно - не остановить нас никакими силами. Впереди - победа! Великая, святая, кровью омытая победа... И я, старый солдат, что воевал с немцами еще в ту войну, говорю от всей души: не пожалеем крови и жизни своей, чтобы докапать фашистского гада!

Уже направляясь на свое место, прерывающимся от волнения голосом Прокофий Степанович добавил:

- А я отомщу за моего Василия...

Он сказал это негромко, но люди его слова услышали. И чей-то юношеский голос из строя откликнулся:

- Все мы отомстим, отец!

Прокофий Степанович возвратился в Орск с первым эшелоном демобилизованных. Немного позднее .о- вернулся Николай. Допоздна горел теперь свет в домике Синчуков. Фронтовики рассказывали о пережитом, о боях и походах. Улита Ивановна доставала из сундука письма старшего сына, и тогда казалось, что в разговор семьи вплетается его голос.

Их переулок назвали именем Героя Советского Союза В. П. Синчука. Грамоту Президиума Верховного Со-Щвета СССР родителям вручили в торжественной обстановке - в исполкоме городского Совета. Все чаще и | чаще приглашали на сборы пионерских дружин и отрядов. Некоторые из них носили имя Василия. Шли годы.

И вот неожиданное письмо.

Обратный адрес был незнаком: "Новгородская об-Цйась. Уторгошский район..." От кого оно могло быть! Прокофий Степанович торопливо надорвал конверт вынул лист бумаги, исписанный незнакомым почерком.

"Уважаемые Прокофий Степанович и Улита Иванов-а! - обращался неизвестный автор письма.- Пишет председатель Прусского сельсовета, Уторгошского айона. Новгородской области, Капустин Никанор Фе-арович. Нелегко Вам будет читать мое письмо, но, прочу Вас, мужайтесь. Речь идет о Вашем сыне, об уважа-"ом всеми Василии Прокофьевиче..."

О Василии!! Что нового может сообщить председа-ть сельсовета после того, как семь лет назад, вскоре пе извещения о гибели сына, в дом принесли письмо '; боевых товарищей, в котором они подробно расска-али о его последнем подвиге!

Но, видно, есть что-то новое, заставившее незнако-і человека написать это письмо.

Прокофий Степанович продолжал читать дальше:

"В нашей деревне до сих пор помнят воздушный бой, который разгорелся в феврале 1944 года. Тогда небольшая группа советских истребителей обратила в бегство более тридцати вражеских самолетов и сбила несколько из них, О доблести соколов нам напоминали остовы фашистских машин, валявшиеся на болоте. Знали, что где-то неподалеку должны быть остатки нашего истребителя, сбившего три самолета и погибшего во время тарана. Некоторые жители нашего села утверждали, что он упал в болото..."

Со все большим волнением читал Прокофий Степанович полученное письмо.

"Лето нынешнего года выдалось знойное и сухое. Впервые за последние годы болото немного подсохло. Два наших школьника, Веня Железков и Леша Максимов, отправились туда собирать металлический лом. Шаря багром, они обнаружили крыло самолета, а затем увидели кабину истребителя..."

Прокофий Степанович, наконец, понял, какую весть хотел сообщить ему автор письма. Горький комок подкатил под самое горло, перехватило дыхание.

Большим усилием воли заставил он себя снова взять в руки письмо. Буквы прыгали перед глазами, сливались в одно, трудно различимое целое.

"...Ребята позвали на помощь взрослых. Мы бережно извлекли тело славного сокола. Семь лет пролежало оно, но сохранилось. Нетронутыми временем остались документы. Мы раскрыли партийный билет летчика и впервые узнали имя того, чей подвиг давно уже стал для нас легендарным. "Синчук Василий Прокофьевич",- прочитали мы там..."

- Вася... сынок... - только и сказал Прокофий Степанович, тяжело опускаясь на стул.

Он снова переживал горе невозвратной утраты...

Как сказать матери о письме! После гибели Василия? Она заметно осунулась, постарела. Хотя и не жаловалась, но было видно, что здоровье пошатнулось. Хорошо, что письмо принесли в то время, когда ее нет дома. : Под окном раздались шаги. Не глядя, определила она.

- А я-то тебе навстречу пошла,- сказала Улита ^Ивановна, посмотрев на мужа.- Какой дорогой шел!

- Чего это ты встречать надумала! - вопросом на вопрос ответил он. Как ни горько было на сердце, тливо добавил: - Аль соскучилась! Но улыбка получилась невеселой.

- Проша...- Улита Ивановна порывисто шагнула к ку, и слезы покатались по ее щекам.- Василек наш... "Знает,- понял Прокофий Степанович.- Но от-

Словно отвечая на его немой вопрос, жена протянула свернутое треугольником письмо.

- Вчера принесли... Вечером...

Адрес был тот же, что и на письме, которое он по-п. Но писал другой человек, Железков... Да ведь это нн из пареньков, про которых рассказывает Капустин! Пальцы

плохо слушались Прокофия Степановича, когда он разворачивал небольшой листок из ученической тетради.

"...Так мы нашли тело летчика. Много слышали о его виге, и для нас он, как брат родной. Дорогие роди-пришлите мне, если можно, фотографию Василия ьевича, каким он был в жизни. Буду хранить это вместе с комсомольским билетом, а пойду на во-ую службу - заберу с собой. Хочу быть таким же смелым, как Ваш сын..." Недаром гордятся тобой, Вася... Всей жизнью своей жил, чтобы народ тебя помнил...

- Не убивайся, мать.- Прокофий Степанович положил руку на плечо жены.- Живой наш сын. Такие не от!

А если подробнее, то произошло все так.

Названные в письме Веня Железное и Леша Максимов медленно и осторожно продвигались по бесконечному болоту.

В тот ранний час вокруг никого не было видно*

- Забирай правее,- опасливо поглядывая на чавкающую под ногами почву, проговорил Веня.- Там тропка есть, прямо к березе на полянке. Дед Илья говорил, что где-то возле этого места падал самолет-Береза поднималась к небу прямо и смело. Многие она видела на своем веку, а в прошлую войну была ранена, рубцы бросались в глаза издалека.

Выйдя на опушку и прислонив к дереву предусмотрительно захваченные багры, ребята осмотрелись. По всем приметам самолет надо было искать где-то здесь. Леша хорошо помнил, как года два назад отсюда увозили покореженные, обгоревшие машины с выцветшими, но заметными знаками свастики. Неподалеку должны быть и останки краснозвездного "ястребка". Но где он!

В нескольких десятках шагов начинался мох, поросший карликовыми сосенками да березками. Он простирался на многие десятки гектаров.

На подсохшем болоте, несмотря на ранний час, стояла духота.

- Вроде вчерашнего...- сказал, щурясь на солнце, Веня.- Ну и температура!

- Да, палит не жалеючи,- согласился Леша, снимая с себя рубаху и беря багор.- Начнем искать.

Багры то и дело вонзались в зыбкую мшистую землю, которая цепко за них хваталась. Ребята с трудом вытаскивали их обратно.

Никаких следов...

Приятели разошлись в разные стороны. Они шли неторопливо, место было гнилое, коварное, того и гляди провалишься в трясину. А то еще гадюка ужалит... Надо остерегаться!

Вскоре между низкорослыми деревцами Леша углядел перед собой широкое "окно", полное воды. Сразу определил, что яма глубока. Как она тут появилась! Он оглянулся, выискивая безопасную тропинку, чтобы идти дальше, но неожиданно увидел на противоположной стороне ямы небольшой кусок металла, блеснувший на солнце неясным отсветом.

Сердце учащенно забилось. Неужели часть от самолета!

Не сходя с места, Леша поднял багор и медленно опустил его в воду. Багор прошел легко, ни за что не зацепившись. Зря взволновался: видимо, случайно попал в топь кусочек алюминия, вот тебе и весь самолет. А все-таки надо проверить.

Он осторожно обошел воронку и, остановившись против того места, где блеснула металлическая пластинка, снова опустил багор. На этот раз дерево уперлось 'во что-то твердое.

- Венька-а! - крикнул он изо всей силы.- Сюда!
Железков, который ушел в противоположную сторону, остановился и оглянулся.

- Чего кри-и-ичишь! - сложив ладони рупором, от-пикнулся он на зов приятеля.

- Ко мне-е-е! - еще раз позвал Леша, размахивая рукой.

Поняв, что Веня направился к нему, он вернулся к рерванной работе.

Да, это был самолет. Выступавшая на поверхность таллическая пластинка - часть боевой машины. Ле-даже показалось, что когда он разогнал багром бо-Яотную зелень, совсем близко мелькнула красная езда.

- Ну, зачем звал! - раздался за спиной голос Же-лезкова. И вдруг осекся: - Неужто... Неужто нашел!

- Сам гляди,- отступил Леша, пропуская товарища к воронке.

- Самолет! И вправду - самолет! - громко вскрикнул Веня. Однако, посмотрев в суровое лицо друга, замолк.

О том, чтобы вдвоем извлечь машину из глубокой воронки, не могло быть и речи. Значит, придется бежать в село.

Звать подмогу вызвался Веня. Леша не успел оглянуться, как приятель скрылся за деревьями.

Оставшись один, Леша задумался. Судя по рассказу, летчик не успел выброситься с парашютом. Неужели здесь!

...Вскоре пришла подмога: председатель сельсовета Капустин с группой ребят.

Сколько лет пролежал он тут! С сорок четвертого... Сейчас пятьдесят первый. Значит, семь лет. Целых семь лет!

Кабина, к удивлению всех, снаружи оказалась целой. Это было почти невероятным, но тем не менее не вызывало сомнений. Со всех сторон плотно закрытый купол затянуло густой, зеленой тиной, и это сделало его непроницаемым.

Ловко орудуя маленьким саперным топориком, оказавшимся у кого-то из пришедших, Капустин открыл кабину поднятого самолета.

Летчик был на своем месте. Издали могло даже показаться, что он просто склонился над штурвалом и сейчас поднимется, расправит плечи. Хоть смерть и прошедшие после нее годы оставили свои следы, он, одетый в добротную летную форму, казался живым.

Леша снял с головы кепку и, не в силах преодолеть волнение, мял ее в руках. Притихшие стояли Веня Же-лезков, Павлуша Быстрое, Аполлон Михайлов и другие ребята. Наклонил голову Никанор Федорович.

Хоть бы узнать, как звали...- тихо проговорил то-то из подростков.

Капустин приблизился к тепу летчика. Едва прикасаясь к нему, он ощупью нашел боковой карман кителя и вынул обернутый целлулоидом пакетик. Это был партийный билет. "Фамилия - Синчук. Имя и отчество - Василий Прокофьевич. Год рождения - 1921".

Ребята сгрудились вокруг Никанора Федоровича, араясь получше рассмотреть то, что было святыней ловека,- документ о его принадлежности к великой ии коммунистов.

- Синчук...- вполголоса, почти шепотом повторил иа.

Никогда, сколько жить доведется, ни он, ни его то-рищи не забудут это имя, как не забудут и этого дня! Перевернув страничку, Капустин увидел вырезку из ронтовой газеты. Летчик был запечатлен в ту самую ту, когда только вылез из кабины

после очередного боевого вылета. Внизу значилось: "Мастер воздушного боя капитан В. П. Синчук".

Из партбилета выпал маленький листочек. Веня поднял его. Рукою летчика было написано: ее родителей: г. Орск, Первый переулочек, 16, Прокофию Степановичу или Улите Ивановне Синчук". : Летчик, видно, вложил эту бумажку перед горячим, токим боем. г ...Все медленно направились к селу...Обломки самолета, лоскут от парашюта, фотогра-Г в газете военных лет...С фотографии смотрит совсем еще молодой человек с высоким лбом, открытым взглядом, плотно сжатыми губами.

Нет такого посетителя, который, придя в музей, не задумался над тем, какой ценой досталось нам счастье мирной жизни...

ВОСПОМИНАНИЕ О ПЕРВООТКРЫВАТЕЛЕ

В Оренбуржье по первому пятилетнему плану большое место отводилось изыскательским работам. В этом направлении многое сделал геолог И. Л. Рудницкий. На стенде - фотография знатного разведчика недр и карта разведанных им полезных ископаемых Орско-Ха-лиловского района...

(Из путеводителя по музею)

На семидесятом году жизни Рудницкий вышел на пенсию. Но хоть и стал он пенсионером, в течение нескольких дней я не мог застать его дома.

- Иосиф Леонтьевич уехал с работниками Академии наук.

- За ним прислал машину директор комбината.

- Только что ушел в горсовет.

И вот, наконец, встреча состоялась.

Коренастый человек со снежно-белой головой и глубокими морщинами на обветренном лице встретил открытой, приветливой улыбкой.

- Говорите, трудно встретиться с пенсионером! Да, мы еще потрудимся! И на земле, и под землей дел для нас, геологов, хватает.

Все в квартире говорило о вкусах, привязанностях хозяина. Больше всего здесь было книг и камней. Никелевая, медная, железная руда, кварц, известняк... С ними связаны поиски и находки, разочарования и радости многих лет.

С полок книжного шкафа корешки томов рассказывали о прочитанном.

Маркс и Ленин. Философы. Толстые труды по геологии...

Раскрытый томик Ленина лежал на столе.

- Перелистываю страницы жизни,- проследив мой взгляд, сказал старый геолог.

Это был шестнадцатый том: сентябрь 1909 - декабрь 1910. Страстная ленинская борьба за партию, за ее революционные принципы... Безграничная вера в силы русского пролетариата... Как гордо звучали слова Владимира Ильича, написанные в годы реакции: "Русский народ не тот, что был до 1905 года. Пролетариат обучил его борьбе. Пролетариат приведет его к победе!"

- Мы жили этой верой и несли ее другим,- проговорил Иосиф Леонтьевич.

Как далеки эти годы и как живы они в памяти... Тог-рда молодой слесарь одесского завода "Русского общества пароходства и торговли" на примитивном печатном танке размножал листовки со словами революционной правды, революционного призыва...

Прошло полвека. Он уже не помнил точного содержания той листовки, которая печаталась накануне пятой годовщины Кровавого воскресенья. Но этой листовки, как огня, боялись царские приспешники.

Полицейским ищейкам удалось выследить группу однопольщиков. В ночь на 9 января 1910 года Рудницкий был арестован. Приговор судебной палаты гласил: "В ссылку на поселение, в места не столь отдаленные Восточной Сибири".

Арестантским вагоном до Красноярска, баржей вниз Енисею, а там - в дальнюю деревню... Этап провел почти через всю Россию, чтобы на долгие годы оставить в сибирской глухомани, вдалеке от товарищей по борьбе.

Единственным предприятием в тех местах, где оказался Рудницкий, были небольшие, полукустарные золотые прииски. На одном из них и начал работать ссыльный.

Здесь он впервые заглянул в глубь земли. Здесь родился в нем геолог.

Необычным изобилием поразила сибирская земля новичка-шурфовщика. Вот если бы народ был хозяином всему этому, если бы не кучка капиталистов, а простые люди взяли в свои руки эти несметные богатства... Чем больше проникал в тайны недр, тем чаще, острее сверлили мозг такие мысли.

На приисках Рудницкий встретил революцию. Ссыльный стал свободным, рабочий - заведующим разведками, а потом и всем прииском.

Сибирь кишела белогвардейскими бандами. Колчак старался задушить молодую Республику Советов. Каждый час приходилось быть начеку. Не раз вместе с другими Рудницкий брал в руки винтовку, чтобы отбивать вооруженные налеты белобандитов.

- Мы здесь и красные геологи, и красные бойцы,- говорил присланный партией на прииски комиссар Отто Петрович Егерь.

Работа в суровой обстановке гражданской войны учила мужеству. Потребовалось - и Рудницкий стал военным сапером. Глубокой осенью, сменившейся бурными зимними днями, он возглавил строительство семидесятикилометровой дороги в тайге. Эта дорога имела большое значение для добычи золота и других полезных ископаемых, нужных Советской Республике. Строители дороги стали боевым Отрядом, а их руководитель Рудницкий - командиром этого отряда.

С тем же вниманием и нетерпением, с которым тогда, в Одессе, участники подпольного кружка РСДРП ожидали газет со статьями, подписанными "В. Ильин", ждал сейчас Иосиф Леонтьевич новых указаний Ленина - главы первого в мире государства рабочих и крестьян. Владимир Ильич Ленин призывал к напряжению в борьбе с врагами, к ликвидации разрухи. И Рудницкий не мог оставить край, куда попал не по своей воле, но который стал теперь своим, советским... Только 1923 году Рудницкому удалось осуществить свое желание - поехать учиться.

В дальней дороге настигла его тяжкая весть: умер Ленин. Не было слов, чтобы высказать, не было слез, бы выплакать великое горе...

Рудницкий думал о том, как после ученья он вернет-в эти богатые, покинутые им места, чтобы открыть перед народом новые клады природы.

Но получилось так, что возвратиться не пришлось.

- Значит, в Сибирь, коллега! - переспросил своего сорокалетнего выпускника профессор горного института.- Одобряю! Сибирь для нашей профессии - вето замечательное. Но...- Он посмотрел в глаза Рудницкому.- Но... я бы попросил вас сделать кратковременную остановку. Это по пути. Оренбургский горный крайне

нуждается в геологе. Хотя бы на три месяца, -Нет-нет, не думайте,- от Сибири я вас не отговариваю.

Отказать своему учителю Иосиф Леонтьевич не мог. На целых три месяца! - обрадованно проговорил управляющий трестом, когда Рудницкий разыскал в одной из палаток возле станции Халилово; Мы никелем занялись, а специалистов - раз-два и г лея... Так только на три месяца! Да здесь работы сю жизнь. Впрочем, решите сами...

- Эти три месяца растянулись на тридцать пять

- улыбнулся старый геолог.- Не смог уехать! Црудницкий с кайлом и молотком исходил сотни ки-"ров, прощупывая каждую пядь земли.

Год спустя неутомимый разведчик был вознагражден замечательным открытием. Недра района, как обнаружил геолог, хранили в себе слой железняка. Край-совнархоз выделил средства на продолжение разведок. И разведки убеждали: месторождение протянулось на сотни километров - до границ Башкирии на севере и казахстанских степей на юге.

Но возникли сомнения: в рудах было обнаружено значительное содержание глинозема. "Тугоплавкие! - раздались голоса.- Для металлургии непригодны!"

Геолог еще и еще раз брал в руки лабораторные анализы. Их данные подтверждали, что недра района хранят в себе не обычные бурые железняки: примеси хрома, никеля, марганца придают рудам особое значение.

Спор могла решить только опытная плавка. Ее провели на домне в Верхней Туре. Видные ученые-металлурги признали: руды вполне пригодны, плавки идут отлично.

Потом появились новые сомнения.

- Да, руда плавится. Но что толку от этого металла! Его нельзя обрабатывать - слишком уж он твердый!

Новые опыты доказали, что халиловский чугун, ха-лиловская сталь отлично поддаются обработке. Большая прочность металла означает удлинение срока службы всего, на что он пойдет: тракторов и рельсов, паровозов и автомобилей, судов и конструкций.

Геологи во главе с Рудницким продолжали поиски. Геологическая карта обширного района становилась все более ясной. Она собрала вместе известняк, глины, кварциты, формовочные пески. Кажется, сама природа сделала это для того, чтобы дать людям возможность развивать тут производство высококачественного металла.

На повестку дня стал вопрос о строительстве металлургического комбината в непосредственной близости от месторождения.

"Халилово - основной рычаг индустриализации края!"

"Халиловские недра зовут!" "Новый вид сырья для черной металлургии"... Такими были заголовки в газетах, сохранившихся у "Иосифа Леонтьевича. Это были газеты трудных дней первой пятилетки.

О кладах, скрытых в недрах русской земли, с зави-|'стью писала буржуазная печать. Когда участники Международного геологического конгресса приехали в эти [места, они были поражены богатством месторождений, открытых Рудницким.

Все шире развертывалось промышленное строитель-тво. В Орске возводился крупный комбинат никелевой ромышленности. "Нам очень нужен свой никель!" - эти слова Серго Орджоникидзе, сказанные им в беседе геологами, часто вспоминал

Рудницкий. Большую радость испытал Иосиф Леонтьевич, когда смог сообщить каждому об открытом им и его помощниками месторождении в Аккермановке.

И все-таки главным в мечтах геолога оставался комбинат черной металлургии. Он верил - такой комбинат непременно поднимется в этих местах, ставших уже одними.

С несказанной радостью узнал Рудницкий о том, что XVIII съезде партии каждому делегату была вручена книга "Орско-Халиловская проблема", а потом в решении съезда прочел: "Начать строительство новых металлургических заводов на Южном Урале (на халиловских и бакальских рудах)".

Прошло немного времени, и из столицы прибыла специальная комиссия для окончательного выбора площадки под новое предприятие.

...Вспоминается наша первая встреча с Рудницким. Это было в 1942 году. По заданию редакции я поехал на рудник - нужно было рассказать в газете о людях, которые в трудных условиях добывали сырье для металлургии.

Зима выдалась морозная, снежная. Рудник не достроен, механизмы не успели завезти. Большинство горняков ушло в армию.

- Ее муж тоже на фронте,- сказал Рудницкий, указывая на женщину, которая работала так сосредоточенно, словно боялась упустить хотя бы минуту.

- Наверное, трудно женщине в руднике...

- Трудно, конечно. Но у нее до войны здесь муж работал. О другом деле она и слышать не хочет!

В тот день женщина - фамилия ее была Матросова - дала нам гораздо больше информации, чем мы ожидали. Она молча выслушивала поздравления и только один раз улыбнулась - когда к ней подошел Рудницкий. Улыбнулась, как дочь отцу.

Я побеседовал с Матросовой. Ровесница Октября. Была домохозяйкой. Сюда привела война.

- Всем нам нынче нелегко,- сказала женщина. И стала говорить об Иосифе Леонтьевиче: - Днем ли работаешь, ночью - всегда с нами. Для мирной жизни, говорит, открывал эти богатства. Теперь они пригодились фронту.

В тот день на руднике я Рудницкого больше не видел. Он уехал на карьер огнеупорных глин - шла подготовка к пуску завода шамотного кирпича.

Наша вторая встреча произошла позднее. Она была короткой, но запомнилась. Разговор зашел о творчестве Горького, с произведениями которого Рудницкий познакомился еще в годы первой русской революции.

- Что говорил Горький, помните! Жизнеутверждающих чувств много: горе и преодоление горя, страдание и преодоление страдания, преодоление трагедии, преодоление смерти. Очень это верно!.. Нет, горе нас не согнет. Присмотритесь к людям - у каждого болит сердце, так болит, что не передать словами. А как работают!

О себе он не сказал ни слова. И только от других узнал, что накануне Рудницкий получил сообщение о гибели сына. Старый геолог мечтал видеть его наследником своего любимого дела...

После войны строительство ускорилося. Иной старая рудная база. Здесь было теперь вдоволь механизмов, металлургическим заводом рудники связала железная дорога. Появилось много людей, хорошо знающих дело, и специалистов, и рабочих.

Главный геолог комбината Рудницкий поселился с семьей в Новотроицке - юном городе металлургов и строителей. Но большую часть своего времени он проводил на рудниках, в горах и степях.

Шкафы и подоконники, все свободные уголки ра-вчей комнаты Рудницкого заняли камни. Пришло вре-ря, когда среди сотен камней появились образцы пер-чугуна и первой стали ОХМК. Эти четыре буквы, означающие "Орско-Халиловский металлургический лбинат", известны всей стране.

Теперь в нем, этом городе, есть улица Рудницкого. Протянулась такая улица и через Гай. Странствуя как-то по степям, обратил Иосиф Ле-ггьевич внимание на явные признаки медноколчеданных руд. Много сил вложил он в разведку месторожде-И сейчас открытый им и другими геологами бога-йший клад природы - это база уже прославленного, рденоносного горно-обогачительного комбината, сердима нового, молодого и молодежного, города. Рудницкого давно уже нет. Но живы заводы и го-а, которые на долгую и славную жизнь "благослови он.

О нем знают даже те, кто никогда его не видел.

О нем помнит весь благодарный Южный Урал.

И в скольких музеях края - городских, народных, школьных - можно увидеть сейчас портрет пионера-первооткрывателя!

Вот о чем думается, вот что вспоминается мне, когда я останавливаюсь у этого стенда в областном краеведческом...

КОНСТАНТИН БЕРЕГОВ - ПОЭТ МАУТХАУЗЕНА

1

Когда я слышал эти строки! Когда и где! И вдруг вспомнилось: один из вечеров вскоре после войны, собрание нашей городской литературной группы, задушевный разговор о военных путях-дорогах, рассказ Кости

Берегова...

Тогда-то и прозвучали эти стихи. Да, те самые, которые приводит кандидат исторических наук Е. Бродский, рассказывая о созданной советскими офицерами в фашистских лагерях тайной организации "Братское содружество военнопленных", сокращенно - "БСВ". Так и называется статья, напечатанная в августовской книге "Нового мира" за 1957 год.

Сомнений в том, что строки, приведенные в журнале, принадлежат перу товарища, у меня не было. Во-первых, тогда, после разговора в литературной группе, он по моей просьбе передал мне полный текст своей поэмы; отыскав ее, я без труда нашел процитированные четверостишия. Ну, а во-вторых, автор статьи называл имя и фамилию. Рассказывая об импровизированном вечере самодеятельности, устроенном военнопленными в штрафном бараке Моосбурга, он писал: "Инженер-черноморец Константин Берегов прочитал свою поэму "Мечты и воспоминания военнопленного". Очевидно, эта поэма далеко не безупречна с точки зрения законов стихосложения, но волнение, с каким она была написана и прочитана, произвело неизгладимое впечатление на всех, кто находился тогда в зловещем бараке".

Более точных указаний, кажется, и не требуется. Но в том-то и беда, что, кроме фамилии и имени, не совпадало ничего. Я хорошо знал, что Берегов не инженер, Ц а рабочий-электрик, только за несколько лет перед тем оокончивший десять классов вечерней школы, что он не черноморец и не моряк, а ярославец и танкист, что среди мест, куда его забрасывала тяжкая судьба пленника, Моосбургского лагеря не было. А стихи - его, имя, фамилия - его...

Рассеять недоумение мог только сам Константин.

Нефтеперерабатывающий завод в Орске.

- Берегов! Он недавно ушел. Завтра! Завтра у него выходной. А вы позвоните в "Нефтяник", нашу завод-

- --Ю многотиражку. Он там член редколлегии...

- Был Константин Семенович. Принес материалы ейда по экономии электроэнергии. Ушел. Кажется, со-ирался в библиотеку...

- Да, заводская библиотека. Мы как раз подбирали для него новые стихи немецких поэтов. Из журналов германской Демократической Республики. Для перево-а, говорит. Позвать к телефону! Но его нет - был и прощался. Вечером вы его найдете в Доме культуры, ем готовят программу агитбригады, а Берегов - автор. В тот день найти Константина Берегова так и не алось. А на следующий он сам появился в редакции ородской газеты.

- Принес новую басню. (Посмотрите. Я показал Косте журнал. Статья его взволновала.

- - Моя поэма,- сказал он, закончив чтение.- "Тоска по Родине"... - Помолчав, Берегов добавил: - Но там, в Моосбурге, читал не я. Меня к тому времени упрятали в Маутхаузен.

Сочинять стихи он начал в плену. Константин был рабочим парнем. Пятнадцати лет пришел на Ярославский электромашиностроительный завод, стал учеником слесаря. В армии Берегов освоил военную специальность танкиста. Войну встретил командиром танка.

...Кровопролитные бои на границе, Смоленск в сорок первом и Харьков в сорок втором - разве забудешь такое! Воевал он как подобает. Комсомольцы избрали его своим комсоргом. В мае 1942-го, когда шли бои на Харьковском направлении, Берегов стал младшим политруком. По нему равнялись товарищи, он дрался храбро. В районе Изюма-Барвенково наши танкисты столкнулись с численно превосходящими силами врага. Тяжело контуженный, с несколькими пулевыми и осколочными ранениями. Берегов попал в плен.

Он помнил все. И пересыльный лагерь во Владимир-Волынске, где ему довелось встретиться с друзьями-земляками, и затеянный ими побег из поезда по дороге в Ченстохов, закончившийся гибелью большинства участников группы, и порцелановую фабрику в Кро-нахе, владелец которой избивал русских рабочих резиновыми велосипедными шинами. Особенно памятен завод автомобильных кузовов в Кюпсе. Здесь, в обстановке постоянной слежки, когда за малейшую "провинность" грозила смерть, пленные продолжали борьбу. Они сначала замедляли темпы изготовления и сборки кузовов военных машин, оттягивали выход их за ворота, а потом научились вредить еще ошутимее - выводили из строя машины. Сыпали в цилиндры наждачный . песок, набивали ватой и ветошью штуцера, и каждый раз, провозжая "обработанные" таким образом автомобили, радовались: далеко не уйдут, долго не прослужат. Здесь, в Кюпсе, Берегов написал свои первые стихи.

Лживой фашистской пропаганде, издевательствам над всем, что было дорого, плетям надсмотрщиков и опостоянному полуголодному существованию надо было противопоставить коммунистическую идейность, стойкость духа.

Военнопленные советские офицеры решили каждый вечер, по возвращении с работы, устраивать в бараке за колючей проволокой своеобразные агитконцерты. От каждого требовалось извлечь из памяти песни, стихи, вспомнить прочитанные книги, рассказы о боевых подвигах фронтовиков. Всем этим надо было поделиться с другими. Пели хором - тихим, порой нестройным, а рассказывали по очереди: сегодня

один, завтра другой Сибиряк Федор Сиволобов знал русские народные песни. Иван Антонов, земляк Константина, помнил емало стихов о Родине. Александр Ковалев зареко-! мен д овал себя неистоцимым на анекдоты, среди ко-орых многие посвящались "фюреру".

- Книжку бы...- сказал однажды кто-то из пленных.- Хоть рассказ какой!..

Константин решил сочинить рассказ. Это был рассказ о советском юноше, который ушел і фронт и в одном из боев, полуживой, попал в руки фашистам. Его вынуждали изменить, стать наемни-ом, пойти воевать против своих. Но ни уговоры с щедрыми посулами, ни пытки не могли сделать комсомоль-' предателем. Он погиб, но остался верным долгу. Слушали с большим вниманием.

"- Сам сочинил! - спросил Константина Сиволо* бое.- А стихами можешь!

Берегов покачал головой. Но на следующий день он прочел товарищам свое стихотворение о любви, которая выдерживает самую долгую разлуку. С тех пор новые стихи стали появляться довольно часто. Бесхитростные, не всегда складные, они волновали тем, что говорили о самом дорогом для каждого. Уроженцу Кавказа Королеву Константин посвятил стихи о красотах кавказской природы. Алябьеву, тосковавшему по невесте, рассказал о верности наших девушек, об их любви.

Берегов стал признанным поэтом военнопленных в Кюпсе.

А он задумал сочинить поэму. Поэму, в которой были бы и воспоминания о прошлом, и ненависть л врагу, и вера в будущее. Почти месяц это всецело занимало его мысли. На заводе, в бараке рождались строка за строкой. Они складывались в памяти - записывать не представлялось никакой возможности.

Как-то вечером, поднявшись на нарах, Берегов сказал:

- Я прочту вам поэму "Тоска по Родине"... Это было в июне 1943 года.

Берегов записал поэму на бумаге только после освобождения. Записал так, как он сложил тогда, в Кюпсе.

Зла и безрадостна жизнь в угнетении. Я, хоть и юн, но ее испытал. Будучи ранен на поле сражения, Полуживым в плен фашистский попал.

Находясь в логове врага, он думает о Германии, оскверненной гитлеровской нечистью.

За вольные мысли здесь пуля и плаха, Здесь душат, пытаются и казнят людей. И родину Шиллера, родину Баха Они превратили в обитель смертей.

В мыслях своих поэт на родной земле:

Сквозь прочные прутья решетки железной Гляжу на восток, грусть в душе затая. О Родине нашей - России чудесной Сейчас вспоминаю, вздыхая, я.

Автор как бы совершает путешествие по Советскому Союзу. Он охватывает взглядом всю страну - от Москвы до Амура, от Кавказа до тундры и находит искренние, теплые слова для каждого уголка любимой им земли.

- Как ты прекрасна! Как ты богата! - восклицает он.

Берегов пишет о светлой юности, о больших планах, нарушенных гитлеровским вторжением.

Фашисты прервали мирный труд народа, посягнули на его счастливую жизнь. Но нет, их планам не сбыться!

Скоро услышим мы вести чудесные, Бури с Востока к нам движется шквал, С окон сорвем мы решетки железные И запоем "Интернационал".

Это написано вдали от родной земли, за колючей проволокой. Написано одним из тех, кто представлялся офашистам навсегда растоптанным. Нет, говорил своей

[поэмой Константин Берегов, дух пленников не сломлен, Г их вера в победу неугасима, советский народ победит!

Стихи произвели глубокое впечатление. Свою поэму автор читал на протяжении многих вечеров, иногда дважды в вечер. Скоро ее заучили другие. Первым рйрочел поэму наизусть лейтенант-артиллерист Олег Федотов. Он первым и увез ее отсюда.

В лазарете для военнопленных в Эбельсбахе действовала сильная подпольная организация. Здесь был один из центров "Братского содружества военнопленных". Руководили им военные врачи из пленных. Пользуясь тем, что в лазарет стекались люди из различных команд, они хорошо знали положение дел и проводили большую работу по организации побегов, саботажа, антифашистской пропаганды.

Попав сюда, Федотов прочел поэму Константина Берегова вслух, а затем, отвечая на вопросы подпольщиков, рассказал о ее авторе.

В Кюпсе между тем создалась тревожная обстановка. Гестапо стали известны акты саботажа, вредительства. Усилился надзор. За малейшее ослушание строжайше наказывали. Под видом нового пополнения в команду заслали провокаторов.

Стремясь вывести из-под удара автора патриотической поэмы, подпольщики эбельсбахского лазарета позаботились о том, чтобы Берегов оказался среди "больных". Две недели провел Константин в лазарете. Он познакомился и сблизился с теми, кто являлся душой всей работы среди военнопленных. Не раз в стенах мрачной лечебницы звучали строки его поэмы, другие стихи, написанные в неволе. Их запоминали и увозили десятки военнопленных, побывавших в Эбельсбахе. Их передавали девушкам с Украины и Белоруссии, томившимся среди чужих людей.

Берегов попал в госпиталь вовремя - в Кюпсе прошли аресты. Будь Константин на месте, он неминуемо оказался бы в руках гестапо. Но лазарет лишь отсрочил черный час. Гестаповцы добрались до подпольщиков Эбельсбаха. Вожаки организации БСВ были арестованы и вскоре казнены. Двести русских военнопленных из лазарета отправили в концлагери.

Константина среди них не было. Несколькими днями раньше он возвратился на прежнее место. Но тайная полиция пошла по следу всех, кто в течение последних месяцев находился в лазарете.

К тому времени в руки гестапо попало несколько рукописных текстов поэмы. Под некоторыми из них стояла фамилия автора.

Берегова арестовали.

Так он оказался в Маутхаузене.

Но и в этом страшном лагере смерти Берегов продолжал писать. Здесь родился его "Марш военнопленных":

Эй, друзья, не раздумывай много, Сети проволоки с кольев срывай. Шире грудь! Выходи на дорогу И навстречу победе шагай! Силу духа советских людей Пусть увидят Европы народы. Близок час. Когда для нас Засияют зарницы свободы.

Замечательным примером для Берегова и его товарищей являлся героический побег узников двадцатого блока. К такому побегу готовились и они. Уже были заряжены огнесмесью огнетушители – основное оружие прорыва.

План, однако, осуществить не удалось. Лишь счастливый случай помог военнопленным избежать гибели газовых камерах, дожидаться долгожданного часа освобождения.

Поэма "Тоска по Родине", стихи, написанные в Ма-хаузене, сейчас, как дорогая реликвия, хранятся в ее.

А в библиотеке его - в альманахах, сборниках, га-тных подшивках - многие десятки стихов и басен мирных лет жизни орского электрика Константина Белевоеа.

Людам они по душе. Людям они нужны.

ЧАСЫ СТЕФЕНСОНА

Впервые я увидел эти часы во время одного из многочисленных своих журналистских интервью.

- Извините, мне пора!

Начальник депо, сказав это, указал на циферблатчасов. Жест был понятен: ничего не поделаешь, время торопит.

Но часы...

Часы эти, размером со средней величины будильник, имели много лет от роду. Такие сейчас увидишь только изредка, да и то среди вещей, которыми обычно не пользуются.

- Часы Стефенсона,- подмигнул мне третий участник беседы, председатель профсоюзного комитета.

Его словам я улыбнулся, как шутке.

Однако сам владелец шутки не поддержал.

- Век идут, а не подводят,- проговорил он. И я почувствовал: Стефенсон упомянут не случайно, кроется здесь какая-то тайна.

Несколько дней спустя я пришел в депо снова. На этот раз из-за старых часов специально.

...Разгадка явилась не сразу. Она потребовала поисков и путешествий.

Путешествие в глубины лет...

1

Двое юношей покидали Лондон.

Стоя на борту судна, они, не отрываясь, смотрели вдаль, туда, где остался покинутый ими большой, шумный город, и представляли себе высокую худощавую фигуру отца с рукой, застывшей в прощальном взмахе.

Сын чернорабочего и сам сызмальства поденщик, до пятнадцати неграмотный и до двадцати без определенной профессии, отец рано узнал голод и холод, познакомился с нуждой. И вот встреча. Не с добрым волшебником и не со щедрым богачом - с Джорджем Стефенсоном. Тем самым, кого впоследствии стали именовать "отцом британских железных дорог".

Ко времени их знакомства была построена Манчестер-Ливерпульская дорога. На ней отец и увидел первый в своей жизни паровоз. Увидел и, как говорится, прикипел к нему сердцем. С тех пор это стало его жизнью, его мечтой. Он с неизменным восторгом смотрел на поезда, завидуя не только машинисту, а и тому верховому, который ехал с флагом перед паровозом, убеждая публику уходить с рельсов.

Затем он зрителем быть перестал: копал землю под полотно, укладывал шпалы и рельсы, ремонтировал паровые двигатели, собирал новые. И, наконец, поднялся в

кабину. В рейсе на только что открытой линии от Лондона до Бирмингема он стоял рядом со знаменитым изобретателем. А ко времени отъезда сыновей Эдуард был уже первым помощником начальника локомотивного депо Лондон.

Хоть и на склоне лет, с бедностью он расстался. (Сыновьям не грозили голодные дни и холодные ночи. Ему с ними было бы тоже лучше и уж, конечно, не так одиноко. Но сыновей-погодков не удерживал. От него унаследовали они страсть к железным дорогам. С ним, совсем маленькими, совершили братья первую в их жизни поездку на паровозе.

Теперь паровозы завода Байер-Пикок, погруженные на большие суда, держали путь на восток. На восток, в Россию, направлялись Марк и Джон Летчфорды. Но с какой стати вспоминаю я о старом Эдуарде и сыновьях!

Все станет понятнее, если скажу, что фамилия владельца часов - Летчфорд.

Такая же, как у помощника начальника депо Лондон и его сыновей, что когда-то отправились в Россию. Часы братья получили от отца. - Машинисту без часов нельзя,- сказал он при прощании.

Однако часы у него были одни. И, передавая их Джону, отец поставил условие: пока их пусть хранит старший, но потом они должны перейти к тому, кто первым добьется чести повести поезд.

Часы стали единственным богатством, привезенным братьями на незнакомую русскую землю.

Рассматривая часы, я обратил внимание на одну неброскую деталь. На внутренней, со стороны часового механизма, крышке искусной рукой гравера был сделан маленький рисунок. Он изображал... тройку.

Лихая, удалая русская тройка, как оказалась ты на английских часах!

Выяснить это было не просто. Пришлось связаться с Летчфордами в других городах страны, Летчфордами, которые стали Поповыми, Лисинными, Егоршинными, Ши-шовыми, но являются ветвями одного и того же старого дерева. С тех пор у меня есть немало новых друзей в Москве и Саратове, Ленинграде и Балашове, Горьком и Мичуринске. Без них этот очерк не родился бы. Без них не узнал бы я и того, как появилась на крышке часов рожденная в России тройка.

...Когда часы достались Марку (отцовское желание он осуществил первым), молодой машинист пошел к часовщику, чтобы выгравировать свои инициалы. Но английского языка тот не знал, как не знал русского заморский парень с часами. Кое-что прояснили жесты. Мастер понял: его клиент желает украсить вещь каким-то особым знаком.

В просьбе ничего необычного не было. Часовщик, он же гравер, привычно подал несколько образцов. Молодой англичанин, как ни старался держаться степенно, увлекся картинками и... о первоначальном намерении своем забыл. Несколько минут спустя палец его указал на облюбованный рисунок - тройку.

- Россия,- бросил мастер.

Только позднее стал понятен Марку затаенный смысл восклицания часовщика.

Понял, когда прочел Гоголя: "Не так ли и ты, Русь, что бойкая необгонимая тройка, несешься! Дымом дымится под тобою дорога, гремят мосты, все отстает и остается позади... Чудным звоном заливаются колокольчик; гремит и становится ветром разорванный в куски воздух; летит мимо все, что ни есть на земле, и, косясь, постораниваются и дают ей дорогу другие народы и государства".

Он, Гоголь, сказал то, чего не договорил часовщик, гравировав тройку на часах Марка Эдуардовича Летчфорда...

"В развитии ж.-дорожного строительства России было два периода громадного подъема, конец 60-х (и I начало 70-х) годов и вторая половина 90-х годов. С 1865 по 1875 г. средний годовой прирост русской жел.-до-рожной сети составил 1/2 тыс. километров..."

Это выписка из ленинского труда "Развитие капи-ализма в России", его раздела о развитии железно' орожного транспорта.

В самом центре большого дела оказались сыновья фенсоновского соратника.

Тут началась их самостоятельная трудовая жизнь. Начало... В юношеском воображении оно рисова-сь по-иному. Там, в Англии, думая о своем будущем суровой, дикой России, Марк и Джон представляли себя чуть ли не главными специалистами и наставниками "необразованных русских". Они окончили железнодорожную техническую школу в Лондоне - ни в Петербурге, ни в Москве, как утверждали люди сведущие, таких школ не было. Они знали все марки паровозов - от "Планеты" до "Патентованного" и "Атланта"; в Россию же, насколько осведомлены были братья, отправлялась одна из первых, очень небольших партий локомотивов. Практику тот и другой проходили на "громадных, невиданных" английских железных дорогах - на русской земле, как им говорили, о таких могли только мечтать.

Они ехали, чтобы стать учителями. А попали в ученики. Инженерных постов им не предложили.

- Англичане! Работать! Добро пожаловать! Окончили техническую школу! Хорошо! В слесари пойдете!

Ол райт!

Да-а, рассчитывали на другое. Только и слесарить интересно. Отец вот сколько лет был слесарем...

Не много времени потребовалось для того, чтобы убедиться: Россия и впрямь сурова, да не так уж дика. Железной дороги в шестьсот с лишним верст не имела и Англия, а тут ее построили, притом лет за двадцать до их приезда,- это между Петербургом и Москвою. О, инженеры у них сильны. А какие рабочие!.. Сами локомотивы строят. И машинисты свои: паровозы водят так, словно дело с ними имеют всю жизнь.

К одному из русских машинистов Марк попросился в кочегары. Чувствовал - не попасть ему иначе на паровоз, так и застрянет на ремонте. Джон перевелся было в контору, но послушался совета брата и тоже ушел кочегарить.

Машинистом Марк стал раньше своего старшего. Тогда-то и обрели отцовские часы нового, законного хозяина. Тогда и появилась на их серебряной крышке русская тройка.

Письма из Англии приходили не часто.

Отец по обыкновению своему был немногословен, сдержан и на жизнь не сетовал. Но нужны ли слова, чтобы понять: тяжело, устал, одинок и... ждет!

Значит, пришло время решать: возвращаться или...

Марку к тому времени предложили переехать в Козлов. Новое депо, новая линия, новые паровозы. Первый рейс обещают!..

- А меня в Орел зовут,- сказал Джон (все звали его теперь Иваном).- Заманчиво...

Долго думать им не дали. Двумя или тремя днями позднее у них спросили ответ окончательный.

Братья согласились. Только сейчас, пожалуй, они заметили, как выросли в эту страну и полюбили ее народ.

Воспоминания об Англии чем дальше, тем больше покрывались пеленой времени, такой же густой и плотной, как лондонский туман в тот прощальный день несколько лет тому назад.

Отцовские часы всегда были с Марком Ивановичем (так на русский манер стали величать его все). По ним он подъезжал к станциям и полустанкам. По ним сверял скорость движения и время остановок. По ним * протекала вся жизнь.

- Да какой же русский не любит быстрой езды! - спрашивал он, когда заходила речь о возможностях новых паровозов.

И никто не вспоминал, что этот человек вовсе не "природный русак".

В скорости с ним мог померяться только один человек - Козлов Иван. "Злыми соперниками" они, однако, не были. Напротив, дружили, да так, что водой не разольешь. Иван все сокрушался, что нет у него сестры и не суждено им породниться. Зато стал он и дружкой, и братом, и крестным.

Женился Марк на дочери машиниста. До четвертого колена был связан ее род с железными дорогами. Свадьба соединяла как бы две железнодорожные династии. Династии рабочих.

Женитьба парня из далекой страны на дочери русского машиниста стала праздником для всех его друзей.

Утром следующего дня Летчфорда вызвали в полицию. В тревоге переступал он порог мрачного заведения в центре Козлова. С этим учреждением Марк предпочитал никаких дел не иметь.

Что же произошло!

В чем провинился, чем проштрафился!

Но пригласили его лишь затем, чтобы сообщить: отныне он из списка иностранцев исключается. Давнее ходатайство о принятии в русское подданство было, наконец, удовлетворено.

...Двадцать лет был машинистом Марк Летчфорд.

Марк Летчфорд-старший.

А был и младший!

Но раньше, чем рассказать о Маркс-младшем, мы отправимся в Уральск.

Жил в Уральске старик, которого знали, кажется, все. Когда я, впервые услышав о Георгии Васильевиче Шушканове, позвонил, чтобы навести о нем справки, все сведения мне сообщили в несколько минут.

- Известность, говорите! - переспросил Шушка-нов.- Поживите-поработайте с мое на одном месте - удивляться не придется.- И быстро перевел разговор: - Так чем интересуетесь!

Я сказал.

- Летчфордом! Каким именно! Я троих знавал.

Марка Эдуардовича... Мы его звали Ивановичем. Потом Марка Марковича, сына. И еще внука - Игоря Марковича. До-о-стойные люди!

...Не до конца жизни водил поезда сын железнодорожника из Англии. Линии русских дорог удлинялись на сотни километров в год - страна наверстывала

упущенное. Шли последние годы девятнадцатого столетия. После конца 60-х - начала 70-х был второй период громадного подъема в развитии транспорта на русской I земле.

Как раз тогда и назначили Летчфорда мастером. Давний лондонский диплом был подкреплен двумя десятками лет работы на паровозах. Авторитет его признавался всеми. Так что выдвижение машиниста мастером, потом старшим, а там и помощником начальника депо, не удивило, а только порадовало.

- В Уральск он приехал вместо прежнего начальника - лютого, как зверь дикий. Того, говорили, в столицу призвали; ну, людям все равно, абы с глаз долой. Нового ждапи с* опаской: ан тоже такой окажется. Я, вроде бы, разведчиком стал. Старый, когда наниматься пришел, чуть не взашей меня вытолкнул - не под на-троение, слышь, попал. Так что в кабинет постучал не в страхе. А новый сесть заставил, про отца разузнал, чистильщики топок принял без всякого, да еще предупредил: "Стараться будешь, на машиниста обучим!" эде мечту мою прочитал... От того дня и пошло наше знакомство...

Долго работал Летчфорд-старший в Уральске и 5рую по себе память оставил. Особенно у рабочих. Время было бурное: первая русская революция. овать начальнику депо, конечно, не приходилось, не шел он в рядах демонстрантов и не строил баррикад. Но разве менее дорого то, что Летчфорд не дал в обиду ни одного забастовщика, не уволил ни одного из тех, на которых ему указывала полиция! От рабочего к рабочему переходил рассказ про то, как расправился Марк Эдуардович с инженером, позволившим себе издевательство над машинистом. Обычно спокойный, уравновешенный, Летчфорд вышел из себя, закатил высокомерному спецу звонкую оплеуху и тут же приказал убираться вон, на все четыре стороны. Инженер оказался благоразумным и шума предпочел не поднимать.

В 1913 году Летчфорда перевели на новое место - в Камышин. Там пережил он мировую войну, встретил революцию - новую, пролетарскую, работал в дни гражданской войны.

Как дорогую награду, принял старый железнодорожник Почетную грамоту революционного рабоче-крестьянского правительства. Грамоту и часы. Именные: "За честное исполнение долга перед народом".

Ну, а отцовские! Привезенные из Англии! Те самые, с тройкой! Их он - за много лет до того - передал сыну. Также Марку. И тоже железнодорожнику.

Часы обрели следующего хозяина.

Марк Маркович - второй из Летчфордов, с которыми довелось работать Шушканову. Но если старший принимал его на работу, то с младшим они были товарищами. Устраивать своего сына в контору начальник депо считал делом недостойным.

С учеников начинали путь и другие его сыновья. А было их...

Брат Джон потомков не оставил. Мечтал классный машинист о сыне, наследнике и продолжателе рода, а умер бездетным. Зато у Марка Эдуардовича детей было... шестнадцать. Выросло меньше - девять. По стопам отца пошли пятеро сыновей, и все уже при Советской власти стали большими специалистами - знающими инженерами, опытными организаторами.

Старший сын, Иосиф Маркович Летчфорд, когда я отыскал его в Горьком, затратил не один десяток страниц, чтобы хоть коротко рассказать о каждом. И я узнал, что Николай Маркович долгое время возглавлял I холодильные перевозки на Рязано-

Уральской; Эдуард стал организатором строительства паромов-ледоколов для переправки железнодорожных составов через Волгу; Адольф пошел по вагонной части; он, Иосиф, строил паровозы, а затем суда; Марк Маркович посвятил себя развитию путевого хозяйства.

Судьба Марка Марковича оказалась счастливой. Счастливой и... трагической.

С юности узнав радость труда на транспорте, пошел он учиться. Полюбив, обрел нежную и верную подругу. (Помните, я упоминал об Иване Козлове, друге Марка Эдуардовича! Друзья хоть через много лет, но породнились: дочь Козлова и стала женой Летчфордову сыну.)

Что ни год, то сильнее, оснащенное становился со-ф ветский транспорт: новые мощные паровозы, поезда небывалого веса, невиданные дотоле скорости. Приятно было сознавать себя гражданином великой железно-Цдорожной державы, и с гордостью носил Марк-млад-кй форму командира путей. Его наградили трудовым врденем.

И вдруг безвременная, страшная смерть... ..А часы... старые, выдавшие виды часы, подаренные прадедом деду и дедом отцу, продолжали идти исправно.

Игорь положил их в карман. С этой минуты они тановились его собственностью.

У него я тогда часы и увидел.

Никогда не искал он легких путей в жизни. Был слесарем, учился в школе машинистов, водил поезда. Война сделала его артиллеристом. Воевал геройски - на фронте стал коммунистом.

Запомнился разговор в штабе. "Вы машинист!" - "Машинист".- "Будете демобилизованы".- "Но война... фронт... товарищи... долг!" - "Приказ Государственного Комитета Оборонь". Как же высоко звание машиниста, если его, офицера, снимают с позиций и возвращают на паровоз!.. И навсегда запомнились военные будни железных дорог - не менее напряженные, чем фронтовые.

Еще в войну стал заместителем начальника депо, а сразу после войны - начальником. Теперь уже три десятка лет стоит он во главе больших коллективов на транспорте. А, значит, и во главе технического прогресса, во главе социалистического соревнования.

Это его вспоминал Шушканов, когда говорил о трех Летчфордах, с которыми довелось ему работать в Уральске.

Дед принимал пятнадцатилетнего Гошку в чистильщики топок, внук провожал Георгия Васильевича, заслуженного паровозного машиниста, на отдых после полувека труда.

Эстафета продолжается. Подхватят ее Летчфорды будущего. Рабочему роду нет перевода. История у "часов Стефенсона" не простая - долгая и славная..!

ПО СЛЕДАМ "КЛАДА КОМИССАРА" ПРОДОЛЖЕНИЕ ПОИСКОВ

6 ноября 1966 года -" эта дата запомнилась - по I оренбургскому телевидению был показан фильм "Клад ! комиссара".

О чем он - вы, читавшие заглавный очерк книги, представляете: об удивительной находке - старых не-, гативах, собранных бойцом революции Закурдаевым. А в это самое время в комсомольской организации | станкостроительного техникума думали-гадали: каким бы- делом - безусловно полезным и непременно увлекательным - заняться в канун юбилея Октября!

Фильм подал идею. И с дерзновением молодости | взвалили на себя ребята труд не из легких: установить, 1 что за каждым негативом кроется, какие люди и события фотокамерой схвачены, кто, где, когда снимался и Ёенимал.

...Несколько дней спустя в одной из комнат краеведческого музея обосновался штаб комсомольско-лолодежнрго клуба "Клад комиссара".

Руководство операцией принял на себя Глеб Ми-вйлович Десятков, преподаватель.

2

Сначала о нем, начальнике штаба. История - не специальность его, но, наверное, Истинная любовь и, если хотите, призвание.

По образованию он инженер. Сын оренбургских елезнодорожников, Десятков учился в войну, закон-школу в победном сорок пятом; тогда же поступил Куйбышевский политехнический, окончил его и, уже нженером-механиком, вернулся в родной город. На "Металлисте" он прошел путь от технолога цеха до главного технолога завода. С организацией совнархоза стал главным технологом управления машиностроения, упразднили совнархоз - вернулся обратно, а лет двадцать тому назад принял предложение готовить будущих техников-станкостроителей. С тех пор читает им курсы специальной технологии, конструирования станков, резания металлов. Передает свой производственный, жизненный опыт. Зажигает сердца молодых. Он коммунист, и ему до всего есть дело.

С чего начинали!

С растерянности перед обилием загадок.

И преодоления растерянности как трусости: "Взялись - так не ныть".

Преодоление могло прийти только в деле, и Десятков, педагог опытный, понимал это отчетливо. Наверное, потому и "схитрил" - первыми взял в работу негативы, которые поддавались расшифровке легче.

Запомнился ("самый-самый").

Небольшой холмик, а на нем трехдюймовка с разорванным стволом,,.

Не одному из ветеранов отпечатки показывали, пока, наконец, услышали: "знаю".

Георгий Иванович Семенов, новый знакомый следопытов, сам был участником того боя, в котором артиллерийская батарея красных насмерть стояла, отражая атаки врага.

Одно за другим замолкали наши орудия, вот уже осталось только последнее, у которого перебит почти весь расчет, но по-прежнему ведет огонь единственный живой артиллерист - дважды раненный командир батареи.

Белогвардейский снаряд заставил умолкнуть и эту пушку. Казаки бросились на уже не опасную для них (так казалось) позицию. Но торжествовали они рано - артиллерист был еще жив. Последним усилием воли он приподнялся, схватил в руку шнур и...

Много беляков увел с собою в могилу этот наш герой!

Когда дутовцев из Оренбурга выбили, сотни людей проводили артиллеристов в последний путь. На холмике, насыпанном над их телами, и была поставлена пушка с растерзанным стволом.

Та самая героическая пушка...

Фотография обрела точную подпись, а в искателях утвердилась уверенность: дело им по плечу.

Но скоро наступила полоса невезения. Вот уже сделано пять... семь... девять десятков отпечатков, а расшифрованы считанные единицы.

Не станешь же ходить из дома в дом с фотографиями в поисках участников, очевидцев событий! Сколько проходить так можно, а где гарантия, что не разминешься с тем, кто тебе нужен! кто помочь может!

- А что если попросить "Комсомольское племя"! - вслух подумал кто-то из штабистов.

В редакции молодежной газеты их поддержали.

- По две-три фотографии в неделю печатать сможем,- сказали твердо. О, это обнадеживало!

Надежда и впрямь не обманула. В ответ на публикации стали приходить письма, и какие письма. "Узнал себя!"... "Это мой дедушка"... "Такая фотография висит у нас дома"...

Но для того, чтобы показать людям все, областной "Комсомолке" при таких темпах требуется чуть ли не пятьсот недель. До юбилея же времени оставалось не ослишком много.

И тогда на помощь пришло оренбургское телевидение.

Новый цикл передач получил название "По следам клада комиссара".

Каждый понедельник, в одно и то же время... Десять-пятнадцать минут - полтора-два десятка фотографий...

Слово Люде Мухиной:

- Первая передача запомнилась особенно. На телевидение мы шагали бодро. Еще бы - не с пустыми руками идем и не только с просьбами о помощи. Вот сейчас всем расскажем о храбром артиллеристе Канарейке и пушке над братской могилой. Покажем портрет Ивана Ильича Андреева, председателя стачечного комитета,- в лицо он знаком не многим. Да и другие, уже разгаданные, негативы интересны... Ввели нас в студию. Вошли мы, расселись. Мы - это Глеб Михайлович, Наташа Григорьева, Надя Вирко и я. И вдруг пронзила мысль: сейчас нас будет видеть и слышать чуть ли не миллион человек. А тут еще свет вспыхнул - яркий, слепящий... Оробели, сжались девчонки. Но с волнением справились. Главное - удалось показать на экранах то, в разгадке чего особенно нужна была помощь телезрителей. И, знаете, еще не успела передача закончиться, как пошли телефонные звонки...

Двадцать девять недель подряд выходили в эфир следопыты, и не было передачи, за которой не следовало бы прояснения событий и лиц, запечатленных на стеклянных пластинках.

Но убедились не только в силе телевидения.

Говорит Наташа Григорьева:

- Телевидение, конечно, чудеса делает - такая аудитория! Только чем больше опыта накапливалось, тем глубже мы понимали: чему-то одному предпочтение отдавать нельзя, поиск требует использования всех средств. И мы искали ветеранов,

рассылали письма, погружались в архивы, выступали с экрана, устраивали выставки, помещали в газетах заметки. Ни времени, ни сил на это не жалели...

Толя Щеголев, Костя Мешков, Сергей Фунштейн, Люба Моисеева, Тамара Моргунова... да разве сразу; назовешь всех тех, кто составил тогда этот комсомольско-молодежный клуб! Теперь они инженеры, офицеры, мастера и начальники цехов, руководители и воспитатели коллективов, в разных городах и даже разных республиках работают, вместе не собирались уже давно, чуть ли не со времени окончания техникума, но в каждом живет и каждому светит огонек их юношеского "Клада комиссара".

5

Каждый негатив таил в себе загадку. ...Одна из улиц Оренбурга с давних пор носит имя арии Корецкой - легендарной в наших местах разведчицы гражданской войны. О ней написаны пьесы, ожены песни и поэмы, этот образ привлекает романистов, скульпторов, художников.

Последним всего труднее - фотографий Корецкой сохранилось; была она юной и юной погибла - хваченная белоказаками, выдержавшая пытки, умершая : гордо поднятой головой.

Руководитель партийного архива Иван Яковлевич утин даже со стула вскочил, когда увидел перед со-фотографию совсем молодой, очень миловидной, тловолосой девушки.

- Да мы это фото уже, почитай, с полвека разы-иваем,- сказал он в волнении.- Наверняка Мария эрецкая! Посмотрите сами...

Из ящика стола он достал портрет женщины в сынке.

- Похожа!

Фотография и портрет (его нарисовали, основываясь на описаниях очевидцев и родственников героини) были похожи на удивление. Одно лицо...

- Наконец-то получим мы достоверный снимок Ко-рецкой! - торжествовал Скутин.

Десяткову и его "штабистам" радость архивиста была приятна. Но... достоверность еще требовалось доказать единственным приемлемым способом: получить подтверждения от людей, бесспорно знавших отважную разведчицу.

Однако просто ли найти их через столько лет!!

- Вроде бы Корецкая,- согласился Гаврила Петрович Балахонов.- Я видел ее один раз, на Орском участке фронта.

Орском! Там она ходила в разведку, там ее поймали, пытали и казнили...

- Не Корецкая,- покачала головой Мария Максимовна Карягина.- А лицо знакомое... Погодите: в губ-женотделе у нас Комова была. Может, она!.. Ох, память-память!

Балахонов советовал связаться с Ольгой Шипко, женой боевого товарища - венгра-интернационалиста; Карягина указала на сестру казненного белогвардейцами большевика Тамарова, Евдокию; те, в свою очередь, назвали другие фамилии. Пришлось прибегнуть к услугам адресного бюро. Капитан милиции Нина Андреевна Крупенина живо заинтересовалась делами поискового клуба, рьяно включилась в его работу и - только в процессе разгадки одного этого негатива - помогла установить более шестидесяти адресов....

По всем этим адресам следопыты прошли. И какая разница, где, при какой очередной встрече окончательно отпали и первоначальная, и последующие версии, уступив место той, которая со временем подтвердилась!

Последним звеном поисковой цепочки стала встреча с Викторией Игнатьевной Шениной.

Едва посмотрев на отпечаток с негатива, старая коммунистка не могла сдержать слез.

- Откуда у вас Василек!!.- воскликнула она в полнейшем недоумении.- Мы все ее так звали,- пояснила Шенина,- за удивительные голубые глаза. Да и имя к тому подталкивало: Василисой при крещении нарекли... Это Василиса Лаврентьевна Тамбовцева, дорогая моя подруга, испытанный партийный товарищ. И в подполье работала, и с бандитами дралась, и за новое сознание людей воевала... Из той же породы она, что прославленная каша Корецкая!..

...Значит, фотографии Марии Корецкой не оказалось и здесь. Но искатели, честно говоря, огорчения не испытали. Из прошлого к ним пришла - и с ними осталась - неведомая никому Василиса-Василек. Еще одна героиня борьбы за Советскую власть...

6

По телевидению передачи продолжались...

В адрес "Клада комиссара" шли письма.

Одно из них заставило призадуматься.

Автор его сетовал на то, что телеэкран изображение порою искажает, а к тому же мешает восприятию и слишком напряженный темп передачи: фото с экрана, быстро исчезает - не успеваешь подумать, вспомнить, проверить первое впечатление.

Зритель подал мысль: организовать "приемные дни" и в назначенное время открывать свободный доступ ко всем отпечаткам. Штаб клуба с этой идеей согласился. Музейные работники поддержали.

Днем открытого показа была избрана суббота. . И в первый же "приемный день" удалось расшифровать несколько негативов, которые, как считали следопыты, держали перед ними "глухую оборону".

Для музея помощь клуба становилась все более ощутимой.

Для исследователей "клада комиссара" наступило время поездок.

Следы вели в разные места. Не везде могла помочь переписка. Нужно было отправляться в путь...

Первое свое "дальнее путешествие" негативы совершили в Куйбышев. Приурочили его к тому январскому дню, когда дом-музей М. В. Фрунзе заполняют ветераны гражданской войны. Вот и повезли им 'фотографии-загадки. Что скажут живущие в городе на Волге бывшие оренбургские красногвардейцы и красноармейцы, коммунисты и коммунистки!

Многие узнали на фотографиях себя, многих - живых и мертвых - опознали их товарищи. Увозили с собою члены клуба немало собственноручных, а больше ими же старательно записанных воспоминаний. Кто-то передал - "для Оренбурга" - мандаты, документы, снимки далеких лет молодости.

Вернулись не с пустыми руками.

И скоро собрались в Алма-Ату.

Почему туда!

...В который раз просматривая напечатанные карточки, следопыты обратили внимание на пометы в уголках части негативов: "Фотография Блехмана"... "народный фотограф Блехман"... Уже скоро его работы они стали узнавать и без того - по интерьеру, по исполнению.

Первые сведения об этом человеке сообщил известный в области пропагандист, отменный лектор-международник Иван Иванович Коржеманов - сын старого коммуниста и сам коммунист с полувековым, если не больше, стажем. По его данным, Блехман переселился в Оренбург из Самары в самом начале мировой войны, тут организовал свою фотографию, преуспевал в ней, а с победой революции передал "предприятие" в полную собственность Советской власти, сам же стал фотографом "по найму".

К фотографии он относился как к искусству, с камерой его можно было видеть всюду. Этому способствовало и новое положение Блехмана - фотографа губкома партии, губернской ЧК, а потом и правительства Кирреспублики (первой столицей Советского Казахстана стал, как известно, Оренбург).

Когда столицу перенесли в Кзыл-Орду, а затем в Алма-Ату, Блехман переехал туда. Отснятые негативы он оставил в Оренбурге. И со временем оказались они у Закурдаева - собирателя "клада комиссара".

Конечно, рассчитывать на то, что Блехман отыщется, и тем более живым, особенно не приходилось. Столько лет минуло! Но в газеты Казахстана следопыты все же написали. И однажды получили сообщение: Блехман не только жив, но и по-прежнему занимается делом всей жизни - фотографией. Адрес его: Алма-Ата, улица Мосэнчи...

Поездка была не "зряшной". Многое порассказал этот старый уже человек, который в 1925 году первым - и единственным, кажется, среди всех людей его профессии - удостоился звания народного фотографа ("народный фотограф Кирреспублики"), а десять с лишним лет спустя стал заслуженным деятелем искусств Казахстана. В волнении рассматривал Евсей Ефимович давние работы, высвечивая их своей, довольно крепкой еще, памятью.

Федор Шерстюк пролил свет на историю доброй сотни фотографий выпускников и курсантов 18-й Оренбургской пехотной школы комсостава имени КирЦИК - в ней он служил командиром эскадрона. : Это из его рассказов стало известно, что школа была создана для подготовки красных командиров из казахской, татарской, башкирской молодежи; она просуществовала до 1926-го - значит, не один год, и немало амечательных людей дала нашей Армии...

Из Куйбышева и Алма-Аты энтузиасты привезли многое - в том числе и отснятые ими киноленты. Потом их показали по телевидению. Цикл передач "По следам клада комиссара" продолжался.

8

Клуб при музее давно уже стал общегородским. Никто из инициаторов его не покидал, зато приходили новички - старшеклассники, рабочие, студенты. Дел хватало всем.

После того, как об оренбургских искателях рассказала "Комсомольская правда", намного увеличилась почта. Из Ташкента предложил свои услуги бывший командир первого Туркестанского отряда красных партизан Усманов; готовность помочь выразили ветераны из Ленинграда, Белой Церкви, Череповца.

Читатели настолько уверовали во всемогущество молодых искателей, что стали обращаться к ним за помощью.

Всех взволновало, например, письмо из Баку, от Елены Христофоровны Михайловой:

"...Мы жили в местечке Боржом. Мне было двенадцать, сестрам - девять и пять лет, когда умер наш отец. То было трудное время - ни хлеба, ни топлива. Голодали, умирали от истощения.

Но вот наступил 1921 год. В один из воскресных дней в городок вошли красные. Во дворе нашего дома появились всадники. Одним из них был ваш оренбуржец Яков Васильевич Ермаков - начальник упродбрига одной из частей 11-й армии, которой командовали С. М. Киров и Серго Орджоникидзе. Помощь пришла вовремя...

С тех пор прошли десятилетия. Мы выросли, стали специалистами, много поработали на благо Родины, у нас и дети свои, и внуки. Но память сердца навсегда сохранила имя и облик Якоза Васильевича. Найдите его..."

Можно ли было не отозваться! Хотя ответили - что правда, то правда - не сразу, зато не уклончивым обещанием помочь, а подробнейшим письмом о коммунисте Ермакове, о его жизни, о его семье. Для такого ответа потребовался, конечно, поиск. Да ведь для поисков они и объединились!..

...Полная история клуба "Клад комиссара" - в его отчетах за годы и годы деятельности. Работал он долго и славно. Расшифровать удалось подавляющее большинство негативов, а это значит - сотни людских судеб прошли перед искателями, и значит также - ярче вспыхнули события, каждое из которых вошло в Летопись Революции.

Оренбургским следопытам рукоплескали Ленинград, Киев, Ульяновск - столицы всесоюзных походов по местам революционной, боевой и трудовой славы народа. Их медали за поиск - как те, о которых сказал поэт: "Из одного металла льют медаль за бой, медаль за труд".

«Велико воспитательное значение революционных, боевых и трудовых традиций Коммунистической партии и советского народа. Отрадно, что вы с высоким чувством сыновнего долга настойчиво готовите себя к тому, чтобы достойно принять, героическую эстафету отцов и дедов..."

Это из письма Леонида Ильича Брежнева.

Письма, присланного в мае 1975-го комсомольцам средней школы совхоза "Ударник", Новоорского района, Оренбургской области.

Высокая оценка, дорогое каждому признание!

...А поиск продолжается.

Искателей собирают вокруг себя музеи.

Оренбургский и здесь среди самых активных.